

«XV-XVII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты: шетелдік мұражайлар мен мұрағаттардағы жаңа құжаттар мен артефактілерді таныстыру»

Халықаралық Симпозиумның және дөңгелек
үстелдің материалдар жинағы

Астана, Қазақстан, 16-17 қазан 2025 жыл

Materials of the International Symposium and Round Table
«Kazakhstan's Diplomacy and Overseas Relationship
in 15th – 17th centuries: Introducing the New Artifacts
from Overseas Museums and Archives and Shaping
the Scholar's Vision»

Astana, Kazakhstan, 16-17 October 2025

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА

**«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
КАЗАХСКОГО ХАНСТВА:
НОВЫЕ НАХОДКИ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА ДОКУМЕНТОВ И АРТЕФАКТОВ
ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСКОГО
ХАНСТВА В XV-XVII ВЕКАХ, НАХОДЯЩИХСЯ
В ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЙНЫХ
И
АРХИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ»**

Алматы, 2026

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)
В 60

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова*

В 60 «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: новые находки и академическая оценка документов и артефактов по внешней политике Казахского ханства в XV–XVII веках, находящихся в зарубежных музейных и архивных коллекциях» // Материалы международного симпозиума / Под общ. ред. Абусейтовой М.Х. Музафарова Р.Р. / Составители Табынбаева З.С., Салимгиреева А.Б. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2026. – 216 с.

ISBN 978-601-12-7893-5

Сборник материалов посвящен результатам Международного симпозиума и круглого стола, направленных на изучение внешней политики Казахского ханства XV–XVII веков и осмысление новых архивных и музейных находок, выявленных в зарубежных коллекциях. Особое внимание уделено вопросам методологии работы с источниками, междисциплинарным подходам и роли международного академического сообщества. Материалы сборника отражают современные направления развития исторической науки Казахстана и подчеркивают важность интеграции документального и нематериального наследия. Издание также фиксирует инициативы по созданию международных научных платформ и укреплению глобального сотрудничества. Сборник раскрывает ключевые темы, обсужденные в рамках пленарных заседаний, выставок и экспертных дискуссий. В издании представлены доклады и презентации участников из Франции, Великобритании, Швейцарии, Бельгии, Ирана, России, Китая, Японии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана.

Книга предназначена для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей Казахстана и гуманитарными науками.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 978-601-12-7893-5

© Шығыс пен Батыс, 2026

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

***

*Приветствие Генерального секретаря Национальной комиссии
Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО
2-жи Жанар Есентаевны Шайменовой (Астана, Казахстан)*

**Құрметті ханымдар мен мырзалар.
Құрметті қатысушылар!**

Қазақстан Республикасы ЮНЕСКО және ИСЕСКО істері жөніндегі Ұлттық комиссиясының атынан бүгінгі үлкен іс-шарамызға, Астана қаласына қош келдіңіздер деп айтуға рұқсат етіңіздер.

Уважаемые участники и гости симпозиума,

В первую очередь позвольте отметить, что проведение сегодняшнего мероприятия стало возможным благодаря международному гранту в рамках Программы участия ЮНЕСКО (Participation Programme). В этой связи выражаем благодарность штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и Региональному офису ЮНЕСКО в Алматы за поддержку данного проекта.

Особая благодарность выражается организаторам мероприятия – Руководителю кафедры ЮНЕСКО «Наука и духовность» при Институте востоковедения им. Р.Б.Сулейменова Меруерт Хуатовне Абусейтовой. Ваша научная инициатива и неустанная работа являются для нас примером и идейным вдохновителем. Также большое спасибо Заместителю Председателя комитета по охране Нематериального культурного наследия Рустаму Рахимовичу Музафарову и Председателю комитета программы ЮНЕСКО «Память мира» Кумис Карсакбаевне Сеитовой за создание условий для продуктивной работы и нашего с вами содержательного общения.

Как известно, на IV Курултае в Боровом Глава государства поставил задачу активизировать усилия по сохранению и международному признанию национального документального наследия.

В рамках исполнения данного поручения в этом году казахстанская номинация «Хандар шежіресі» («Генеалогия ханов») вошла в Международный реестр Программы ЮНЕСКО «Память мира».

Сегодня мы все с вами собрались, чтоб продолжить обсуждение этой важной темы посвященной внешней политике Казахского ханства: новым находкам документов и артефактов XV–XVII веков. Отрадно, что эта тема вызывает интерес и поддержку как самой ЮНЕСКО, так и широкого академического круга экспертов из разных стран.

В работе Симпозиума принимают участие представители ЮНЕСКО, международных исследовательских центров и академических учреждений из Казахстана, Китая, России, Узбекистана, Таджикистана, Ирана, Франции, Великобритании, Бельгии, Швейцарии и Японии.

Спасибо всем вам большое за отклик и готовность поделиться своими знаниями.

Наш Симпозиум прежде всего направлен на развитие международного научного сотрудничества, обмен результатами архивных исследований и укрепление межкультурного диалога.

Мы надеемся, что Симпозиум в Астане станет примером того, как обращение к историческому опыту способствует укреплению доверия, культурного диалога и академического партнерства на евразийском пространстве.

Желаю всем успешной работы, плодотворных дискуссий и новых открытий.

***Opening Address from Mr. Philippe Delangh,
Cultural Advisor of the UNESCO Regional Office for Central Asian
Countries in Almaty (Almaty, Kazakhstan)***

Distinguished guests, ladies and gentlemen,

It is a great honor for me to make an address on behalf of UNESCO at the opening of this important international Symposium and roundtable on Kazakhstan's diplomacy and overseas relationships between the 15th and 17th centuries, introducing new artefacts from overseas museums and archives and shaping the scholars' vision.

I am a layman in these matters, but I do indeed believe, this is a very important topic which is not commonly touched upon. One is more used to reading and hearing about the prior Mongol period, with its invasions, conquests rule and empire over a vast extent bridging East and West, and bringing with it a wealth of documented and undocumented diplomatic and overseas relations from the courts of Louis IX of France, over the Mamluk Sultanate of Egypt and Syria, to the Yuan dynasty in China, reaching Japan and Southeast Asia.

With the central geographical situation of Kazakhstan on the Eurasian continent being a fact, it would only be logical that subsequent empires and states played an important role in continuing to bridge and cement relations between the states and cultures of this extraordinary landmass and beyond.

This is already reflected so nicely in the different titles of the presentations that will be brought to us today, to name but a few: Chinese–Kazakh relationships, the Sunni belt of Eurasia, and Said-Ahmad Khan in Eastern European politics.

These examples also indicate the present-day relevance of the topics and the importance of international relations, diplomacy, and intercultural and interreligious dialogue which are at the heart core values of UNESCO and the United Nations family as a whole.

The content also refers to archives and museums and their artefacts related to the subject, so dear to UNESCO's communication and culture sectors, with programmes on documentary heritage such as the Memory of the World and the 2015 Recommendation concerning the protection and promotion of museums and collections, stressing the important role of these institutions in preserving heritage and transmit-

ting and educating the general public, but foremost the young, bearing the responsibility for passing on the baton to future generations.

It would be important to see how these archival and museum artefacts and collections could play a future role in possible nominations under UNESCO's conventions and recommendations.

Last but not least, I would like to welcome the topic of the second day of the Symposium, the concept of the East–West international academic committee. It is an effort to bridge and bring together contributions from institutions and research centres having vast experience on the subject.

I cannot refrain from mentioning INALCO, with which UNESCO has longstanding cooperation, as well as the Université Catholique de Louvain, a university in my own town of Leuven, known for its international outreach.

I would also like to refer to the monumental work *History of the Civilizations of Central Asia*, carried out by UNESCO and IRCI, a long-term supporter of UNESCO's activities related to the 2003 Convention on Intangible Cultural Heritage.

I want to congratulate the organizers on such a rich and engaging agenda and wish you all a very successful two days of discussions, which could hopefully contribute to strong recommendations.

Thank you very much.

*Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат
министрлігінің Мәдениет комитетінің төрағасы
Дакенов Ерлан Ерғазыұлы мырзаның құттықтауы
(Астана, Қазақстан)*

**Қайырлы күн құрметті ханымдар мен мырзалар, қадірлі
қонақтар, отандық және шетелдік ғылыми қауымдастықтың
өкілдері!**

Сіздерді Қазақ хандығының XV–XVII ғасырлардағы сыртқы саясатына қатысты мұрағаттық деректерге арналған халықаралық Симпозиумның ашылуымен шын жүректен құттықтаймын!

Бүгінгі Симпозиум халқымыздың бай тарихын, мұрасын зерделеуге бағытталған маңызды ғылыми шара ғана емес, сонымен қатар Мемлекет басшысының ұлттық құндылықтарды жаңғырту, тарихи сананы нығайту және ұлттық мұраның халықаралық деңгейде мойындалуына қатысты стратегиялық бағытын жүзеге асыру жолындағы нақты қадам.

ЮНЕСКО-ның қатысу бағдарламасы аясында іске асып отырған бұл бастама Қазақстанның әлемдік ғылыми кеңістіктегі ықпалдастығының айқын көрінісі. Сонымен қатар Қазақ хандығының халықаралық қатынастар тарихындағы орынын, сыртқы саяси байланыстардың ауқымын жан-жақты зерттеу арқылы біз ұлттық тарихымыздың жаңа парақтарын ашамыз.

Симпозиумға қатысып отырған шетелдік және отандық архивтанушылар мен тарихшылардың, ғалымдар мен сарапшылардың өзара тәжірибе алмасуы ортақ ғылыми кеңістікті нығайтып, «Шығыс-Батыс» атты халықаралық ғылыми зерттеу платформасын құру жолындағы берік іргетас болуына сенімдіміз.

Алдағы талқылаулар өз жемісін беріп, Қазақ хандығы тарихының әлемдік ғылымда лайықты орын алуына септігін тигізеді деп үміттенеміз.

Баршаңызға табысты жұмыс, жаңа ғылыми ашылымдар мен тиімді ынтымақтастық тілеймін. Назарларыңызға рақмет!»

*Opening Address from Mr. Daisuke Machida,
Director-General, International Research Centre for Intangible
Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region (Osaka, Japan)*

**Distinguished members of the Organizing Committee,
Distinguished guests and participants,**

It is a great honor to be invited to this international Symposium and say a few words on behalf of the International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region, or IRCI.

First of all, I would like to congratulate the organizing committee on realizing this international event. After I received an invitation to deliver a message, I read the background document and considered the legitimacy of the Symposium and round table.

In natural sciences, we all know that theories have changed over time. At school, we learn the basic history of science, particularly physics, from Aristotle to Galileo and Newton to Einstein and quantum theory.

Also, in the field of history, scholars have discovered new facts by examining archives and artifacts and have continued to produce new theories. At some point, the accepted theories were discarded because they contradicted new findings, and new theories often became the accepted ones.

In human sciences, however, new theories seem to remain unknown to scholars studying different research themes, much less to non-experts. In every country, there are many accepted theories about each period of its history. We learn those accepted theories at school and are inclined to continue to believe that they are correct forever.

Therefore, although I am ignorant of the research results on which this event is based, I am confident that this Symposium and round table is quite significant. Discoveries alone are not enough. Publishing a book is not enough. Interaction with other scholars and revision of textbooks used at school are necessary. I completely agree.

These days, I often watch TV programs that feature historical events or persons who left their mark on history. They provide me with knowledge about the history of Japan and other countries that I have learned little or incorrectly according to the old, accepted theories.

The past cannot be changed, of course, but whenever I watch those TV programs, I learn that history is continuously updated by new findings about the past.

The same goes for research on intangible cultural heritage, or ICH. IRCI has been collecting research information in this field, shifting its geographic focus every three years or so. We finished collecting research information on ICH in Central Asia last year, but I am sure we will have to come back in some years because there is no end to the discovery of facts and development of new theories, and their publication.

Last month, in cooperation with ICHCAP and the UNESCO Tashkent Office, we organized a subregional meeting for ICH safeguarding in Central Asia. The meeting was very successful and made me want to be involved in this region in some way after the current data collection project is over. I hope our new project on ICH and ecosystems will include a case study in Central Asia.

Finally, I extend my best wishes for fruitful discussions at the Symposium and the following round table. Thank you very much for your kind attention.

*Opening Address from Dr. Atousa Momeni,
Director-General, International Research Centre for Intangible
Cultural Heritage in the West and Central Asia
(Tehran, Islamic Republic of Iran)*

Distinguished hosts and colleagues, Excellencies, scholars, and representatives of the UNESCO family, ladies and gentlemen, it's my great honor.

It is a pleasure to address this distinguished gathering, which brings together eminent historians, archivists, members of memory institutions, and cultural scholars from across our shared region of Central Asia and beyond.

I extend my warm appreciation to Mrs. Janer Shaymanova, the Secretary General of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ICESCO, and to the Government of Kazakhstan for convening such a meaningful dialogue that bridges the past and the present through the lens of diplomacy, knowledge, and shared heritage. My thanks also go to Mr. Amir Piric, Director of the Regional UNESCO Office in Kazakhstan. Finally, my thanks go to Dr. Rustam Muzafarov, a valuable member of the Governing Council and the Executive Board of the Tehran ICH Centre.

The Symposium reminds us that the history of diplomacy in Central Asia was never merely political; it was profoundly cultural from the 15th to 17th centuries. The Kazakh Khanate and its neighboring realms, including Iran, were not isolated entities, but vital nodes in a living network of exchange, where manuscripts, envoys, crafts, and philosophies traveled as emissaries of understanding long before the modern notion of international relations was born.

Today, as we gather under the auspices of UNESCO, we are invited to revisit those early forms of cultural diplomacy that shaped the moral geography of our region a geography defined not only by borders, but by bridges of knowledge, art, and human connection.

The rediscovery of archival materials and museum artifacts, some preserved far from their place of origin, not only enriches our historical records, but also revives the shared memory that underpins our contemporary identity.

In the same spirit, I wish to recall the Mundial Call 2025 conference held earlier this month in Barcelona under the auspices of the Kingdom

of Spain, with the participation of UNESCO's Director-General, her Deputy Director-General, and a considerable gathering of Ministers of Culture from around the world. Mundial Call 2025 reaffirmed that culture is a real and indispensable necessity for achieving sustainable development and global peace.

It also emphasized that the essential interlinkage between culture, economy, and law must be embedded at the heart of public policy. This vision was powerfully echoed in the Global Report on Cultural Policy launch in Barcelona, a milestone document which positions culture as a global public good, integral to climate action, digital equity, cultural rights, and social justice, and calls for a standalone goal on culture in the Sustainable Development Goals.

It reminds us that the future of humanity depends not only on technology or growth, but on imagination, inclusion, and the dignity of cultural diversity. As Director-General of the UNESCO Category 2 Centre for Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in Western Central Asia, based in Tehran, I am deeply committed to reinforcing this very bridge between nations, between generations, and between the tangible and intangible dimensions of heritage.

Our Centre's mission is rooted in the conviction that intangible heritage the living traditions, knowledge systems, and social practices of communities are as vital to diplomacy as treaties and archives.

It is, in a sense, a language through which civilizations recognize each other. Kazakhstan has long been a custodian of such dialogue, from the Silk Road to contemporary multilateral forums. Its contribution to the study and safeguarding of intangible heritage, as well as to the cultural historiography of Eurasia, stands as a testament to the enduring relevance of human creativity and intercultural understanding.

In the face of current global challenges, from environmental stress to social fragmentation, our task is not only to remember, but to reimagine: to reimagine diplomacy as a dialogue of heritage, to reimagine scholarship as a service to humanity, and to reimagine archives not as static repositories, but as living mirrors of the values that unite us. Let us therefore continue this collective effort to weave together the tangible traces and the intangible wisdom of our ancestors and to transform them into a shared narrative of peace, resilience, and mutual respect.

Thank you very much for your attention.

*Приветствие Профессора Высшей школы исследований
социальных наук, доктора исторических наук
Винсент Фурнье (Париж, Франция)*

Здравствуйте уважаемые коллеги!

Уважаемый Рустам Рахимович Музафаров, уважаемая Меруерт Хуатовна Абусейтова, участники из Узбекистана и Таджикистана!

Я хотел бы выразить свою благодарность Национальной Комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО за организацию этого международного Симпозиума по университетскому сотрудничеству, применению междисциплинарного подхода к историческим исследованиям связанных с историей Казахского ханства XV-XVII веках.

Проект Симпозиума состоит из трех основных направлений:

- Внедрить в Казахстане и других государствах Центральной Азии последние достижения в области социальных и гуманитарных наук с целью восстановления их национальной истории и этнической идентичности;

- Создание базы для международного академического сотрудничества по теме Казахского ханства с целью укрепления знаний о нем, и прежде всего обновление методики их обработки;

- Продолжить совершенствовать и развивать знания о Казахском ханстве во всех областях исторической, социокультурной и других. Для меня большая честь быть назначенным модератором нашей общей дискуссии, и я искренне благодарен за оказанное доверие.

Меня также попросили выступить с кратким словом в качестве модератора. Я подготовил вступительное слово как историк Центральной Азии новых открытий и исследований, касающихся Казахского ханства, а также пожеланий Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО способствовать подготовке молодых казахстанских специалистов в области истории. С учетом моей позиции как историка Центральной Азии, позвольте мне высказать некоторые соображения адресованные прежде всего молодым исследователям и профессорам, а также разделяю мнение организаторов встречи, по трём основным направлениям:

- во-первых, внедрение и развитие современных исследовательских подходов в Казахстане и других странах Центральной Азии;

во-вторых, создание прочной основы для международного академического сотрудничества;

в-третьих, дальнейшее углубление и расширение знаний о Казахстане.

Мои заключения состоят из двух кратких пунктов:

Первое: В Казахстане процесс возвращения к своей национальной истории и этнической идентичности сталкивается со специфической интеллектуальной трудностью, которая заключается в необходимости объединения знаний о политической и культурной истории Казахского ханства с исследованиями экономической и социальной истории великого кочевого мира – Дашт-и Кыпчака.

Несмотря на то, что эти области исследования уже существуют, они по-прежнему развиваются во многом параллельно и обособленно друг от друга.

Представляется, что одной из задач данного международного Симпозиума является их сближение. Если эта цель будет достигнута, это станет значительным шагом вперёд. Речь идёт о формировании целостного знания в двух направлениях, которые в действительности неразделимы и не противоречат друг другу.

Эти результаты были бы особенно важны для молодых исследователей. Иногда создаётся впечатление, что молодые казахстанские исследователи не всегда четко понимают, что эти области исследования существуют уже давно, как в и современном Казахстане, так и на протяжении прошедших десятилетий.

Среди молодых исследователей, с которыми мне доводилось общаться в последние годы, все еще ощущается недопонимание представлений между тем, что относится к истории Великого кочевничества и тем, что относится к политической и культурной истории государственности. Тогда как вероятно невозможно полноценно обойтись без того, что относится к изучению кочевничества в исследовании казахской государственности и того, что относится к государственности в исследовании казахского кочевниковедения.

Эта проблематика напоминает мне дилемму, с которой столкнулась французская историческая мысль в XIX веке – как объединить в национальной истории Франции два главных компонента, которые 19 веков назад были политическими антагонистами – Рим и Галлы.

Термин национальный пантеон означает здесь все элементы, которые вместе формируют основы культурных и эмоциональных представлений, определяющих коллективную идентичность и чувство принадлежности к национальному сообществу. Именно современный Казахстан, стремится реализовать эту основу в рамках тематики Казахского ханства

Франция XIX века ощущала себя глубоко сформированной римским наследием – прежде всего в культурном отношении: через изучение латинского языка, которое долгое время оставалось обязательным в высших слоях общества, а также через влияние католицизма, пришедшего из Рима в поздний период Римской империи. До XIX века о галлах во французской культуре, мало занимались. Однако благодаря развитию археологии французские интеллектуальные и политические элиты начала XIX века начали лучше осознавать значение галловской культуры и осознавать, что основу населения поздней Галлы и территории, которая в последствии стала Францией на самом деле состояла в основном из местных элементов кельтского происхождения, которые прошли через длительный процесс гуманизации на продвижении нескольких понятий.

Таким образом, в XIX веке пришлось найти место для галлской составляющей, сделать ее более заметной и включить этот компонент в национальный пантеон, где доминировала греко-римская античность.

Второе: В данном разделе рассматривается проблема исторического дискурса как особого объекта исследования, отличного от собственно исторических фактов. Особое внимание уделяется письменным источникам, на которые опирается реконструкция истории Центральной Азии, в целом, а также отдельных народов региона, в частности истории Казахского ханства. Одна из причин такого расхождения между фактами и тем, что о них говорят, или о них говорится в том или ином письменном источнике частично заключается в истории эмоций, в истории культурных представлений и нетрудно признать, что увлекательная тема преемственности и истории восприятия и культурных представлений слабо представлена в области истории Центральной Азии до сегодняшнего дня. Я приведу один пример, чтобы наглядно продемонстрировать не-

разрывную связь между реальностью и дискурсом о ней. Этот пример взят из заявления казахского правителя Касым-хана к правителю Могулистана Султан Сайд-хану. Касым-хан правил с XVI века и упоминается в значительном числе источников. Он считается одним из первых ханов основателей Казахского ханства и первый, кто объединил все казахские племена. Это короткая цитата взята из знаменитого «Тарих-и Рашиди», одного из главных исторических трудов Центральной Азии XV-XVI веков, составленного Мирзой Мухаммад Хайдар Дулати: «Мы жители степи у нас нет ни редких не дорогих вещей и товаров, главное наше богатство состоит в лошадях, мясо и кожа их служит нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас – молоко их, и то что из него готовится. На земле нашей нет ни садов, ни зданий, место наших развлечений пастбище скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней».

Отметим, что эта цитата довольно часто встречается в трудах по истории Казахстана. Мы видим, что лошадь ассоциируется с силой, что вполне нормально для правителя. Но эта цитата особенно интересна тем, что в ней речь идет не о военной и политической мощи, но о душевной жизни народа, о том как правитель представляет внутреннюю жизнь своего народа и ценности, которые формируют его представления о культурной идентичности. В этой цитате лошадь – символ этой культурной идентичности. Интересно сравнить эту оду лошади с конкретной реальностью состава стада в казахской скотоводческой экономике. Средний состав стада кочевников в традиционном Дешт-и Кыпчаке, мы полагаем, что цифры XIX века могут отражать ситуацию XVI века, примерно число лошадей 4 миллиона голов и в среднем они составляли чуть более 13%. Цифры взяты с работы Н.Масанова «Кочевая цивилизация казахов». Общее количество скота оценивается примерно в 20 миллионов голов, а коз в 3 миллиона. В среднем овцы составляли почти 60% всего скота. Овцы преобладали в пустынных районах. Общее количество верблюдов оценивается чуть более, чем в 1 миллион голов. Тогда значит лошадей только 4% всего общего поголовья скота. Общее количество крупного рогатого скота можно оценить в 3,5-4 миллиона голов. Удельный вес 12% от общего поголовья, столько же сколько лошадей. Тирада Касым-хана, об-

ращенная к хану Могулистана Султану Саид-хану, представляет большой интерес как сама репрезентация того какое именно животное ценится среди основных видов разводимых кочевыми скотоводами. Конечно, надежные данные на период правления Касым-хана отсутствуют, в связи с чем не совсем соответствуют объективному составу скота кочевников Дешт-и Кыпчака, более того эта культурная переоценка в самосознании кочевников характерна для общества как Дешт-и Кыпчака, так и для общества Мавераннахра, для казахов и также для узбеков, несмотря на то, что в их скотоводческой экономике преобладали овцы. Эта переоценка лошади является страницей в истории восприятия и культуры представлений и заслуживает дальнейшего развития исследования.

Спасибо за внимание!

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

***

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ВИЗУАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА XV–XVII ВЕКОВ

АБУСЕИТОВА МЕРУЕРТ ХУАТОВНА,
*директор Республиканского информационного центра
по изучению исторических материалов, истории и культуры
народов Востока при Институте востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова, член-корреспондент НАН РК,
доктор исторических наук, профессор
(Алматы, Казахстан)*

Межгосударственные отношения, дипломатия правителей Казахстана и Центральной Азии освещаются в ряде источников, не исследованных до настоящего времени. С помощью дипломатии правители проводили внешнюю политику либо путем войны, либо путем укрепления международных связей.

Источники по истории дипломатических отношений Казахстана и Центральной Азии представляют собой довольно значительный и многообразный материал. Среди них на первом месте – письменные восточные источники, основное содержание которых составляют описания военных походов, внешнеполитические интересы государств. Таковы, например, «Тарих-и аламара-йи Аббаси» Искандара Мунши, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиза Таныша, «Имамкулихан-наме» Сухайла. В них встречаются тексты договоров, заключавшихся ханами, правителями государств. Сведения в этих источ-

никах порой тенденциозны, по содержанию они иногда парадны и помпезны, и к ним следует относиться критически.

XVI век – период образования и расцвета крупнейших империй: Османской в Турции, Сефевидов в Иране, Великих Моголов в Индии, а также таких государств, как Казахское ханство, Астраханское ханство, Шайбаниды, Аштарханиды в Средней Азии и др. В «Тарих-и Султан Мухаммад Кутб-шахи» зафиксированы активные дипломатические и торгово-экономические отношения с империями, а также важные сведения о Великих Моголах, потомках Тимуридов и их роли в истории.

Особо отметим рукопись «Тарих-и Кыпчак-хани» Ходжам Кулибек Балхи, которая представляет собой полный британский список по истории Шайбанидов, Аштарханидов и Казахскому ханству и дополняет ранее известные российский, узбекский, французский списки. По содержанию «Тарих-и Кыпчак-хани» относится к всеобщей истории. В каждом разделе автор последовательно описывает родословную правителя, место и время его рождения, приход к власти, раскрывает политические события, связанные с его правлением. Приводятся имена правителей соседних стран, а также известных поэтов, духовных лиц. Высокая значимость «Тарих-и Кыпчак-хани» в том, что автор приводит конкретные факты, которые при сравнительном исследовании с другими источниками дополняют и позволяют более точно восстановить исторические события. В труде содержится ценный материал по истории казахов, узбеков и, в целом, Средней Азии XVI–XVII веков [1, с. 25].

Ходжам Кулибек Балхи приводит важные сведения об административном устройстве государств Великих Моголов, Шайбанидов, Аштарханидов. Указываются названия городов, множество различных топографических терминов, названий мер измерения (длины, веса, расстояния) и др. Особую категорию источников составляют архивные материалы: посольские книги, архивы внешней политики, исторические акты, официальная переписка. Они насыщены статистическими данными, имеют тенденцию к систематизации событий и явлений, содержат отправные хронологические моменты. Однако они, так же как и восточные источники, тенденциозны и предельно официальны. Рукописные памятники в виде миниатюр также дают сведения по истории межгосударственных отношений. Это миниатюры с изображением приема посольств, принесения дани,

даров и т. д. Определенную информацию несут в себе ханские грамоты, ярлыки, печати, монеты с титулатурой.

Британский список манускрипта «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» содержит богатую коллекцию миниатюр. Благодаря сведениям данного сочинения воссоздается история Казахского ханства и время его основания и становления, история первых казахских ханов Керей и Джанибека. Особое значение имеют миниатюры, по которым исследователям удастся реконструировать важные визуальные сведения об одежде, символике, предметах быта и пр. При сравнительно-сопоставительном анализе «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» дополняется историческими и визуальными подтверждениями из сочинения Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих», историко-событийными сведениями в политическом (структура власти), экономическом (пастбищное хозяйство) и культурном аспектах [2, с. 23] (илл. 1).

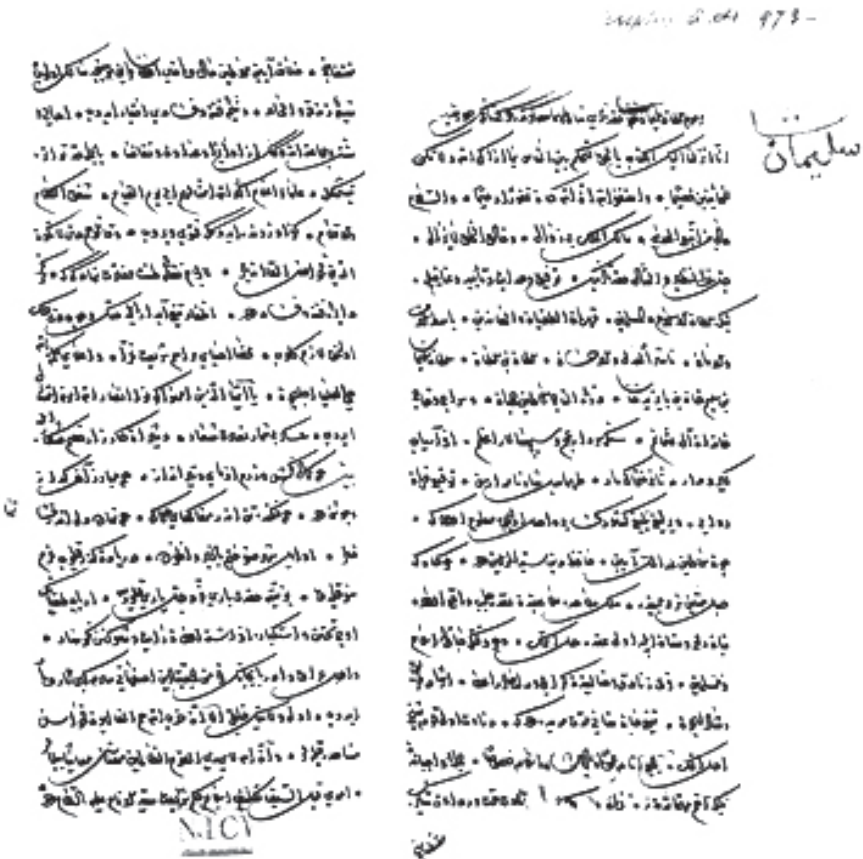

Илл.1. Копия рукописи «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» («Tavarih-i Guzida-i Nusrat Name»). Британская библиотека, Лондон, Великобритания

Особенности источников отражаются на качестве реконструкции политической истории центральноазиатских государств, и в частности, истории международных отношений и дипломатии. Ее приходится восстанавливать на основе разрозненных или случайных сообщений, датировка которых порой колеблется в пределах двух-трех веков. Поэтому наши знания фактов политической истории рассматриваемого периода отрывочны. Специфика письменных источников по истории государств Центральной Азии является причиной того, что первостепенное значение приобретают источниковедческая работа с ними, определение характера используемого памятника, его структуры и целей, истолкование его терминологии. К примеру, одно и то же слово может означать «мир», «договор» и «союз». Необходимо исследовать и проанализировать значения, начиная с древности, античного периода и т. д.

Наиболее достоверны материалы эпиграфики. Но для изучения истории международных отношений и дипломатии эпиграфика дает крайне мало: имена и титулы ханов, султанов, некоторые даты и географические названия. Мы полагаем, что главной целью внешней политики правителей являлось распространение их власти на все новые и новые территории.

В изучении внешнеполитических вопросов и истории дипломатии важным источником является переписка правителей с соседними государствами. Часть приобретенных в ходе археографической экспедиции в Великобританию архивных материалов входят в группу всеобщей истории, так как они содержат сведения о правителях Средней Азии, Османской империи, Ирана, Индии. Особо нужно подчеркнуть шайбанидскую, аштарханидскую и сефевидскую историографию, а также дворцовые протоколы османских султанов, иранских шахов и копий дипломатических переписок. Найденные коллекции писем «Инша-е Окехи-Задэн» («Inshaw-e Okehi-Zaden»), «Коллекция турецких писем» («Collection of letters Turkish»), «Эпистолярное турецкое наследие» («Formula Epistolarum Turcice»), «Турецкие королевские письма» («Royal Letters Turkish») и др. содержат новые сведения по истории дипломатических связей Османской империи с соседними государствами, в том числе с Казахским ханством. Следует отметить уникальность не только содержания, но и оформления данных писем (илл. 2, 3). В них имеются печати, штампы и знаки, символизирующие иерархию власти [3, с. 200].

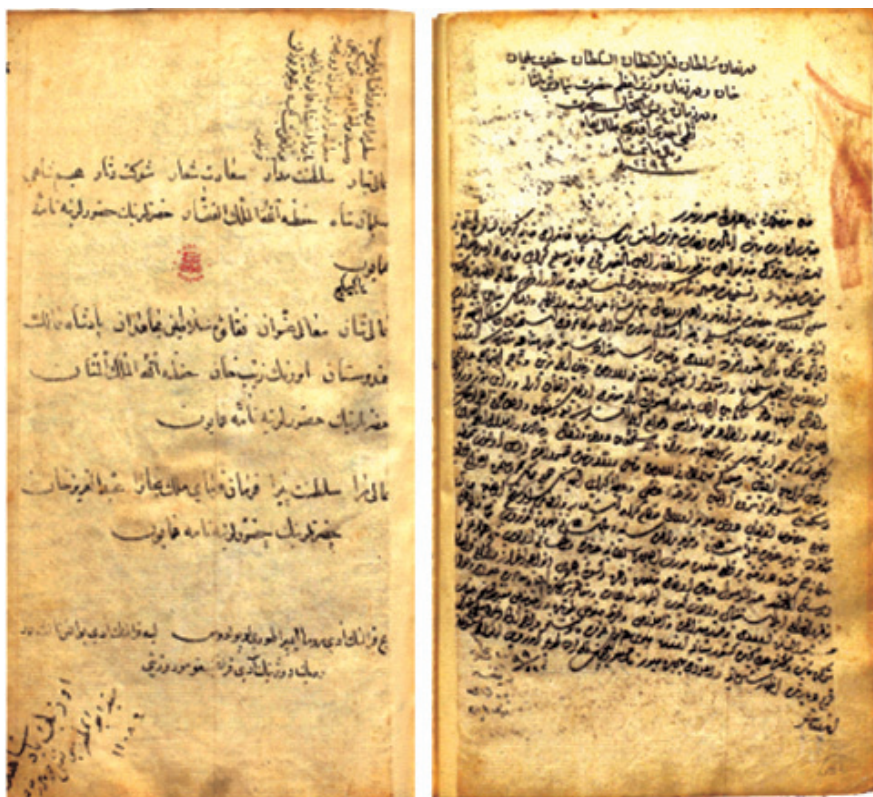
Илл. 2. «Коллекция турецких писем» («Collection of letters Turkish»). Британская библиотека, Лондон, Великобритания

Начало активной внешней политике правителей Казахского ханства было положено при Касым-хане. Каждый из правителей, начиная с Керей и Джанибека, «завоевывал территории» и «делал их границами». Не исключено, что сама концепция «страны от и до» унаследована казахами от традиции монголов.

Главная цель внешнеполитической концепции – достичь «выгоды», а под «выгодой» имеется в виду приобретение (завоевание) земли, это вполне логичный вывод, который исходит из того, что внешнеполитические интересы государства определяются его территориальным положением.

Время образования Казахского ханства определяется как эпоха становления и развития государственности в средневековом Казахстане. Несомненно, политическая обстановка в этот период в Казахстане была крайне неустойчивой. Многочисленные военные конфликты приводили к усилению одних объединений и появлению других слабых союзов.

На данном этапе становления государственности в Казахском ханстве происходила и дифференциация правителей. Это можно проследить по терминологии, употребляемой в текстах. Наиболее часто встречается термин «хан», однако появляются и другие термины, которые особо характеризуют отдельных правителей: «верховный правитель», «единовластный правитель», «правитель всей земли».

Илл. 3. «Турецкие королевские письма» («Royal Letters Turkish»).
Британская библиотека, Лондон, Великобритания

Правители при своем назначении, а также в начале нового правления в ханстве должны были произносить клятву верности по особой формуле. При этом их поднимали на белой кошме. Это засвидетельствовано как в письменных источниках, так и в устных, а также на стелах. О ритуальной церемонии поднятия на белой кошме хана при его назначении подробно сообщается в «Бахр-ал-асрар», «Тухфат ал-хани». Этот церемониал был установлен среди тюркско-монгольских народов издревле, его соблюдали и тюркские Каганы, и Караханиды, и Чингизиды. Сведения об этом имеются во многих источниках, но обстоятельное описание церемониала содержится лишь в вышеназванных сочинениях. Порядок его был таков: фарраши (слуги, расстилающие ковры) в этом зале, где должна была пройти церемония, стелили ковры, паласы и устанавливали трон; определяли благоприятное время восшествия на престол, и только после этого приглашались султаны, сановники, представители мусульманского духовенства. В определенное астрологами время хана сажали на белый войлок, за края войлока держались представители из знатных родов. После этого новоизбранного хана усаживали на трон, и начинался пир с подношением подарков. При этом каждого, кто принимал участие в церемониале, хан одаривал дорогим халатом. Затем в честь хана читалась хутба и выбивалась монета с его именем [4].

Основным содержанием внешней политики казахских ханов, шайбанидов, аштарханидов было расширение территорий. В результате этого создавались непрочные политические структуры, в рамках которых под властью хана объединялись (часто лишь номинально) мелкие государства. Условия кочевого быта, истощение старых и поиски новых пастбищ, напор других кочевых племен из глубины степей – все это способствовало столкновению с соседними государствами.

Потребность кочевников в сырье, отсутствующем или имеющемся в недостаточном количестве на собственной территории, стремление овладеть торговыми путями, узлами их скрещивания, центрами торговли и играть главную роль в международном обмене, стратегические соображения, а также желание с помощью войны и доходов от нее уменьшить внутренние социальные противоречия – все это поднимало роль войны в жизни кочевых обществ. Если в

начале XVI в. шло соперничество за обладание присырдарьинскими городами, то во второй половине XVI–XVII вв. имела место борьба, которая приобретала огромный размах. Она увенчивалась победой сильнейших и приводила к образованию первых крупных военно–политических объединений, своего рода «мировых» держав того времени.

Об этом писали Хафиз Таныш, Искандар Мунши, Мухаммадийар бен Араб катаган и др. Одним из важных известных исторической науке договоров о мире и сотрудничестве в деле отражения внешней агрессии и улаживания внутренних политических конфликтов является договор, заключенный в 1598–1599 гг. казахскими ханами и аштарханидами. Договор этот был согласован и утвержден после войны, в которой каждая из противоборствовавших сторон пыталась расширить сферу своего влияния в присырдарьинских городах. Ведя упорную борьбу с шайбанидами, казахские ханы старались укрепить господствующее положение казахов в этом регионе.

Наиболее полный текст мирного договора казахских ханов и аштарханидов, заключенного в 1599 г., помещен в «Тарих-и аламара-йи Аббаси». Условия договора включали передачу казахским ханам Ташкента и распространялись, вероятно, и на другие области: 1) Ташкентский вилайет считался составной частью аштарханидского государства, и на него распространялся суверенитет аштарханидов; 2) на монетах Ташкента помещалось имя аштарханидского хана; 3) в хутбе в Ташкенте поминалось имя последнего; 4) аштарханиды обязывались не вмешиваться во внутренние дела Ташкентского вилайета; 5) казахские ханы собирали в Ташкенте налоги (бадж и харадж) и какую-то часть их отправляли аштарханидскому хану.

После длительных переговоров с участием представителей Казахского ханства и аштарханидов удалось согласовать текст мирного договора при непосредственном участии суфийского ордена Накшбандийа.

Условия договоров должны были соблюдаться неукоснительно. Их заключение сопровождалось ритуальными действиями, клятвами перед Аллахом и символизировало создание священного союза. Нарушить договор означало преступить святая святых. Это беспощадно каралось. Преступивший договор, как правило, расплачивался потерей независимости своей страны, увеличением дани «больше прежнего» и т. п.

Успехи внешней политики Казахского ханства, достигнутые главным образом благодаря военной силе, казахские правители стремились закрепить с помощью дипломатических актов-договоров. Если ситуация казалась им благоприятной, они, конечно, с большим удовольствием сажали на престолы зависимых городов своих сыновей, братьев или других членов ханского рода. Однако, будучи неплохими политиками, они понимали, что значительно надежней сохранить престол в соседнем городе за представителем местной династии, связав его определенными обязательствами, контролируя его действия с помощью соглядатаев.

Заключению договора предшествовали переговоры, во время которых согласовывался текст документа. Документы по соглашению должны были регулировать отношения между партнерами, включая определенные гарантии, и имели силу только при наличии свидетелей, благодаря чему они и обретали правовой характер.

Во многих соглашениях термин «союз» сочетается со словом «клятва». Дело, видимо, в том, что подписываемое двумя правителями соглашение одновременно являлось и клятвой.

«Когда берег реки Келес¹, который является чудесной местностью с живительным воздухом, от пыли, [поднятой] шествием счастливого войска [Абдаллах-хана], стал предметом зависти высочайшего рая, здесь ко двору, подобному небесному своду, пришел посол [илчи] от казахских султанов. У высокого порога он сообщил следующее. Все султаны из-за сильной любви и безграничной дружбы посылают [хану] приветствие, поклон, молитвы [и] мольбу, с которой обращаются к благочестивым. Они выражают единокордие, искренность [и] высокую преданность и [желают жить] в союзе [с ханом]. Кроме того, они заявляют: “Мы и теперь верны тому договору и союзу, которые мы заключили с его величеством”» [5, Л. 261 а].

Внешняя политика правителей реализовывалась посредством двух традиционных методов: мира и войны.

При принесении клятвы существовал метод взятия заложников. После заключения договора необходимо было вызволить того, кто был отдан в залог. Заложниками могли стать не только сыновья ханов, султанов, но и родственники.

---

¹ Келес – правый приток Сырдарьи.

Заложничество практиковалось как один из элементов гарантии мирных отношений, соблюдения заключенных договоров, подчинения. Наиболее распространенной формой заложничества была присылка зависимыми ханами в знак гарантии верности и лояльности своих сыновей ко двору ханов.

«Мир», «союз» вовсе не означали долгого или постоянного мирного сосуществования государств. При анализе данных из источников мы выделяем три вида договоров.

Первый вид предполагает достижение мира при условии вытупления хана со всем войском на стороне своего партнера. Возможна и частичная военная поддержка-передача какого-либо отряда, возглавляемого военачальником или султаном и т. д.

Второй вид договоров предусматривает выплату дани. Упоминается и особый вид мирного договора, который подкрепляется брачным союзом, а платежи предусматриваются лишь в будущем.

Третий вид договоров связан с определенными уступками территории или права сбора налогов. Например, в междоусобной борьбе с Абдаллах-ханом Баба-султан прибегнул к помощи казахских султанов.

Практика земельных пожалований трактуется в источниках как метод внешней политики. Так, союзника, перешедшего на сторону противника, рекомендуется привлекать на свою сторону посредством земельных пожалований.

«Шигай-хан, который в течение многих лет был повелителем степей и пустынь и с давних пор проявлял себя как сторонник его величества государя [Абдаллах-хана], вместе со своими сыновьями Тауекель-султаном и другими прибыл ко двору [Абдаллах-хана], подобному чертогу Сатурна. Через посредство некоторых столпов государства и вельмож [Абдаллах-хана] он удостоился чести встретиться со справедливым ханом. Его величество со свойственной ему милостью и великодушием усердствовал в проявлении почтения и уважения к [Шигай-хану]. Оказав [Шигай-хану] исключительный почет и всякого рода милости, [Абдаллах-хан] отдал ему в качестве икта¹ земли Ходженда. Он обнадежил [Шигай-хана] приятными на-

---

¹ Икта – «отрезок», «надел» – система земельных пожалований служилой военной знати. Во второй половине XVI в. термин «икта» в Сред-

ставлениями и [обещаниями] верной помощи [и] устроил царский пир» [5, Л. 321 б].

Иногда хан ставил такого союзника на должность военачальника или правителем пограничной области.

Многие сведения источников касаются династических браков, которые правители соседних государств заключали с казахскими ханами ввиду укрепления дружественных отношений.

Заключение династических браков служило целям государственной политики, направленной на укрепление дружественных связей между ханствами, и потому подобным бракам уделялось большое внимание, поскольку они часто сопровождали заключение договора. На тесную связь династического брака с установлением договорных отношений указывает то обстоятельство, что заключение брачных союзов предотвращает военные события.

В этой связи интерес представляет следующее сообщение «Бахрал-асрар»: «Когда же в строю начали появляться прочие [сайир] войска, когда благороднейшая мысль [Тимур-султана]² освободилась от важного дела калмаков, его великому разуму было предложено дело, [связанное с] казахами и киргизами. Он неоднократно рассеивал их объединенные ряды путем набега и нападения. Короче говоря, Тимур-султан довел имущественное состояние и положение того племени до того, что Абулай-султан³ решил породниться с ним посредством брака и отдал ему в жены свою дочь. Благодаря этому через несколько дней пыль смуты в той области улеглась и зеркало сердец очистилось от пыли жравчины» [4, Л. 233 а].

ней Азии встречается не только в значении военного лена, но и в смысле условно-ленного владения вообще. В это время и позже термин «икта» сохраняется только в нарративных источниках как архаическое, чисто книжное выражение для обозначения сюргала и титула (Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. С. 8; Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – в начале XIX в. Л., 1949. С. 153).

² Тимур-султан – чагатаид, сын и наследник Шуджа ад-Дин Ахмад-хана. Известен и под именем Зийа ад-Дин Ахмад.

³ Абулай-султан – предводитель казахов. По русским документам – правитель Саурана и хан «Казацких орд» Аблахан, Аблай.

Династические браки часто сопровождали заключение договора. Династический брак, видимо, воспринимался как один из традиционно необходимых актов установления и поддержания союза, подобно обмену подарками, послами, посланиями и т. п. На тесную связь династического брака с установлением договорных отношений указывает то обстоятельство, что речь о заключении брачных союзов идет непосредственно в текстах договоров.

В истории самого Казахского ханства засвидетельствован примечательный факт активного участия ханши как во внутренней, так и во внешней политике страны. Этой ханшей была, к примеру, Султан-Нигар-ханым.

Из источников выясняется, что она была посредницей в улучшении взаимоотношений между могулами и казахским ханом Тахиром и дружелюбно уладила напряженную обстановку [4, Л. 339 а].

Казашка, будучи ханшей в государстве, куда она вышла замуж, видимо, могла принимать, хотя бы и незначительное, участие в определении внешней политики этой страны в выгодном для Казахского ханства направлении. Конечно, это всего лишь гипотеза, так как многое порой зависело от конкретной ситуации в том государстве, где волею судьбы оказывалась казахская ханша.

Материалы, обнаруженные за последнее время в результате востоковедных археографических экспедиций в зарубежных архивах, фондах, библиотеках, музеях КНР, Турции, Франции, Великобритании, Швейцарии, являются уникальными [6]. Они содержат официальные письма казахских ханов и султанов: Абылай-хана, Абулфейз-султана и других, направленные правителям соседних государств, сведения о дипломатических связях, торгово-экономических, культурных отношениях. Все эти новые архивные документы, памятники и артефакты свидетельствуют о существовании у казахских правителей канцелярии, дипломатической переписки и обмена послами. Важно отметить, что несмотря на расстояния и отсутствие привычных для нашего времени коммуникаций, у казахского государства были очень тесные взаимоотношения с соседними странами, что подтверждается переписками казахских ханов и султанов с правителями Китая, России, Ирана, Турции, среднеазиатских ханств и др.

Во время работы в фондах библиотек и музеев в Париже впервые выявлена уникальная картина итальянского художника Джузеппе

Кастильони «Казахи преподносят дары лошадьми», хранящаяся в знаменитом Музее азиатских искусств Гимэ [7] (илл. 4). Анализ картины показал, что исторические события, представленные в этой картине, относятся к эпохе правления Абылай-хана и его дипломатическим связям с китайским императором Цяньлунем.

Илл. 4. «Казахи, преподносящие дары лошадьми». Художник Джузеппе Кастильони. 1757 г. Музей Гиме, Париж, Франция

Ведение переговоров и отправление посольств в XVI–XVII вв. было обычной нормой межгосударственных отношений. Во время ли войны, или в период мира между заинтересованными сторонами велись переговоры, пересылались письма, послания, курсировали послы, выполнявшие различные функции.

Этот материал можно, например, почерпнуть из переговоров казахских ханов с шайбанидами. Как отмечалось в источниках, правители часто называли друг друга «брат», то есть находились в равноправных отношениях. Это формула свидетельствует о почтительном отношении одного правителя к другому. В документах не раз употребляется слово «друг», которое также характеризует отношения между государствами соответствующим образом. Итак, «брат» и «брат», «отец и сын» – эти слова отражали различные нюансы отношений между государствами-партнерами.

Делопроизводство в Казахском ханстве велось на тюркском (чагатайском) языке, русском (были толмачи) [7]. Соответственно административный аппарат был укомплектован «писцами тюркского

происхождения». Среди документации дипломатического характера упоминаются послания, письма, «документы с печатью», «под перстнем», тайные послания, донесения и т. п.

Переговоры велись компетентными лицами самых разных рангов. Переговоры от имени государства вели ханы, султаны, ходжи, послы, гонцы, военачальники. Послы прибывали по двое, часто со свитой из 6-7 человек, обычно вооруженной, с караванами верблюдов, коней, с дарами.

Во внешней политике центральноазиатских государств важную роль играли послы, посланники, гонцы и др. Регулярный обмен послами и посланиями дипломатического характера, периодические встречи между правителями, по-видимому, расценивались как свидетельства нормальных отношений между государствами.

В соглашениях обычно фигурирует должностное лицо с титулом илчи – «посол, гонец, посланник».

Посланцы ханов, которых называли «илчи», были доверенными лицами ханов, которым те поручали передавать важные сообщения или распоряжения (письменные и устные) как наместникам, зависимым правителям, так и правителям независимых государств, с которыми Казахское ханство поддерживало дружественные отношения. Каждый посланец должен был знать страну, в которую его направляли, ее обычаи, культуру, дороги. Он обязан был быть искусным дипломатом и воином. Он также владел языком страны, в которую его посылали, в противном случае его сопровождал переводчик. Опасности подстерегали посланцев не только при ханских дворах тех стран, в которые их направляли, но и по пути следования, поскольку их всегда могли перехватить, задержать и даже убить.

Согласно документам, посланцы наделялись большими полномочиями как особо доверенные лица, выполнявшие ответственные поручения. И хотя во времена правления казахских ханов уже существовали определенные правила в отношении посланцев, прибывавших к ханским дворам различных государств, однако понятие неприкосновенности личности посланца тогда еще не утвердилось, и потому положение посланцев на чужбине было непрочным, зависящим от различных обстоятельств, а иногда даже трагичным.

Источники не дают прямых указаний на место и роль посла в структуре административного аппарата, но исходя из соответствующих упоминаний в тексте и анализа сведений можно высказать ряд предположений, восстановить некоторые детали церемонии приема посольств. Так, в статейном списке посольства Пазухиных подробно описан церемониал, имевший место при дворе узбекских правителей, мало отличавшийся от казахских. Вот что содержится в списке о приеме у Абд ал-Азиз-хана (29 декабря 1670 г.): «у ворот встретил их, Бориса, голова Малай-бек (топчи-баши), который голова надо всеми стрельцами и над пехотью и у пушек, да ясаул, и говорили, чтобы Борис с товарищи на царский двор не ездили, и слезли бы с лошадей у ворот, потому что никакие послы на царский двор не приезживали. И Борис с товарищи ссели с лошадей у ворот и пришли на двор перед полаты на рундук [8]. А тот рундук устроен вместо Ответные палаты и из них земель послы и посланники бывають в том месте¹. А в то время сидели на рундуке, по правую сторону Бориса, первые бухарские честные люди, царского поколения хози, и близкие бояря, а по левую сторону сидели бояря жь и всякие чиновные старые люди, человек со сто, и больше... »².

В другом месте (прием 2 февраля 1671 г.) несколько подробнее описана заключительная часть церемониала: «А по правую сторону на рундуках сидели хози и мечетники книжные, старые люди, и перед царем Абда-Азизомъ, до стола, с часто и болши, рассказывали книжники старинное ихъ законное учение, порознь, многие люди. А у царя на месте, перед нимъ, положено было его сабля, да саадакъ, да щить булатное, а позади его места стояли комнатные люди, 12 человекъ, держали посохъ да сабля жь, переменяясь. И въ то жь время передъ царемъ стояли Ясаулы съ посохами, человекъ зъ двести, и болши, да позадь ихъ стояли, по обе стороны, на рундукахъ по двести человекъ съ мерными писцами. А скатерти несли передъ царя на мисе столникъ, в перед скатертью шель дворецкой мехтаръ Метипь. И пришедъ къ царскому месту, подаль скатерть

---

¹ В другом месте, «курныш» (курунши-хане, т.е. аудиенц-зал).

² В аудиенц-зал посла вводили два человека: по правую сторону находился диванбеги (начальник правительственной канцелярии); по левую – дадхах (одна из важных должностей), на которого хан временами возлагал ответственные дипломатические поручения.

комнатному человеку, который перед царя скатерть настилаеть и есть откушиваеть; а скатерть была изарбадь золотной. И пославь перед царемь на месте скатерть, а сам стояль на верхней степени на коленахъ, принималъ ествы и откушивалъ, и передъ царя ставиль... А покаместъ было кушанье, и в то время играли потемники во всякие бусурманские игры, 9 человекъ, и въ голоса пели по книге...» [9]

В статейном списке Пазухиных приводятся также важные сведения о порядке содержания послов и сопровождавших их лиц, обеспечении посла и его людей необходимым кормом и провиантом и др.

Представляет интерес сообщение Хафиза Таныша об управлении государством, когда «недопустимы две вещи – проявлять усердие в плотских наслаждениях и упускать удобный случай». Далее он подчеркивает, что величие государей, помимо их самих, заключается в превосходстве их высокой природы, что проявляется в пяти признаках: первый – милость по отношению к поданным, второй – справедливость при защите страны, третий – внушительность, не допускающая гнева тиранов над смиренными, четвертый – ум, который помогает раскрывать вероломство врагов, пятый – дальновидность, чтобы считать удобный случай за добычу [5, Л. 341 б].

Таким образом, формирование международных отношений и дипломатической практики в XVI–XIX вв. было важным этапом в развитии государственности в Центральной Азии. Анализ различных категорий письменных источников, грамот, печатей, монет с титулатурой позволил восстановить историю дипломатических отношений Казахского ханства с соседними государствами, исследовать договоры, международные соглашения, переговоры, посольства, династические браки – все те определенные средства и приемы мирного разрешения международных споров, которые имелись во внешней политике правителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абусеитова М. Х., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С.* Коллекции британских хранилищ письменных рукописей, архивных материалов и карт по истории и культуре Великой степи // SHYGYS. № 1, 2020.

2. *Абусеитова М. Х.* Письменные источники, архивные материалы и артефакты по этнической истории, государственности и идентичности народов Великой степи // История и культура Великой степи. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Составители: Н. Ж. Шаймарданова, З. С. Табынбаева. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 630 с.

3. *Абусеитова М. Х.* История и культура Великой степи в контексте глобальной истории // Тысячелетние источники по истории Казахстана / Под ред. М. Х. Абусеитовой. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2019. 368 с.

4. *Махмуд бен Вали.* Бахр ал-асрар. Рукопись библиотеки «Индия офис». № 575.

5. *Хафиз Таныш.* Шараф-наме-йи шахи. Рукопись Института восточных рукописей РАН. Д. 88. Л. 261 а.

6. *Абусеитова М. Х.* Новые архивные материалы по истории и культуре Казахстана (по программе «Мәдени мұра») // Рухани-ғылыми мұра. Материалы республиканской научно-теоретической конференции. Ноябрь 2008 г. – Алматы, 2008.

7. *Абусеитова М. Х., Додхудоева Л. Н.* История Казахстана в восточных миниатюрах. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010.

8. *Галиев В. З.* Караванные тропы (из истории общественно-политической жизни Казахстана XVI–XIX вв.). Алматы, 1994.

9. Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч. 1669. Издан под ред. А. Н. Труворова. Русская историческая библиотека. Т. 15. СПб., 1894. С. 48.

**ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ: «ҚАЗАҚ» ЭТНОПОЛИТОНИМ,
ХАНДЫҚ БИЛІК РӘМІЗДЕРІ МЕН РУ-ТАЙПА
ТАҢБАЛАРЫ ТУРАЛЫ**
(этноархеологиялық және архив деректері негізінде)

НАПИЛ БАЗЫЛХАН,

*Түркі академиясы Ғылым бөлімі аға сарапшысы
(Алматы, Қазақстан)*

Қазақ хандығының этникалық құрамы: Қазақ хандығы 1455-1465 жылдары [1] (1456-1466 жылдары) [2] орнығып қалыптасты деуге әбден болады. Бұл жайында «Бабұрлық деректерге» жатқызатын [3] Мырза Мұхаммед Хайдар ибн Мұхаммед Хусайн-күрекен Дуглати-дің «Тарих-и Рашиди» (1541-1547 жылдары Кашмирде жазған) шығармасында былай дейді: « ...Сол уақытта *Дешті Қыпшақта Әбілқайыр хан билік жүргізіп отырған еді. Ол Жошы (көне моңғолиясы: Жүчі) әулетінен шыққан сұлтандарға едәуір мазасыздық тудырды. Жәнібек хан мен Керей хан одан қашып, Моғолстан аумағына көшіп барды. Есен-Бұға хан оларды ықыласпен қабылдап, Моғолстанның батыс шетінде орналасқан Шу мен Қозыбасы өңірлерін ұсынып берді. Олар бұл жерде бейбіт және берекелі өмір сүріп жатқан шақта, Әбілқайыр ханның қайтыс болуына байланысты **Өзбек ұлысында** ішкі тұрақсыздық пайда болды, аласапыран басталды. Хандықтың негізгі бөлігін құрайтын халықтың елеулі бөлігі Керей хан мен Жәнібек ханға көшіп келді, осы жиналған қауымның саны екі жүз мың адамға дейін жетті. Соларға қатысты **«өзбек-қазақтар»** атауы орнықты. Қазақ сұлтандарының билігінің бастауы – хижраның 870 жыл [4]. Анығын Алла жақсы біледі!.. [5] (яғни 1465-1466 жылдарға сәйкес келеді).*

Демек, **«өзбек», «қазақ»** атауы 1450-1460-ншы жылдары қолданыста қатар болды деген сөз. «Өзбек» атауы **Uluу Uluс**>Ұлық Ұлыс яғни Жүчі ұлысының ханы Тоғрылча ұлы «Сұлтан Гийасад-дин Мұхаммед» **Өзбек хан** атауымен (1283-1341) байланысты аталған. Өйткені, Керей, Жәнібекке келіп қосылғандар **«Өзбек ұлысы»**-ның (Әбілқайыр хан (1414-1468) билігіндегі) іргелі әрі қалың қол ру-тайпалары екендігі анық. Нақты ресми мемлекеттік тарихи атауы **«Uzbekistan»**Өзбекстан» (mamlakati Uzbek) емес, бұл

сол кездегі тарихшылардың берген парсы атауы болса керек. Ал, [*Moγol] > **Moγol Ulus** > **Моңғол ұлысы** [6, б. 129-130] атауын да шығыс шежірешілер **Moγolistan**>Моғолстан (mamlakati Mogolistan) деп хаттады және де **Qazaqstan**>Қазақстан атауын да (1537 жылғы мәліметтерде) жаза бастады [6, б. 52-53].

Ал, Шағатай және оның әулеті билігі (1129-1340 жылдары) ұлысынан кейін Моғолстан мемлекеті (XIV–XVI ғасыр) құрамында «*керейит, қаңғлы=бекчік, еркенұт, еркенүд, сүлдүз, доғлат, чорас, күрлегүт, қарлұқ, итарчы=барақ=ақбарақ, сағрычы=көнчі, құшчы=күкелдаш, байрин=бақрин, қалұчы, ұлғавы, алучы, арлат, барлас, дохтуй, йеркі, ордабегі, мекріт, шұңқарчы=шұдқарчы, нарын// барын, балықчы, татар, долан, түркет, хибет=шырасут, өзбек, дарұға, құқанұт, түрікмен, йонзұт, қай*» секілді көптеген тайпалар болды [6, б. 115-111] .

Сондай-ақ, Жошы (Жүчі) әулетінің беклербек **Ноғай**-дың (туған жылы ?-1300, көне моңғолша «ноқау>ноқай» – ит, қасқыр деген мағыналы) атауымен де маңғыт және басқа да көшпелілер басым көпшілігі болған «**Ноғай ордасы**» туралы жаңа атаулар атала бастады. Шын мәнінде сол кездердегі тарихи ресми атауы солай аталды ма, бізге беймәлім. «**Ноғай ордасы**» атауы да шежіреші тарихшылардың жазған шартты атаулары болса керек.

Әбілқайыр хан 1457 жылы Ойрат бірлестігі чорос тайпасының Өштөмөр (Амансанжи) (1455-1478) «тайшы»-ның Моғолстан, Өзбек ұлысына жасаған жорығына қарсы тұра алмай жеңіліске ұшырады.

Біздің пікірімізше, Керей, Жәнібек хандар Әбілқайыр ханнан «қашып кеткен»¹ емес, керісінше «Өзбекстанды», «Өзбек ұлысын»

¹ Кейбір зерттеушілер «қазақ» атауын М.Хаутсма «бродяга, бездомный», В.В. Бартольд: «искателя приключений», Пол Пелио: «беглец», В.В. Вельямионв-Зернов «скаталец, беглец» және басқа да түрде кемсітіп түсіндірген еді, кейбір парсы жазбаларында «добытчик», «налетчик», «разбойник, грабитель», орыстарда тіпті «казачества» секілді аталды. Ал, араб-парсы деректерде: «qazaq+i, qazaq+iya» және түрік деректерінде «qazaq+līq» (казачество, казакование), «qazaq+līq qılmaq» (казакоать, вести образ жизни казака), «qazaq+lamaq» (казаковать, вести образ жизни казака), «qazaq+istan» тұлғасында кездесетінін қазақтандық шығыстанушы В.П. Юдин ерекше атап өткен еді.

шыт жаңадан жаңғыртуға кірісті, сөйтіп ойраттардан соққы алған «батыс» Моғолстандық Есен-Бұға ханға келген бойында «**жаңа мемлекетті**» құра бастады демекпіз.

Сонда, арғы атасы Шыңғыс қаған, Жүчі хан әулетінің Керей, Жәнібек хандар «жаңа мемлекетті» құру барысында **Yeke Mongyul Ulus** > Йеке (ұлы) Моңғол ұлысы, **Züci** > Жүчі ұлыс, **Uluu Ulus** > Ұлық ұлыстың тарихи сабақтастығын жаңадан жаңғыртуды, көшпелілердің мүддесін қорғау мақсатында тіпті сол кездерде «Өзбек ұлысы» («мамлақати узбеки») аталып кеткен әлсірей бастаған мемлекеттің әскери-саяси билік жүйесін жаңадан қалыптастыра бастады.

Ол кездері араб, парсылық мұсылман авторлардың «Дешт-и Кыфчак» даласында, шығыс, батыс Моғолстанда, Хазар (қазіргі Каспий), Қара теңізі, Кавказ өлкесі, Сібір, Алтай аумағында шын мәнінде 92 ірілі-ұсақты түрік, моңғол тектес ру-тайпалар жайыла мекендеген болатын.

Олар жайында Сайф ад-дин Ахсикенди «Мажму ат-тауарих» (XVI) шығармасында [7, С.165-176]: «*мың, йүз, қырық, **жесалайыр, сарай, қоңырат, алчын, арғун, найман, қыпчақ, қалмақ, чақмақ, қырғыз, қырлық, түрік, түрікмен, байайұт, бұрлан, сымырчық, қабе, нұжын, кілечі, кілекес, бұрат, ұбрат, қыйат, қытай, қаңлы, ұрйүз, жұналақы, құжы (кухи), ұтарчы, құлачы, жыйыт, жүйұт, жалжүйұт, тұрмайыт, оймаұт, арлат, керейт, оңғұт, таңғұт, маңғыт, жесалаұт, мамасыт, меркіт, бүркіт (құралаш)***¹, кейт (оқылан), құралас (қары), оғлан (араб), қары (ылажы), араб (жұбұрған), ылачы (қышлық), жұбұрған (керей), қышлық (дурман), керей (табын), дұрман (тама), табын (рамадан), тама (уйшун), рамадан (бадан), үйсүн (хафиз), бадан (ұйрачы), хафиз (жұрат), абыржы (татар), жұрат (бұрға), татар (йамаш), йұрға (қаучын), баташ (тұйалы), қаучын (тілеу), **тұбалы (кердері), телеу (сақты-йан), кердері (қырғын), сақтыйан (шірін), қырғын (оғлақ), шірін (чымбай), оғлан (черкес), чымбай (ұйғұр), черкес (ағарма), ұйғұр (тарғыл), ағар (тұрған), йабұ (тайын), тарғыл (қохат), тұрғақ (фахыр), таны (құжсалық), қохат (шұран), фахыр (деражат), құжсалық (қимат), шұран (шұжат), деражат (ауған), қымат (қазақ), шұжағат (маңғыт), ауған (қарақалфақ)**» деп көрсеткен.

¹ ( ) – жақша ішіндегі атаулары Т.И. Султанов көрсеткен кестедегі «Мажму ат-тауарих» Фрунзе нұсқасы бойынша.

Аталмыш ру-тайпалардың басым бөлігі 92 баулы атаудың 20-сы Қазақ хандығының құрамында кездеседі [8].

Қазақ хандығының үш жүздік құрылымы: Қазақ империясы туралы түрколог Хаким Омарұлы былай деген еді: «...Приблизжался финал военно-политического господства конных кочевников на мировой геополитической арене. Казахи и джунгары, близкородственные народы, – последние осколки великой кочевой цивилизации, два крыла тюрко-монгольского мира, два центра тюрко-монгольской идеологии, – вели между собой ожесточенную войну, когда более всего нуждалась в объединении и общей мобилизации сил для отпора надвигающейся внешней угрозы, экспансии со стороны усилившихся России и Китая. Колосс, крепко стоявший на ногах боевых коней, зашатался. Наследники великих каганатов не осознавали, что, нанося друг другу смертельные удары, истязают свое собственное тело. Извечный спор между тюрками и монголами – кто должен доминировать на степных просторах кочевой вселенной, впервые решался в пользу ни первой, ни второй стороны...

После смерти Тауке хана в истории казахского государственного образования наступает время великого распада, центробежные силы крепнут, географические понятия приобретают политический смысл, в результате ослабления центральной власти появятся региональные образования: **Ұлы жүз, Орта жүз, Кіші жүз**. Видимо, в географическом сознании казахов жузы существовали давно, еще со времени правления великих ханов: **Акназара, Тауекеля, Есімхана**. Именно им принадлежит заслуга в определении границ территории казахского государства, усилении и процветании казахской империи, фундамент которой был заложен Касым ханом.

Казахская империя в течение нескольких веков являлась центральной осью развития исторических процессов в Центральной Азии. В сферу ее интересов были вовлечены огромные пространства, населенные земледельческими и скотоводческими народами. Она свое влияние в той или иной мере распространяла на соседние народы: башкиров, ногайцев, каракалпаков, калмыков, узбеков, киргизов, южносибирские народности...» [9, С.93-94]

Қазақ хандығының «үш жүздік» саяси-әскери құрылым мен оның ру-тайпалық құрамдас бөліктері – ежелгі көшпелілердің дәстүрін сабақтастыра жалғастырған байырғы саяси-билік жүйенің көрініс-

тері әрі сарқыншақ мұрасы. Нақтырақ айтқанда, Хүннұлардағы [10, с. 41] атты әскерлері «батыс жағы – ақ боз аттар, шығыс жағы – боз аттар, солтүстік жағы – қара күрең аттар, оңтүстік жағы – қызыл жирен аттар» болған делінді [11]. Көне Түрік империясы кезеңінде ауыр қаруланған атты әскерлер **tarduš**-тардұш (батыс), **ič**-ішкі орда, орталық, **töles**-төлес (шығыс) үш қанатты болды [12]. Шыңғыс қанған империясы және Ұлық ұлыс кезінде де «**оң қол, орталық, сол қол**» құрылымды болды. Бұл мемлекеттерде (3+3+3+1>) **ондық, жүздік, мыңдық, түмендік** жасақтар дәстүрі сабақтаса келді.

Өтеміш қажының «Чыңғыс наме» шығармасында «... qan bularyға üč öрге saldı. **Altun bosayalı aq örgeni** Sayin qanға saldı. **Kümüš bosayalı kök ordanı** Ejenge saldı. **Bolat bosayalı boz ordanı** Şaybanға saldı» – «... Хан бұлар үшін үш үй жасатты. Алтын босағалы ақ «өрген» орданы Сайын (Бату) ханға салды. Күміс босағалы көк орданы Еженге салды. Болат босағалы боз орданы Шейбанға салды...» дейді [13].

Сондықтан, Қазақ хандығының **үштік құрылымды** болуы (қазақтың дәстүрлі шежірелік біртұтастықты сақтау эпикалық-мифопоэтикалық атаулары: «Үш Арыс», «Ақарыс, Бекарыс, Жанарыс») кездейсоқтық оқиға немесе территориялық-аумақтық бөліс, оқшаулану емес, керісінше, ежелден келе жатқан көшпелі империялық қоғамдағы саяси-әскери қағандық-хандық биліктің табиғи болмысы, тарихи заңды сабақтастығын айқындаушы түзелім болатын.

Сөйтіп, Қазақ хандығының бір шаңырағы астында, бірігіп тұтасқан барлық ру-тайпалар қазіргі шежірелік анықтама бойынша:

Ұлы жүз: 1. Жалайыр (1.1. Сырманақ, 1.2. Шуманақ, 1.3. Бірманақ), **2. Сарыүйсін** (2.1. Қалша, 2.2. Жақып), **3. Дулат** (3.1. Сиқым, 3.2. Ботбай, 3.3. Шымыр, 3.4. Жаныс), **4. Албан** (4.1. Сары, 4.2. Шыбыл), **5. Суан** (5.1. Тоқарыстан, 5.2. Байтөгей, 5.3. Бағыс//Көпбағыс, 5.4. Жесегір//Досбағыс), **6. Шанышқылы** (6.1. Балық, 6.2. Күрпік, 6.3. Дарқан, 6.4. Саңырау), **7. Сіргелі** (7.1. Байұлы, 7.2. Үштанбалы), **8. Қаңлы** (8.1. Сары қаңлы, 8.2. Қара қаңлы), **9. Сиқым** (9.1. Борас//Қарақойлы, 9.2. Тоғатай, 9.3. Шуылдақ, 9.4. Буас, 9.5. Құлсейіт, 9.6. Ақылбек, 9.7. Құттыбай, 9.8. Есбол, 9.9. Есенгелді), **10. Ысты** (10.1. Ойық, 10.2. Тілік), **11. Ошақты** (11.1. Байлы, 11.2. Қоңыр, 11.3. Аталық, 11.4. Тасжүрек), **12. Шапырашты** (12.1. Малды-ыстық, 12.2. Желді-ыстық, 12.3. Қылды-ыстық);

Орта жүз: 1. **Тарақты**, 2. **Арғын** (2.1. Бес мейрам: Қуандық, Сүйіндік, Бегендік, Шегендік, Қаракесек; 2.2. Жеті момын: Атығай, Қарауыл, Қанжығалы, Тобықты, Бәсентиін, Шақшақ, Сарыжетім, 2.3. Тоқал (кіші) Арғын: төменгі шекті, жоғары шекті, 3. **Найман** (3.1. Сүгірші: Бағаналы, Балталы, Ергенекті; 3.2. Терістамғалы: Кетбұға, Келбұға; 3.3. Сарыжомарт: Бораншы, Сарғалдақ, Шоңмұрын, Қожас, Қожамберді, Бәске, Дәулет, Тенеке; 3.4. Төлегетай: Матай, Қаракерей, Садыр, Сары-жомарт, Терістамғалы, Бура), 4. **Қыпшақ** (4.1. Құлтан қыпшақ, 4.2. Сары қыпшақ, 4.3. Қытай қыпшақ, 4.4. Қара қыпшақ,), 5. **Қоңырат** (5.1. Саңғыл // Көтенші (Жаманбай, Аманбай, Жетімдер, Божбан, Саңғыл), 5.2. Маңғытай // Көктің ұлы (Байлар, жандар, Аққой, Оразгелді, Тоқболат, Қаракөсе, Құлшығаш)), 6. **Керей** (4.1. Абақ, 4.2. Ашамайлы), 7. **Уақ** (7.1. Жантелі (Сарман, Шоға, Байназар, Еренші), 7.2. Жангелді (Бидалы, баржақсы, Жансары, Шайгөз));

Кіші жүз: Алты ата Әлімұлы: 1. Шекті, 2. Төртқара, 3. Қарасақал, 4. Қаракесек, 5. Кете, 6. Шөмекей, **Он екі ата Байұлы:** 1. Адай, 2. Жаппас (Алтын), 3. Алаша, 4. Байбақты, 5. Беріш, 6. Қызыл-құрт, 7. Таз, 8. Есентемір, 9. Масқар, 10. Ысық, 11. Шеркеш, 12. Тана, **Жетіру:** 1. Табын, 2. Тама, 3. Кердері, 4. Керейт, 5. Телеу, 6. Рамадан, 7. Жағалбайлы [14].

Аталған ру-тайпалары Қазақ хандығына бірігіп, біртұтас болудан бұрынырақ, «Алаш» аталған деп айтуға болады. Бұл қазақ халық ауыз әдебиетінде: «*Алаш Алаш болғанда, Алаша хан болғанда, Үйіміз – ағаш, ұранымыз «Алаш» болғанда, Үш жүздің баласы қазақ емес пе едік?!*» деп сақталынған. Біздің болжамымыз бойынша, «**Ұранымыз Алаш**» деген арбаға тиесп артып жүрген киіз үйді, «**алаш**» атаған болуы бек ықтимал.

Махмұд Қашғаридің «Түрік тілдерінің жинағы» (Диуани лұғат-т Түрік) сөздігінде **алаш** > «кең үлкен қос, үлкен шатыр» мағынасында [15, б. 69]. Түрік тілдерінде «алашық, алачық, алажұқ, аласық» тұлғасында сақталынған. Қазақ тілінде «алашық» – көшуге ыңғайлы жеңіл киіз үй.

Qas+aq>Қаз+ақ. «Қазақ» этнополитоним. «Қазақ» сөзінің мән-мағынасы, түп-төркіні жайында көптеген болжамдар, пікірлер бар.

1923 жылы Міржақып Дұлатұлы «Қазақ, қырғыздың арғы тегі туралы» деген мақаласында: «*Қазақ, қырғыздың тарихын жазуға*

кіріскенде «қазақ», «қырғыз», «алаш», «үш жүз» деген аттар аттар қайдан шыққан, қазақ пен қырғыздың тегі кім, бұлар қашаннан бері өз алдына жұрт болған?» – біліміміз жеткенше алдымен шешетін жұмбақтың бірі осы... Қазақ – X ғасырдың арғы жағында көп заман бұрын өзінің хандары болып, өзін-өзі билеген, ежелден қазақ атанған түрік жұртының бір тарауы. Қазақ – XVII ғасырдың аяғында әр түрлі түрік руларымен қосылып, көбейіп, тағы да бөлек жұрт болып, сыбайлас жұрттардың көбімен соғысып, бірде жеңе, бірде жеңіле келіп, XVIII–XIX ғасырларда Россияға бағынғаннан кейін еркінен айырылған жұрт» дейді [16, 83-96 б.].

1925 жылы Мұхамеджан Тынышбаев былай дейді: «...Казахского ханство под владычеством дом Джаныбек хана все народы бывшей Золотой Орды от Крыма и Кавказа до Сибири назывались «казаками». Не менее интересные сведения о «казаках» можно подчеркнуть из истории Туркестана и Моголистана (Семиречья и Кашгара)...», «...Между тем, по джагатайски разбойник - каракчи, басмач, бродяга - кангыган, вольный бош, еркин; когда хотят сказать о джагатайски «разбойник», никогда это понятия на выражает словом «казак»...» [17, С. 36-37, 41].

Сонымен қатар, біз осы ретте, «**қазақ**» [18] атауының түп-төркінін туралы соңғы кездердегі кейбір пікірлерді келтірсек. Мысалы, Н.Атығаев бүгінге дейінгі «Қазақ» атауына қатысты бірсыпыра зерттеулерге толыққанды шолу жасай келе, өзінің пікірін ұсынды. Онысын, «қазақ» атауы бірнеше сатымен дамыды деп қарайды: Олар. 1-саты: «қазақ» - бойдақ, жігіт, туған ортасынан алысқа барып тірлік ету мектебінен өтуді және «қазақлық» - батылдық, ерлік ғұрпын атады; 2-саты: XIV ғасырдың ортасы 1465 жылдары Шығыс Дешті Қыпшақтағы Шыңғыс әулеті «төрелерді», «қазақлық» жасаушыларды атады; 3-саты: 1465 жылдан XV ғасырда Шу мен Іле өзені аңғарларында пайда болған мемлекеттік көршілері «қазақ» деп атады; 4-саты: XV–XVI ғасырларда «Өзбек ұлысы» тұрғындары **ноғай, өзбек-шайбани** және **қазақ** деген этносаяси бөліске ұшырады, этнополитоним пайда болды; 5-саты: XVI ғасырдың ортасынан «**алаш**», «**қазақ**» атауы Қазақ хандығы мен Қазақстан үшін өзін-өзі айқындаушы термин бола бастады, көршілері үшін де этноним ретінде атала бастады [19] деп тұжырымдаған. Осы пікірмен үндес С.К. Ибрагимовтың мақаласы жарияланған еді [20].

Доңғалақты арбалардың этносимволикалық тарихи атаулары.

Tegrek > Терек. Көне түрік тілінде «ағаш арба» атауы. Көне түрік тілінде атқа, өгізге, түйеге жегіп жүретін киіз үйлі ағаш арбаның бір атауы. Қытай деректерінде көшпелі түріктерді «теле, чили, тили, дили» жалпылама «этноним» ретінде атаған, оның мағынасы «арбалылар» деген сөз екен. Көне түрік дәуірінде киіз үйлі (eb> еб//үй//) биік дөңгелекті арба tegrek//tergek кеңінен қолданылды. Бұл дәстүр тіпті XV ғасырларға дейін жалғасып сабақтасты деп айтуға толық негіз бар. Сөйтіп біз көрші елдердің жазбаларындағы «этноним» ретінде қолданған атаулардан түріктердің салт-дәстүрлерінің бір қырын, ат көлікпен жол жүру, тасымалдау құралдарын айқындап отырмыз.

Көне түрік тілінде **tegrek > тегрек** «арба», **tegre > тегре** – «айнала, айналу, дөңгелену», **tegire > тегіре** – «дөңгелек, домалақ, арба доғалағы», **tegirmen > тегірмен** – дөңгелекті диірмен. Бұл атау көне моңғол тілінде **terige // terigen > тэргэн//тэрэг** «арба, дөңгелекті күйме арба» тұлғасында сақталынған, ал қазіргі қазақ тілінде «терек (ағаш)», «терте//тэрте» және т.б. сөздерді аталмыш көне атаулардың сарқыншақтары, төркіндес сөздер деп атауға әбден болады. Демек, қытайлықтар үшін күллі көшпелілердің киіз үйін тігіп жүрген арбалары «терек» болғандықтан солай атап кеткен.

«**Гаочэ, гаогюй**». Қытайша жалпылама «этноним» ретінде қолданған калькалық аударма атауы. Ортағасырлық (IX–X ғғ.) қытай деректерінде көшпелілерді әсіресе, көне түріктерді, ұйғырларды «**гаочэ, гаогюй, гаоцзюй**» – «**биік арбалылар**» деп атаған болатын. Қытайлықтардың «Вэйшу» (103, «Гаочэ баяны») жылнамасында былай делінген: «Гаочэлэр (гаугюйлэр) – ежелгі чидилердің (көшпелілердің) ұрпақтары, олардың әуелгі атауы «дили» болған. Солтүстікте оларды «чилэ» деп атаса, сялар (сяньбилер) оларды «гаочэ динлиндэр» деп атаған. Олардың ди, юаньхэ, хулюй, сепи, хугу, ицицинь сияқты тайпалары бар. Олар су мен шөптің жағдайына қарай көшіп-қонып жүреді, теріден киім киеді, етпен қоректенеді. Сиыр, қой сияқты мал түрі жужулардікімен бірдей, тек арбаларының дөңгелегі биік және дөңгелек шабақтары да өте көп болады». Кейбір зерттеушілер көне түрікше «қаңлы» дегенді қытайлықтар «гаочэ» деп те атаған болса керек дейді.

«Динлин». Қытайша жалпылама «этноним» ретінде қолданған атауы. «Биік дөңгелек арбалылар» деген мәнде қолданылған, «динлин, тинлин, гаочэ динлин» деп хатталған.

* **Qanq> Qanqli> Қаңлы.** Этнополитоним. Байырғы түрік тілдерінде: **qanli** – «арба». Бұл атау жайында Махмұд Қашғаридің «Диуани лұғат-т Түрік» (1071 ж.) энциклопедиялық сөздігінде «қаңлы» - **qanli** – 1. «үстіне ауыр жүк қоятын қаңлы арбасы», 2. «қыпшақтардан үлкен лауазымды бір адамның аты» деп түсіндіреді.

Рашид ад-диннің «Жамиат ат-тауарих» шығармасында «По-возку по тюркски называют «канлы» по этой причине и они были названы именем канлы». Көне моңғол тілінде **qanli** +n- (көптік жалғауы) > Qanlin «қаңлылар». Ішкі моңғолия ғалымы Иринчиннің зеттеуінше Ордоста (қазіргі Ішкі Моңғолияда) **qanggin** > қанғын деген жер, сондай ру бар, олар осы қаңлыдан дейді.

* **Toqulat>Duqulat>Дұғлат>Дулат.** Этнополитоним. «Доңғалықты, дөңгелекті арбалылар». Қыташа: дулу. *toyu- /*duyu- // *toju- /*duju- // *teg-/*tög- «дөңгелеу, доңғалау, дөңгелену, доңғалану, айналу» деген семантикалық өрісі бар.

Tojira>Тоңыра¹. Этнополитоним. «Доңғалықты, дөңгелекті арбалылар».

Шамамен XII–XIV ғасырда ескі ұйғыр жазуымен жазылған «Оғұз қаған» жырында [21] «**Qanya>қаңға**» ағаш арба туралы анық жазылған. Онда:

«...anda Oғuz qayan-nuñ çerigi-de uzluу yaşqı bir çeber kişi bar erdi. Anıñ atı **Barmaq-luy Josun Billig**² erdi bu çeber – bir **qanya** çaptı. Qanya üstün-de ölüg baryu-nı qoydı qanya başı-da tirig baryu-nı qoydı, tarttı-lar, ketti-ler. Nöker-ler-nüñ el күn-nüñ qamayı munı kördi-ler şaşti-lar anya-lar taqı çaptı-lar. Mun-lar **qanya yürümek-te «qanya qanya»** söz bere turur erdi-ler erdi. Anuñ ücün anlar-ya **Qanya**³ at qoydı-lar. Oғuz qayan qanya-lar-nı kördi, küldi, Taqı ayttı: kim qanya qanya birle ölüg tirig yürügür-sün **Qanya-luy**⁴ senge at bolу-luy qanya bilgür-sün deb dedi, ketti.

¹ Тонгра, яньто ○ [Зуев, 1960; *Рогожинский*, 2012. С. 94, 96, 99]

² **Barmaq-luy Josun Billig** – деп жазылған. «Бармақлұқ Йосұн Білліг» есім атау.

³ **Qanya** – деп жазылған. «Қанға».

⁴ **Qanya-luy** – деп жазылған. «Қаңғалық». **Qanyaluy** «Қаңға арбалы» деген мәнде.

- Анда Оғұз қағанның әскерінде
 Озық тәжірибелі жасты шебер кісі бар еді.
 Оның аты Бармақлұқ Йосұн Беллік еді.
 Бұ шебер бір **қаңқа** шапты.
Қаңқа үстіне өлікті, олжаны қойды.
Қаңқа басында тірі олжа қойды, тартты, кетті.
 Нөкерлерінің ел адамның барлығы мұны көрді, састы.
Қаңқаларды тағы шапуып дайындады.
 Бұлар **қаңқаны** жүргізбекте
 «**Қаңқа, қаңқа**» деген дауыс шығарады екен.
Қаңқа деп ат қойды.
 Оғұз қаған **қаңқаларын** көрді, күлді.
 Тағы оны кім де кім, **қаңқа қаңқамен** өлік, тірі жүргізерсін.
Қаңғалұқ саған ат болғай **қаңқа** дегенді білдірсін деді, кетті».

Бұл қазақтардың құрамындағы «қаңлы» тайпасының ежелгі атауы екендігінде күмән келтірмейміз.

Сөйтіп, **qas+aq>қаз+ақ** деген құрамында «киіз үй, жүктерін тиеп жүретін арба» деген этносемантикалы атаудан қалыптасқан деп болжаймыз. «Қазақ» деген атаудың этносемантикалық даму барысы **qas>қас** «қатты, мықты зат, берік темір» > **qas+aq>** қас+ақ «дөңгелек темір құрсау», **qasaq>** қасақ «темір құрсаулы дөңгелекті арба», **qazaq terge>** қазақ терге «қазақ арбасы», **қазақтар** «киіз үйлерін арбаларына артып жүретін көшпелілер» дегенге саяды.

Осы пікірімізді тарихи фактілермен түсіндіруге тырысайық.

Археологиялық фактілер. Еуразиялық номадтардың жылқы, түйе, өгізге жегіп «үстіне шошақ үй, адам, зат тиеген екі, төрт дөңгелекті арбамен жорғалап жортып бара жатқан» сюжеті бейнеленген жартас петроглифтері (Қазақстан: Сауысқанды; Моңғолия: Ямаан ус, Дэл уул және т.б.), миниатюралар (қытайлық және т.б.) молынан кездеседі. Бұл «көшпелі» деп атаған номадтардың күнделікті өміріндегі аса маңызды арба көлігі мен үй болғандығының бір ғана айғағы. Алайда, қазірге дейін киіз үйлі арбаның қаңқасы дерлік археологиялық табылым табылмаған. Тек ғана жартас жерлеу орындарында адам сүйегін орап қойған ағаш керегенің бір қанаты табылған факт бар (Моңғолия, Хэнтий аймағы, Хүйтэн хошуу). Бұл ортағасырларда ағаш керегелі киіз үй болғандығының нақтылы тарихи дерегі.

Лингвистикалық фактілер. Жалпы, этнонимдердің қалыптасуы мен аталуының негізі, тарихи өзгерістерін, мүлдем ұмытқан әрі ес-жадымызда қалмаған тұлғасын диахрондық-синхрондық тұрғыдан қазіргі сарқыншақтар мен кейбір реликт этнотерминдер арқылы бақылап жаңғырта аламыз. Басқаша айтқанда, номадтар күнделікті тіршілігінде жиі қолданған арбалар атауы, оның түрлері қазіргі түрік тілдерінде негізінен **arba//araba** > араба, арба (араб тілінде *garaba* деп те сақталынған) тұлғасында айтылады. Ал, тіпті орыс тілінде тэлэга < *terek//tergen* деген көне түрік формасы еніп, солай сақталынған-ды. Көне түрік бітік тілінде **tegrek**> тегрек «арба», *tegre*> тегре – айналу, дөңгелену, *tegire*> тегіре – дөңгелек, доңғалақ, *tegiמן*> тегірмен – дөңгелекті диірмен атаулары кездеседі. Бұл атаулардың төркіні ортағасырлық моңғол тілінде **terge//tergen** > тэрэ//тэргэн «арба, дөңгелекті күйме арба» тұлғасында толық сақталынған, ал қазақ тілінде «терек» (ағаш түрі), «терте//тэрте» (арбаның көлік жегетін қос жетегі, арысы) және т.б. сөздерді ерекше атауға болады.

Жазба деректеріндегі фактілер. Қытайлықтардың жазба деректерінде жалпы көшпелі түріктерді теле, тили, дили (сөз төркіні көне түрікше *terek//терке*) – «арбалылар», «гаочэ, гаогюй, гаочзюй» – «шығыршықтары көп биік арбалылар» делінген.

Ескі моңғол жазба деректерінде, мысалы XIII ғасырдың туындысы «Моңғолдың құпия шежіресінде» «*qasaq//qasyaq tergen*>**қасак//қасғак терген**» – темір құрсаулы үлкен арба («қазақ күймесі») деген мағыналы атау кездеседі. Сонымен қоса, қазіргі моңғол тілінде 1. *Qasag* – 1) білігімен қоса айналатын үлкен арба. Ежелде қазақтар пайдаланып жүргендіктен осылай аталған. *Qasag ulayan tergetu* – қазақ қызыл арбалы, 2) (диалект): дөңгелекті арба, 2. **Qasay** – ошақтың шеңбер темірі. **Qasay tergen** – деген құрамындағы *Qasag* дегені Ордостың тіл сөйленістерінде «*hasay*» – арба деген сөз. Буриад тілінде «*хаһаг тэргэ*» деп екі доңғалақты тауар таситын ат арбаны атайды деп кездеседі.

Ортағасырларда көшпелілерде арба, биік арба, күйме арба секілді екі, төрт дөңгелекті өгіз, жылқы, түйеге жеккен алуан түрлі арбалардың болғандығы жайында Миссионерлер саяхатшылардың еңбектерінде (Плано Карпини, Г.Рубрук және т.б. мол деректер жазылған).

Біз атакты алтаист Г.Й.Рамстедт [22] ұсынған қалмақ тілінде «**hasay tergn**» – grosser zweirädriger wagen, arba (veraltet), viell kirgisenkarren (үлкен екі донғалақты арба, арба (ескірген), мүмкін «**қырғыз**» арба) деген пікірді қолдаймыз. Ол пікірді А.А. Семенов та қолдаған еді [23].

Енді тарихи деректердер мысал келтіруіміз қажет болып тұр. Плано Карпини (1252) «... **Об их жилищах**: Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой...» [24].

Гильом Рубрук (1253-1255) былай дейді: «...И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда **дом был на повозке**, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верб-

люды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый моал (моңгол), или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого моала (моңгол) будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык...» [24, С. 24, 80].

Ибн Батутта [25] былай дейді: «О телегах, на которых ездят в этой стране (II, 361 – 381). Телегу называют они **араба** (= арба) – пишется через **а, ра** и **ба**. У каждой из телег 4 больших колеса; есть между ними такие (арбы), которые везут (только) две лошади, но есть и такие, в которые впрягают больше этого. Возят их также волы и верблюды, смотря по тяжести или легкости арбы. Тот, который управляет арбой, садится верхом на одну из везущих ее лошадей, на которой (находится) седло. В руке его плеть, которую он приводит в движение для погонки, и большой шест,

которым он направляет ее (арбу), когда она сворачивает с пути. На арбу ставится нечто в роде свода (сделанного) из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые и тот, кто (сидит) в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней, как угодно, спит и ест, читает и пишет во время езды. На тех из таких арб, на которых возят тяжести дорожные и съестные припасы, находится подобная же кибитка, о какой мы говорили, но с замком. Когда я задумал ехать, я изготовил для своей езды покрытую войлоком арбу, в которой со мною (поместилась) моя девушка, для товарища моего Афифеддина Эттузери - маленькую арбу, а для остальных спутников – большую телегу, везомую тремя верблюдами, на одного из которых сел верхом возница арбы. [25, 281-282 с.]

Каждая хатунь их **ездит в арбе; в кибитке**, в которой она находится, навес из позолоченного серебра, либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покровами. Возница арбы, который сидит верхом на одном из коней, молодой парень, называемый улакши.

Позади арбы хатуни (следует) около 100 (других) арб. В каждой арбе три или четыре прислужницы, большие и малые, в шелковых одеждах и с шапочками на головах. **За этими арбами (едут) до 300 арб, в которые впряжены верблюды и волы.** Они везут казну хатуни, ее имущество, одежды, пожитки и съестные припасы» [25, 292-293 с.]

Фазлалаха ибн Рузбихан «Михман-наме-йи Бухара» (XVI ғасыр) шығармасында қазақтардың арбалары туралы кеңінен сипаттама берген: «... Из березового дерева [казахи] весьма искусно делали очень прочные и крепкие стрелы и тахты с украшениями и производили разноцветные войлоки с необычайными узорами, и нарезанные ремни, очень красивые и изящные. Степень достоинства каждого жилища доводили до терема небес. А что касается домов и жилищ их знатных людей и султанов, то они представляли собой большие прекрасные шатры. Каждый большой шатер мог вместить двадцать или более человек, чтобы сидеть в нем спокойно и удобно. Такой большой шатер привязывали на повозке, в повозку впрягали несколько верблюдов и везли. Внутри больших

шатров на ходились женщины и дети знатных людей и начальников их. ... А еще дома прочих людей. [Их] делали продолговатой формы с полным мастерством и изяществом, впрягали в повозку [с домом] одного верблюда или более. Спереди и сзади этих домов делали оконца, чтобы обитатели их могли выглядывать... **Какие преогромные шатры я увидел, поставленные на колеса!** Узрел я обширные дома с окошками, прикрытыми войлочными занавесками очень красивыми и искусными. Около жилищ всех султанов и эмиров я также видел подобные **большие шатры и подвижные дома**, и казалось, что вся ставка наполнена этими превосходными, стоящими на высоком основании домами, так что разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества... вот эти дома-повозки .... **подвижными домами с конями, верблюдами и теми средствами, которыми перевозят эти дома**» [26].

Этнографиялық фактілер. **qas>қас** – деген түлғалы сөз түрік, моңғол тілдерінде бар. Көне түрік дәуірінде (eb>еб) биік дөңгелекті арба **tergek** кеңінен қолданылды. Бұл далалық номадтардың байырғы дәстүрлі тұрмыстық үй-көліктері, тіпті, XV ғасырға дейін жалғасып сабақтасты деп айтуға болады, содан кейінгі мерзімдерде ұмытыла басталған сияқты.

Ортағасырлық «Қыпшақ-араб сөздігі» қазақ атауы – «үйлү» және «баш дақ» «жеке басты, бойдақ» «үйлі болған, бөлінген, бөлініп еншісін алған, жеке отау тіккен» деп кездеседі екен [27].

Біздің пікірімізше «**қаз+ақ**» сөзінің түп-төркіні осында болуы әбден ықтимал. Көшпелілерде киіз тиеген үлкен арбалар болды. Көне түрік дәуірінде «теле» деген этноним де осы атаудың «киіз үйлі арба» дегеннің байырғы нұсқасы. Басқаша айтқанда «терген, терме, терим, терме алаша, терте» деген қазіргі түрік тілдеріндегі сөздер төркіндес, мағынасы желілес деген сөз.

Сонымен қоса «**қаңлы**», «**дұғлат**», «**алаш**» деген атаулар да «киіз үйлі арбалы» деген сөздердің баламалары.

Қазіргі қазақ тілінде «дөңгелек, домалақ, шеңбер, арба, дөңгелекті арба, шығыршықты арба» деген ортақ семантикалы **qas//qaz-** түбір морфемадан «қасаға, қасаба, қазан, қазық, қосақ, құдық, қасық» жән т.б. сөздер сақталынған. Қазақ сөзінің ілкі нұсқасы «қас» деген сөз. Ол ағаштан жасалынған дөңгелекті байланыстырып тұратын төрт ағаштың атауы. «Қас таңба» деп те соны атайды.

Бұған ұқсас ортақ мағыналы **қасаға** – «арба доңғалығының темірі, ошақтың қазан тұратын шеңбері» [28], «қас» (ердің алдыңғы және артық басы, арба дөңгелегінің темір құрсаулары), «қаз+ан» (киіз үйдің темір қазаны) (qasyaq // qazyap > // qazaq> қазақ), «қос+ақ» (өгізді қосақтап жегіген «күрке» үйлі арба), «қаз+ық» (ат және т.б. байлайтын қазық) деген сөздер де байланысты болмақ. Демек, қазақ деп біз киіз үй артқан арбаларымызды атағанбыз. Сондықтан болар өзге көрші жұрттың барлығы бізді «қазақтар» яғни «киіз үйлі арбалықтар» деп атады. Біз де өзімізді солай атадық. Ал «Алаш» сөзі «қазақ» сөзімен бірге айтылады да, оның мағынасы да бірдей.

Сонымен «**Алаш**» дегеніміз киіз үйлі арбаның бір түрінің, ат арбасының атауы. Сол себептен киіз үйлі арбалы «көшпелі» түрік тектес этностар бір шаңырақтың астына бірігіп «**қыпшақ, қаңлы, қазақ, алаш**» болды.

Қазақ хандығы XV ғасырдың орта шенінде жеке дара шаңырақ көтерген кезінде қазақ ұлтының негізін құраған көптеген түрік тектес ұлыс, этностардың рулық-тайпалық атаулары мен арнайы таңбалары болды.

Осы атаулары мен таңбалар қазақ қоғамында XX ғасырдың I жартысына дейін қолданылды, қазақ халқының қоғамдық өмірінде, билік жүйесінде айрықша қызмет атқарған бірегей этнонимдік атаулары мен құралдары болып келді.

Көшпенділер. (П.С. Палластың (1741-1811) суреті)

ХАНДЫҚ БИЛІК РӘМІЗДЕРІ МЕН РУ-ТАЙПА ТАҢБАЛАРЫ ТУРАЛЫ

Қазақ хандығы дәуірінде хандар мен сұлтандардың, бір сөзбен айтқанда «төре»-лердің («аксүйек») билік рәміздері, арнайы ерекшеленетін этносимволдық рәміздері болды [29, 43-49; 224-230].

«**Ақ Орда**» («Боз орда») – билік ордасы. Үй босағасына шаңыраққа дейін алтынмен апталған, күміспен күптелген, этно-символикалық мәні зор сәндік элементтермен безендірілген, ою-өрнекпен көмкерілген, көп қанатты боз киіз үйлер.

«**Тақ**» – билік орны, ағаштан жасалған, жоғары мәртебелі этно-символикалық ою-өрнектермен әсемделген билік орындығы (Т. Сұлтанов, Н. Атығаев «престол, трон» – деп қарастырады).

«**Тәж**» [30] – асыл тастармен және бағалы аң терілерімен әшекейленген бөрік іспетті бас киім¹.

«**Қалпақ (мұрақ)**» – киізден жасалған, этно-символикалық өрнектермен көркемделген биік дәстүрлі бас киім.

«**Шапан**» – жібектен тігілген, этно-символикалық өрнектермен көмкерілген дәстүрлі сырт киім.

«**Белдік**» – алтын және күміс әшекейлермен өрнектелген, этно-символикалық нақышы бар сәндік белбеу.

«**Етік**» – былғарыдан тігілген, этно-символикалық өрнектермен безендірілген аяқ киім.

«**Мөр**» – хандық мөр, билік белгісі – алтынмен және күміспен апталған, мәтіндік және таңбалық жазулары бар, этно-символикалық өрнектермен безендірілген мөр (белгі).

«**Тарақ**» – танба, хандық әулеттің ерекше айырым белгісі, үш тісті немесе үш сызықты «тарақ пішінді» рәміздік төрлердің таңбасы.

«**Ат әбзелдері**» – жүйрік сәйгүлікке арналған, алтын және күміс жалатылған, этно-символикалық өрнектермен сәнделген ер-тұрман, жүген сияқты ат әбзелдері.

---

¹ «Тәжіні әкеп кигізді өз қолымен», «Тағыңыз мүбәркәлі болсын!», «Тәжі киіп, хан болып, мінді таққа...». «Тақ пен тәжің басыңда құтты болсын, Пайданды Алла Тағала берсін көпке» – Қараңыз: Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.57: Тарихи жырлар. – Астана: «Фолиант», 2010. – 408 б. 213–214-бб.

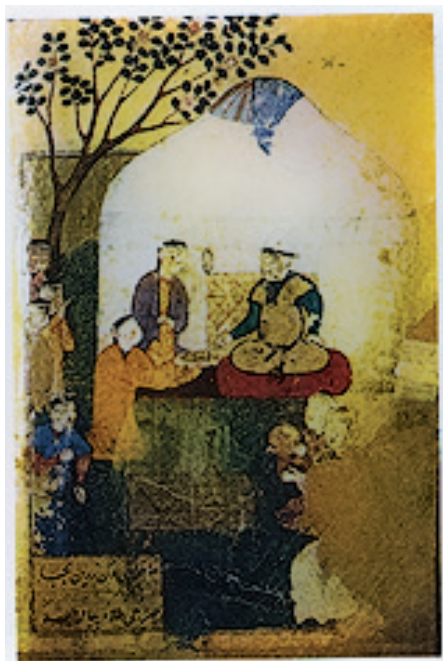
«Қамшы» – билік иесінің негізгі маңызды рәміздік белгісінің бірі.

«Ту» – жылқының қылынан және жібек матадан дайындалған хандық биліктің рәміздік туы. Кейінірек матадан жасалған жалауға айналған.

Шыңғыс қағанның киіз үй орда ішінде орындық тақта отырысы. Ақсұңқар және төрт құс бейнелі, басына алтын бөркі (тәж) киіп, алтын шатыр ішінде алтынмен апталған үш қапталды орындық тақта жайғасып отырған бейнесі.

Рашид ад-дин «Жамиғ ат-тауарих» шығармасының бір нұсқасы. Шығыс миниатюрасы. Франция ұлттық кітапханасы қоры

Жүчі әулеті Мұхаммед Шейбани (Шахибек) ханның киіз үй алдында жайғасуы (1451-1510). «Фатх-наме» қолжазбасындағы миниатюра. Өзбекстан (М.Қ. Әбусейітова зерттеуі)

Қазақ хан, сұлтандары. Орда үйдің алдында. Батыс Қазақстан. 1891 ж. (Ә.Х.Марғұлан зерттеуі)

Мұрақ киген хан, сұлтандар. Орда үй алдында.
Түркістан жинағы. 238 том

Қошқар мүйізді хан,
сұлтан мұрағы. ХІХ ғасыр.
Қазақстан Республикасы
Мемлекеттік орталық музейі.
Тіркеу кітабы: КП 530

Қошқар мүйізді хан, сұлтан
мұрағы. ХІХ ғасыр.
Қазақстан Республикасы
Мемлекеттік орталық музейі.
Тіркеу кітабы: КП 3428

Мұрақ киген хан, сұлтандар 1861 ж. Түркістан жинағы. 238 том.

Қазақ хан, сұлтанның шапаны. ХІХ ғасыр.
Мемлекеттік эрмитаж. (Ә.Х. Марғұлан зерттеуі)

Қазақ хан, сұлтандардың
белдігі. Ресей мемлекеттік
музей қоры

Қазақ хан, сұлтандардың белдігі.
Қазақстан Республикасы
Мемлекеттік орталық музей қоры

Ер. Күміспен көмкерілген.
Әбілхан Қастеев атындағы Ұлттық өнер музейі қоры

Қамшы.

Әбілхан Қастеев атындағы Ұлттық өнер музейі қоры

«**Muhir**> Мөр» – алтындалған және күмістелген, мәтіндер мен таңбалар бедерленген, этносимволикалық өрнектермен әшекейленген мөр.

Қазақ хандары мен сұлтандарының мөрлерінің басым көпшілігі күмістен жасалып, әдетте шамамен 3x2 см көлемінде «құс тұмсығы» пішініндегі сақина түрінде саусаққа тағып жүрген. Мөрдің жиегінде жұлдызша және өрнек түріндегі бедерлер түсіріліп, ал ортасында арабграфикалық жазумен мөр иесінің аты мен атағы – хан, сұлтан, оның әкесінің есімі және лауазымы қашалып жазылған. Кейбір мөрлердің жоғарғы үшкір бөлігінде қазақ хандары мен сұлтандарына тән «**Тарақ**» («үш тісті») хандық таңбасы бейнеленген.

Қазақ хандығы дәуірінде билік өкілдері көшпелі дәстүрге сай мемлекеттік рәміздердің бірі ретінде мөр қолданғаны белгілі. Хандардың мөрлері кеңсе хаттарын, жарлықтар мен құжаттарды бекіту үшін, сондай-ақ ішкі қатынастар мен мемлекетаралық дипломатиялық іс-шараларда кеңінен пайдаланылған.

Бүгінгі күнге дейін қазақ хандарының мөрлерінің түпнұсқа археологиялық үлгілері сақталып жеткен жоқ.

Алайда, шетел мемлекеттеріне жолданған қазақ хандары мен сұлтандарының ресми хаттарында олардың мөрлерінің факсимилелері кездеседі. Мұндай қолжазба құжаттар қазір Қазақстанның архивтерінде [31] (Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві, ҚР Ұлттық ғылым академиясының Орталық ғылыми кітапханасы), Ресейдің (Мәскеу [32], Санкт-Петербург [33]) және Қытай Халық Республикасының (Бірінші тарих архиві) [1, Ил.10; Ил.11] қорларында және басқа да елдердің архивтерінде сақталған.

Біз бұл хаттардың барлығы дерлік Қазақ хандығы дәуіріне тән ресми әдеби тілде, арабграфикалық жазуымен жазылғанын көреміз. Хаттардағы мөр факсимилелері арқылы хандар мен сұлтандардың есімдерін анық оқуға болады. Мәселен, қазақтың әдеби тілінде, арабграфикасында жазылған көптеген хаттарда қазақ хандары Абылқайыр хан, Абылай хан [34], Әбілпейіз сұлтан және өзге де билеушілердің мөрлерінің басылымдары кездеседі.

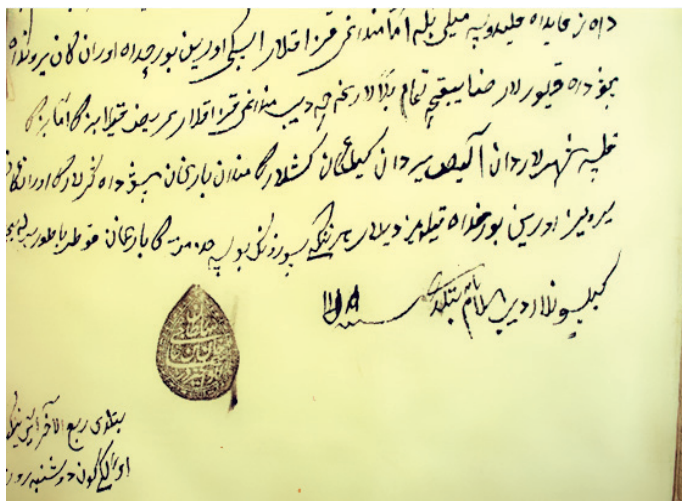

Әбұлхайыр хан мөрінің басылымы (1710-1748).
Жаңғыртпа.

Қазақша арабграфикалық мәтін:
«Abul-hayir bahadur qan ibn Qaji sultan»
Әбұлхайыр баһадүр хан ибн Қажы сұлтан
Жоғары тұсында «төре» - «тарақ» таңба:

Мөрдің айналасында: Шыңғыс әулеті төрелердің шежірелік 18 буын белгісі.
Мөр өлшемі: 3x2,2 см.

Әбұлхайыр ханның Орынбор губернаторы И.И. Неплюевке жолдаған хаты. 1744 жылғы 14 мамыр. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Оренбург, Россия. ГАОР. Ф.3, Оп.1. Д.8.Л.41.

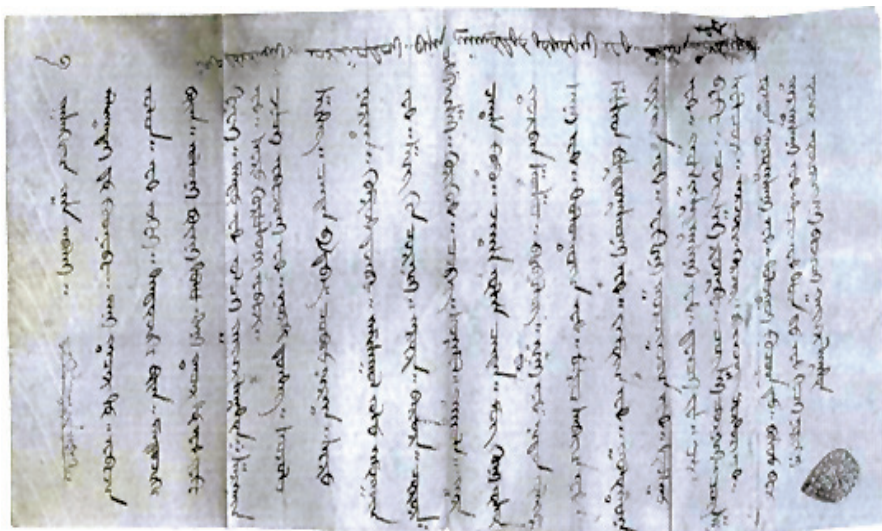
Абылай хан мөрiнiң
басылымы
(1771-1780).
Жаңғыртпа.

Қазақша арабграфикалық мәтін:
«Abulay qan ibn Bahadur Wali sultan»
Абұлай хан ибн баһадүр Уәли сұлтан

Жоғары тұсында «төре» - «тарақ» таңба:

Мөрдің айналасында: Шыңғыс әулеті
төрелердің шежірелік 19 буын белгісі.
Мөр өлшемі: 2,7x2,2 см.

Абылай ханның Цин императоры Цяньлунға жолдаған хаты.
1774 жыл. Мәтін ойрат тілінде, ойраттың
«тод бичиг» («тот») жазуымен жазылған.
Қытайдың Бірінші тарих архиві. Бейжің, ҚХР.

Әбілпейіз баһадүр
сұлтан мөрінің басылымы
(1744-1783).
Жаңғыртпа.

Қазақша арабграфикалық мәтін:
«Abul al-feiz bahadur sultan
Әбілпейіз баһадүр сұлтан

Жоғары тұсында «төре» - «тарақ» таңба:

Мөрдің айналасында: Шыңғыс әулеті
төрелердің шежірелік 12 буын белгісі.
Мөр өлшемі: 2,5x1,8 см.

Әбілпейіз сұлтанның Омбы губернаторы және Сібір корпусының
командирі генерал-лейтенант И.А. Деколонгқа жолдаған хаты.

1772 жыл, қыркүйектің 5-і күні. Орынбор, Ресей.

ГАОО. Ф.1, Оп.1. Д.176. Л.168.

«Тарак» – Қазақ хандығы дәуіріндегі хан және сұлтан әулеттерінің айырым таңбасы. Қазақ тілінде «тарак» деп аталады (халықтық атауы – «тарак», «шаш тарағыш»), яғни семантикалық тұрғыдан алғанда «үштік, үш тісті немесе үш сызықты белгі» ұғымын білдіреді. Бұл таңбаның төркіні Жүчі әулеті (төрелер) дәуірінен бастау алады.

Қазақ хандары әулетінің «Тарак» («үштік») таңбасы бейнеленген көркем өрнекті нышаны. Соғыс кезеңіндегі хан ордасының сәндік жабдығы – қабырға кілемі (тұс кілем). Анри Мозер қоры.

Берн тарихи музейі, Швейцария.

(М. Х. Әбусейітова бойынша, 2020: Ил.16).

Қазақ хандары әулетінің «Тарак» («үштік») таңбасының сызбасы

Қазақ хандары әулетінің «Тарак» («үштік») таңбасы бейнеленген көркем әшекейлі нышаны. Ұзындығы – 13 метр. Соғыс кезінде хандар ордасының сәндік жабдығы болған «тұс кілем» қабырға кілемі.

XIX ғасыр. Анри Мозер қоры. Берн тарихи музейі, Швейцария.

(М. Х. Әбусейітованың зерттеуі, 2020:16).

Қазақ хандары әулетінің «Тарақ» («үштік») таңбасы бейнеленген көркем әшекейлі нышаны

Хан ордасында бейбіт кезеңде жиналыс өткізу мақсатында тігілген, ұзындығы 15 метр болатын тұс кілемді қабырға кілемі.

Материалы: барқыт, жібек, жіп; сәтен және тамбур тігісі қолданылған.

XIX ғасыр. Анри Мозер қоры. Берн тарихи музейі, Швейцария.

(М. Х. Әбусейітованың зерттеуі, 2020:15-16)

ҚАЗАҚ РУ-ТАЙПАЛАРДЫҢ ТАҢБАЛАРЫ

Қазақ хандығының құрамына көптеген ру-тайпалар кірген, олардың әрқайсысы дәстүр бойынша бір-бірінен ерекшеленетін өз таңбаларына ие болды. Бұл құбылыс ежелгі дала мемлекеттілік дәстүрлерімен және әскери-саяси билік құрылымдарымен, атап

айтқанда, **Ұлық Ұлыс** (Жүчі ұлысы) мемлекеттік жүйесімен тығыз байланысты болды. Көшпелілердің таңбалық жүйесі сонау ежелгі кезеңдерде қалыптасқан, сондықтан да таңбалар жүйесі ертедегі далалық мемлекеттерде хуннұларда, түріктерде болды және басқа да көшпелі елдерде – мемлекеттік және әлеуметтік ұйымдасуының айғағы болды.

Дәл осы таңбалар, таңба жүйесі – көптеген ру-тайпалық, аумақтық және шаруашылық меншіктің айырым белгілері қызметін атқарған. Бір сөзбен айтқанда, олар көшпелі қоғамдағы әлеуметтік қатынастар жүйесінде өзіндік «**паспорттық нышан**», яғни иелік пен меншік құқын растайтын, куәландыратын және даулы мәселелерді шешуде дәлелдік маңызы бар ерекше белгілер болған [35].

Ортағасырлық түрік мемлекеттерінде (VI–XII ғғ.) рулық-тайпалық таңба жүйесінің негізгі қызметі – әкімшілік құрылым мен қоғамдық өмірде тайпалар мен рулар арасындағы өзара қатынастарды белгілейтін айырым нышан ретінде қызмет ету болды.

Қазіргі қазақ тілінде таңба > таңба (танба) сөзі бірнеше мағынада қолданылады: 1. малға, әсіресе жылқыға басылатын белгі – **таңба, таңба басу**; сондай-ақ «ен», «ен салу» – қой мен ірі қара малдың құлағын тіліп белгі салу әрекеті; 2. **мөр**, яғни («мухир») арнайы жеке белгі ұғымын білдіреді.

Тамға > тамға, таңба сөзі – көне түрік тілінен келе жатқан түбір, бұл сөз кейінгі дәуірлердегі Қазақ хандығы кезеңінің эпистолярлық (ресми хат алмасу) жанрларында да сақталған.

XI ғасырда жазылған Махмұд Қашқаридің «Диуани лұғат ат-түрік» энциклопедиялық сөздігінде бұл сөз мына мәтінде кездеседі: **ol bitig tamyaladı** – «ол бітігке (хатқа) тамға қойды», яғни «хатқа мөр басты» [36].

Қазақ хандығы дәуірінде түрлі мазмұндағы хаттарда мәтіннің соңында ру аксүйектері өз қолтаңбасын былайша білдірген: «... **оғлу таңбам салдум**» – яғни «... (пәленшенің ұлы) өз таңбамды қойдым». Ал хандық билік лауазымын әлі иеленбеген төре әулетінің өкілдері – сұлтандар (Шыңғыс әулетінің ұрпақтары) – өздерінің «Төре» таңбасын пайдаланып, хат соңында: «... **сұлтан таңбам салдум**» – «... сұлтан таңбамды қойдым» деп жазған.

Сонымен қатар, хандар мен сұлтандар, сондай-ақ беделді билер мен батырлар мөр қолданған. Қазақ әдеби тілінің дәстүрлі жазба

үлгісіне сай олар мәтіннің соңында көбіне мынадай тіркесті пайдаланған:

«... хан (султан) инанмақ үчүн кенді елім іле өз мухрими бас-дум» – яғни «... хан (немесе сұлтан) иландыру үшін (растау және куәландыру үшін) өз қолымен мөрімді бастым».

Дәл осы көне түрік «тамға» ресми атауы қазақ құжаттарында (негізінен архив қорларында сақталған хаттар мен жазбаларда) ХХ ғасырға дейін «тамғам», «тамғам салдум», «тамғасын салды» түрінде қолданылып келген. Осыған байланысты көне түріктердің төл атауы қазақ тілінде өзінің бастапқы қалпын сақтап қалғанын көруге болады.

«Тамға» сөзі қазақ тілінде фонологиялық тұрғыдан дамып, «таңба» – «белгі», «нышан», «символ» мағынасында қалыптасты. «Таңба» атауы қазіргі түрік тілдерінде әртүрлі фонетикалық нұсқаларда: «дамга», «тамга», «танба», «тагма» және басқа да формаларда кездеседі. Ал, моңғол тілінде бұл ұғым *taba* > *taw* («із», «нышан»), сондай-ақ *tamaya* > *tamaga* > *tamga* («белгі», «таңба») түрінде сақталған.

Қазақ хандығының құрамына енген ру-тайпалар ежелгі көшпелі әскери-саяси құрылымдардың дәстүріне сай, ерте кезеңдерден бастап өздерінің таңбаларын қолданған. Яғни қазақ ру-тайпаларының таңбалары Ұлық Ұлыс құрамына кірген алдыңғы этникалық бірлестіктердің таңбалық жүйесін мұра еткен.

Сондықтан да қазақтың ру-тайпалық таңбалары Қазақ хандығының құрылу кезеңінде (шамамен 1450-1460 жылдары) нақты қалыптасып, осы уақытта барлық ру-тайпалар ортақ этносаяси атауды – «қазақ» этнонимін кеңінен қабылдап, сонымен қатар өздерінің көне таңбалық дәстүрін жалғастыра пайдаланған деп айтуға болады.

Қазақ таңбалар жүйесі – Ұлық Ұлыс (Жүчі//Жошы ұлысы) дәуіріндегі ру-тайпалық қауымдардың таңбалық дәстүрлерінің тікелей жалғасы болып табылады. Сондықтан қазақ таңбалар жүйесінің этногенетикалық және семантикалық тұрғыдан көне және ортағасырлық түрік мемлекеттерімен тығыз байланысты екенін анық айтуға болады.

Қазақ таңбаларының түрік халықтарының көпшілігімен – башқұрт, татар, қырғыз, өзбек, түрікмен, алтай, хакас және басқа

да туыстас халықтармен – ұқсастықтары бар. Бұл олардың тарихи тұрғыда өзара сабақтас, мәдени және этникалық байланыстар нәтижесінде қалыптасқанын көрсетеді.

Қазақ таңбаларына қатысты археологиялық деректердің басым бөлігі ру-тайпалық қоныстар мен олардың айналасындағы жартаc беттерінде, бейіттер мен құлпытастарда, стелалар мен мазарларда, сондай-ақ әртүрлі тарихи-мәдени ескерткіштер мен тұрмыстық бұйымдар, артефактілердің беттерінде кездеседі.

Қазақ рулық-тайпалық таңбаларына қатысты аса құнды мәліметтер Қазақстан аумағындағы археологиялық ескерткіштерден алынған. Солардың ішінде ең белгілілерінің бірі – Орталық Қазақстандағы Сарысу өзені бойындағы «Таңбалы тас» [37], сондай-ақ Батыс [368], Оңтүстік [39] және Шығыс Қазақстан [40] аймақтарында табылған ұқсас ескерткіштер жатады.

Алайда қазақ таңбаларына қатысты ертеректегі деректер, әсіресе XV–XVIII ғасырлар аралығына тән мәліметтер өте аз және толық сақталмаған. Дегенмен, олардың кейбір деректері халық ауыз әдебиеті үлгілерінде¹, ауызша шежірелер [41] мен аңыздық әңгімелерде, сондай-ақ кейінгі кезеңдерге (XIX–XX ғасырлар) тән архивтік құжаттарда² сақталып қалған.

---

¹ В Центральном государственном архиве и других городских архивах Казахстана, хранится множество тамговые оттиски на официальных письмах и документах казахских государственных правителей и родоплеменных биев, батыров.

подавляющее большинство архивных данных о казахских тамгах хранится в казахских официальных документах в архивах Казахстана (Астана, Алматы и других городов), Узбекистана (Ташкент), России (Москвы, Оренбурга, Омска, Уфы, Казани, Томска и других городов) а также других странах. Казахские ученые собравшие и описавшие ценные данные о тамгах казахских родоплемен, Шакарим Кудайбердиұлы, М. Тынышбаев (1925), С. Аманжолов (1959), А.Х. Маргулан, Х. Аргынбаев, М. Муканов, В. Востров, А. Сейдимбек, С.Ажигали, Н.Алимбаев, и другие исследователи. В работах этих исследователей лишь кратко описывается структура и некоторые семантика казахской тамговой системы.

² Этнографические данные о традиционной системе казахских тамг и их родовых тамгах, были исследованы и зарегистрированы с русскими исследователями в 1832-1910 гг. А.И. Левшин (1832), Л. Мейер (1862), И. Казанцев (1867), Г. Потанин (1881), А. Харузин (1889) тамги младших

Дәстүрлі қазақ таңбалары атауларының семантикалық топтары. Дәстүрлі қазақ таңбаларының атауларының семантикалық мағыналары бірнеше топқа біріктіріледі:

1. Мал шаруашылығы мен аңшылыққа қатысты еңбек құралдарының атаулары: *абақ* (ау, қап), *айыр* (айыр), *ашамай* (ертоқым түрі), *балға* (балға), *балта* (балта), *көсеу* (ошақ қозғағыш), *қос көсеу* (қышқаш), *тарақ* (тарақ), *шылбыр* (жіп, ноқта), *ілмек* (ілгіш, қармақ), *ергенек* (киіз үйдің есік маңдайшасы немесе баспалдақ), *сірге* (ауыздық түрі), *таяқ* (таяқ, асатаяқ).

2. Қару-жарақ атаулары: *қамшы* (қамшы), *жебе* (жебе), *қылыш* (қылыш), *оқ* (жебе), *садақ* (садақ).

3. Ыдыс атаулары: *тостаған* (тостаған), *шөміш* (қасық, шөміш), *қазан құлақ* (қазан, құмыра).

4. Баспана мен тұрмысқа қатысты атаулар: *бағана* (тіреу, бағана), *бақан* (айырлы сырық), *босаға* (есік жақтау), *бесік* (тербеткіш бесік).

5. Ою-өрнекке байланысты атаулар: *айшық* (ай тәрізді өрнек), *бұрыш* (бұрыш), *дөңгелек* (шеңбер), *түйемойын* (түйенің мойны тәрізді өрнек).

6. Өсімдік атаулары: *қурай* (қурай), *күрей* (өсімдік атауы).

7. Адам дене мүшелерінің атаулары: *көз* (көз), *қол* (қол).

8. Жазуға байланысты атаулар: *әліп*, *екі // қос әлі* (екі еселенген «әліп»).

9. Жануарларға қатысты атаулар: *бөрі* (қасқыр), *мүйіз* (мүйіз).

10. Музыкалық аспаптарға байланысты атаулар: *қос ішек* (қос ішекті аспап).

11. Сакралды (киелі) атаулар: *тұмар* (тұмар, бойтұмар).

12. Астрономиялық атаулар: *ай* (ай, ай аспаны).

Қазақ таңбаларының графикалық ерекшеліктері. Қазақ таңбаларының кейбір түрлері өздерінің бейнелік негізімен, яғни нышандық сурет пішінімен тікелей сәйкес келеді. Мысалы, балға мен балта таңбаларының түрлері қазақтардың күнделікті тұрмысында

жуза, Н.И. Гродеков (1889) большие, средние, младшие жузы, А.И. Добросмыслов (1893) младшего, среднего жуза, И.Г. Андреев (1894) тамги среднего жуза, Н.А. Аристов (1894) писал о тамгах Старшего, Среднего и Младшего жузов, а Д.Н. Соколов (1904) писал о тамгах Среднего жуза, арғынов, кипчаков и Младшего жузов.

қолданылатын құралдардың пішініне ұқсас және олар сызбалық түрде берілген.

Кейбір қазақ ру-тайпалары өздерінің таңбаларының бейнесіне сәйкес аталған: *Ашамайлы, Бағаналы, Балталы, Ергенекті, Ошақты, Сіргелі, Тарақты, Шанышқылы* және т.б.

Қазақ таңбаларының сызбаларында жиі түрлі геометриялық өрнектер кездеседі. Мысалы: *ашамай таңба, көз таңба, тарақ таңба, бағана таңба* және т.б.

Қазақ таңба жүйесі (үш жүз бойынша)

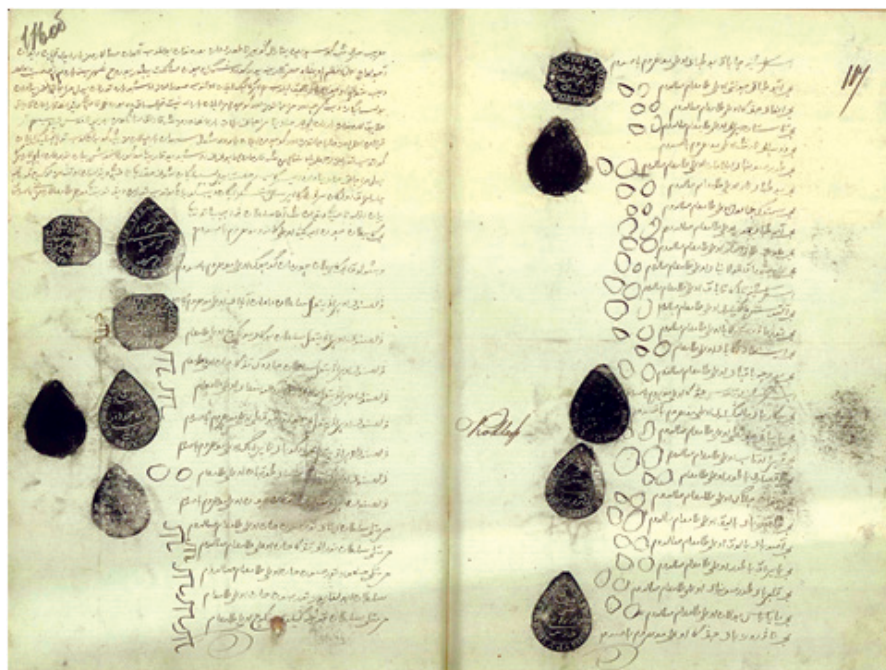
№	Тайпа атауы	Ру атауы	Таңба кескіні
Ұлы жүз			
	Жалайыр		Мл
	Сарыүйсін		☐ ≅
	Дулат	Сиқым	♀ ○
		Ботбай	
		Шымыр	
		Жаныс	
		Сиқым	♀ L
		Ботбай	♀ ♀ ♀
		Шымыр	C Y c
		Жаныс	>
	Албан		♀ ♀ ♀
	Суан		○ ♀
	Шанышқылы		⊥
	Сіргелі		++ + # ◊ ⊕ ⊗ Ψ =
	Қаңлы		☉
	Сиқым		
	Ысты		S

		Ойық	∞ —
		Тілік	
	Ошақты		△
	Шапырашты		У

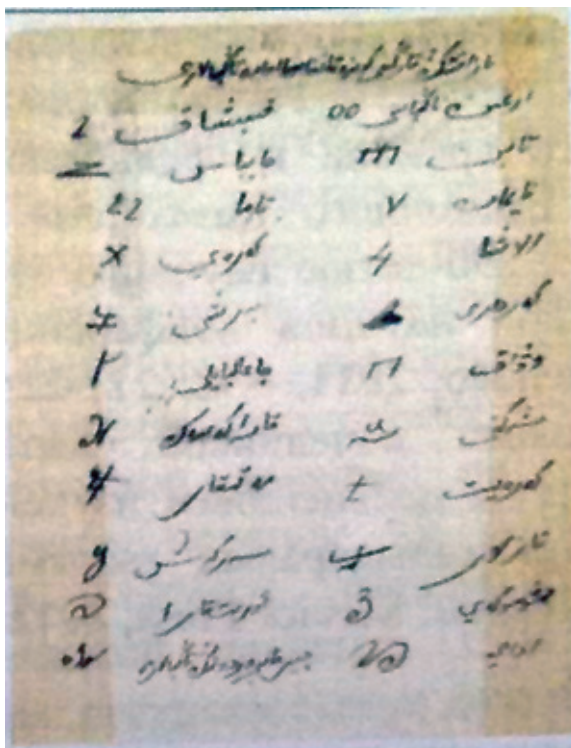
Орта жүз			
№	Тайпа атауы	Ру атауы	Таңба кескіні
	Тарақты		л л
	Арғын		о о о о о о о о
	Қыпшақ		
	Қоңырат		П
	Найман		У V ♀
		Бағаналы	У X У Ψ Ψ
		Балталы	Q
		Қаракерей	↑
		Матай	т т
		Садыр	оп
		Сары-жомарт	Ж
		Теріс-тамғалы	Q
		Бура	=
	Керей		X +
		Абақ	□
		Ашамайлы	X ⊕
	Уақ		→ т т т

Жетіру			
		Тама	
		Табын	○ ♀ ♀ ☐ ☐
		Кердері	♀ Q
		Керейт	
		Телеу	† † † × — † † † †
		Рамадан	♀
		Жағалбайлы	†

Қазақ хандарының мөрлері мен ру-тайпалардың таңбалары бейнеленген құжаттың көшірмесі. Ресей Федерациясы, Омбы облыстық архиві. Ф-3, О.-1. Д-1135.

ҚР БҒМ ҒК «Ғылым ордасы» РМК «Орталық ғылыми кітапхананың» сирек кездесетін қолжазбалар қорындағы №802 қолжазба құжатындағы қазақ таңбалары

ПАЙДАЛАНҒАН ӘДЕБИЕТТЕР:

1. *Абусейтова М.Х.* Казахское ханство. Монография. Изд.2-е., перераб. и дополн. – Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. С.138-142.
2. *Атыгаев Н.А.* Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и в источниках // Отан тарихы (Отечественная история). – Алматы, 2006, №1. С.96-107.
3. *Тулибаева Ж.М.* Персоязычные источники по истории казахов и Казахстана (XIII–XIX вв.). – Астана, 2006. 113 бетте.
4. *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. The Translation E. Denison Ross London: Publishers to the India Office, 1895. Pp. 82-83.*
5. *Материалы по истории Казахских ханств (XV-XVIII веков). (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители: С.К. Ибрагимов*

мов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1969. С.195.

6. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С.129-130.

7. Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен иланий» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 192. Илл. 1-44.

8. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М., 1982. С.38.

9. Омар Хаким Демб. Рассказы и эссе. – Алматы: Темірқазық, 2011. – 112 с. (С.93-94).

10. Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников). – М.: Наука, 1968. Вып. 1. С.41.

11. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I том. – Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. С. 40–51.

12. Базылхан Н. Көне түрік елінің әскери-саяси құрылымы мен билік атактары жайында // Материалы международной научно-практической конференции «Формирование Казахской государственности и историко-культурные ценности тюркского мира». 20–21 мая, 2009 г. Т. 1. – Шымкент, 2009. С. 101–108.

13. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусеитовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. С. 26-27, 92-93, 120-121.

14. Арғынбаев Х., Мұқанов М., Востров В. Қазақ шежіресі хақында (Құраст.: Ә. Пірманов). – Алматы: Атамұра, 2000. 464 бет.

15. Kaşğarlı Mahmud. Divanü lügati't-Türk. Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizinç Hazırlayanlar: Ahmet B.Ercilasun, Ziyat Akkoyunlu. TDK yayınları: 1220. – Ankara, 2014. 995.

16. Міржақып. «Шолпан», 1923 ж., №3–5; «Қызыл Қазақстан», 1923 ж., №17-18; Дұлатұлы Міржақып. Алты томдық шығармалар жинағы. 3-том: Көсемсөз, әдеби сын және зерттеу мақалалары, қазақ тілінде басылған кітаптар көрсеткіштері / Құраст.: Ф.Дулатова, С.Иманбаева. – Алматы: «Мектеп», 2013. (400 б.)

17. Тынышбаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа: (Читаны в Туркестанском Отделе Русского Географического Общества в 1924 и 1925 гг.). 1. Генеалогия киргиз-казакских родов. 2. Происхождение киргиз-казаков и история образования Казакского Ханства. 3. Родословные таблицы киргизских родов. 4. Общая численность киргиз-казакско-

го народа (в 1917 г.) / М. Тынышпаев. – Ташкент: Восточное Отделение Киргизского Государственного Издательства, 1925. – 62 с.+ табл. (8 л.). – Библиогр. в подстроч. Примеч. С.36-37, 41.

18. Юдин В.П. К этимологии этнонима казах (казак) // Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.+ вкл. 4 с.

19. Атыгаев Н. Трансформация семантики термина и этнонима казах (qazaq-казак) в Восточном дешт-и Кыпчаке // Урало-алтайские исследования. 2021. №3 (42). С.7-18.

20. Ибрагимов С.К. Еще раз о термине «Казах». // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии КазССР. Т.8.). – Алма-Ата, 1960. С. 66-71.

21. Pelliot, Paul Sur la légende D’uuz-khan en écriture ouigoure. T’oung Pao. 1930. Second Series. 27: 4-5. Pp. 247-358; Die Legend von Oghuz Qaghan von B.Wang und G.R.Rachmati. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussishen Akademie der Wissenschaften. Phil-Hist Klasse. 1932. XXV. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1932. Pp. 683-724.

22. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Suomalais-ugrilainen seura. lexica societatis fenno-ugricae III. – Helsinki 1935. Pp. 171.

23. Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Выпуск 1. (Труды Института истории, археологии и этнографии Таджикской ССР. Т. XII). – Сталинабад, 1954. С.33-36.

24. Джуованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И.Малеина. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С.27-29.

25. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. / Соч. В. Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских, IV, XVI, 564 с. (1884). С. 281-282, 292-293.

26. Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфохани Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. – Москва, 1976. С.128-129.

27. Қыдырбаев Қ. «Қазақ» сөзінің мағынасы қандай? (1245 жылы жарық көрген қыпшақ-араб сөздігінің қолжазбасы негізінде) // Қазақ газеттері. 13 ақпан, 2015; Қыдырбаев Қ. «Қазақ» сөзі туралы қыпшақ-араб сөздігінде не айтылған? <https://abai.kz/post/49433>.

28. Қазақ тілінің сөздігі. – Алматы, 1999. 385 бетте.

29. Базылхан Н. Қазақ мемлекеттілігінің билік рәміздері мен ресми құжаттарының тарихи бастаулары (тарихи-деректанулық шолу). Исторические истоки символов власти и официальных документов Казахской государственности (историко-источниковедческий анализ) // Қазақ-

стан тарихының мыңжылдық дереккөздері / Редакциясын басқарған М.Қ.Әбусейітова. – Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2019. 368 б. (Илл. 1-33.).

30. *Атыгаев Н.* О некоторых символах власти (трон и корона: от Монгольской империи к Казахскому ханству) // Алтаистика, Түркология, Монголистика. Халықаралық ғылыми журнал, 2/2020. – Астана, 2020. 21-57.

31. *Касымбаев Ж. К.* Генерал султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790-1847) // Казахи – генералы Российской империи. Книга первая. – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – 188; *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Т.1. – Алматы: «Білім», 1999. 288 с.; *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств XVIII – первой половины XIX вв. // Хан Айшуак (1719-1810). Т.2. – Алматы. Жеті жарғы, 2001. 256; *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств XVIII – первой половины XIX вв. // Жангир хан (1801-1845) Т.4. – Алматы: Наш Мир, 2001. 352 с.; *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. // Хан Жанторе (1759-1809). Т.3. – Алматы: «Білім», 2001. 364 с.; *Касымбаев Ж. К.* Кенесары хан. – Алматы: «Қазақстан», 1993.

32. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы) (сборник документов и материалов). – Алма-Ата: «Наука», 1964. 576 с.; Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). – Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1961. 742 с.

33. *Ерофеева И. В.* Символы Казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Қазақ мемлекеттігінің рәміздері (кейінгі орта ғасыр және жаңа заман). – Алматы: «Арқайым», 2001. 152 с.

34. *Базылхан Н., Тұрсынбеков Н.* Қазақ хан сұлтандарының мөрлеріне байланысты архив құжаттарының кейбір мәселелері // «Мұрағат және қоғам: мәдени мұраны сақтаудағы өзара әрекеттестік» ғылыми практикалық конференция материалдары. – Алматы, 2009. – С. 28-35.

35. *Әлімбаев Н.* Таңба // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. – Алматы: ТОО «Алем Даму Интеграция», 2017. 816 бет (иллюстрацияланған). (302-306).

36. Kaşğarlı Mahmud Divanü lugati't-Türk. Giriş-Metin-Çeviri-Notlar-Dizinç Hazırlayanlar: Ahmet B.Ercilasun, Ziyat Akkoyunlu. TDK yayınları: 1220. – Ankara, 2014. 995 p.

37. *Маргулан А.Х., Е.А. Агеева.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. (с 1926 по 1946 гг.). // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. Выпуск 1. – Алматы: Наука. – 1948. №2. 125-135.

38. *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы, 2002. С. 450-453, 455-466, таблица V.

39. *Рогожиснский А.Е.* Удостоверяющие знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. 22-26 августа 2011 г., – Кемерово. Том 2. 2011. С.217-225.

40. *Самашев С.К.* Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана // Поволжская археология. №4 (34) 2020. 66-80 с.

41. Бабалар сөзі. Жүз томдық: 32-том. – Астана: Фолиант, 2011. 335 б.; 83-том. 2011. 400 б.

САЙИД-АХМАД II В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ XV ВЕКА: ГЕНЕАЛОГИЯ, ВЛАСТЬ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (1430–1455 гг.)

КУШКУМБАЕВ АЙБОЛАТ КАЙРСЛЯМОВИЧ,
*профессор кафедры «Регионоведение» Евразийского
национального университета им. Л. Н. Гумилева,
доктор исторических наук
(Астана, Казахстан)*

История распада золотоордынского политического пространства в XV в. традиционно описывается через деятельность крупнейших центров силы – «Большой Орды», формирующегося Казанского ханства и Крыма. Однако в 1430–1450-х гг. в западной части Джучиева улуса действовал самостоятельный золотоордынский центр, ассоциируемый в источниках с именем Сайид-Ахмад-хана (Сайид-Ахмад II). Его политическая карьера тесно связана с событиями в Великом княжестве Литовском, с изменением баланса сил в отношениях Польши и Литвы, а также с нарастанием конфронтации с Московским великим княжеством. При этом происхождение Сайид-Ахмада, а также интерпретация его статуса и территориальной базы («Седиахматова Орда») остаются дискуссионными.

Цель статьи – реконструировать место Сайид-Ахмад-хана в восточноевропейской политике XV в. и оценить, каким образом его действия вписывались в дипломатические и военные практики региона. Для решения задачи привлекаются восточные генеалогические и нарративные тексты, русские летописные своды и актовые материалы, польско-литовская хроникальная традиция, а также нумизматические свидетельства.

Источниковая база исследования носит сложный характер. Так, среди восточных источников ключевое значение имеют генеалогические сведения («Му‘изз ал-Ансаб») и позднесредневековые хроники, фиксирующие сведения о династической принадлежности Сайид-Ахмада и обстоятельствах его возвышения. Важную

роль играет сообщение А. П. Григорьева, уточняющее чтение соответствующего раздела «Му'изз ал-Ансаб» и связывающее Сайид-Ахмада с линией Карим-Берди. Нарратив Утемиш-хаджи («Кара та-варих») ценен как отражение степной политической памяти о смене власти в 1433 г. и роли конгратского бека Хайдара. Сопоставление с «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми позволяет выявить расхождения в генеалогических схемах и оценить их происхождение.

Европейскую и восточнославянскую источниковую базу дают русские летописи (ПСРЛ), договорные грамоты, а также хроника М. Стрыйковского, содержащая подробный рассказ о «литовском» этапе биографии Хаджи-Гирея и его возведении на ханство при поддержке Казимира IV. Нумизматические данные, фиксирующие титулатуру («Сайид-Ахмат хан. Султан верховный хан»), служат независимой верификацией факта ханского статуса.

Методологически работа опирается на принципы сравнительного источниковедения: сопоставление параллельных свидетельств разных традиций, контекстуализация терминологии и титулатуры, реконструкция политической географии по косвенным данным (ареал набегов, зоны уплаты выхода и т. п.).

Вопросы позднеордынской политической истории и международных отношений Восточной Европы XV в. рассматривались в классических работах Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, а также в более поздних исследованиях В. В. Трепавлова, И. В. Зайцева, Б. Н. Флори и др. В историографию Крыма значительный вклад внесли В. П. Гулевич и А. Л. Пономарев, литовско-ордынских контактов – С. В. Полехов, Я. В. Пилипчук, С. В. Думин. Специальный аспект – идентификация Сайид-Ахмада и его возможной связи с фигурой Бек-Суфи – обсуждался в работах Ж. М. Сабитова и в нумизматических реконструкциях (в т. ч. Ю. В. Зайончковского, К. К. Хромова).

Несмотря на перечисленные исследования, Сайид-Ахмад часто остается «второстепенным» персонажем, а его орда – промежуточным политическим образованием между «Большой Ордой» и Крымом. Между тем именно его активность позволяет проследить механизмы взаимодействия степных элит с государствами Восточной Европы и понять, как внешняя политика Польши, Литвы и Москвы влияла на конфигурацию постордынского пространства.

1. Проблема происхождения Сайид-Ахмад-хана

Сайид-Ахмад II известен в источниках под разными формами имени (Саид Ахмет, Сеид-Ахмет, Sid-Achmet) и латинизированным описанием «Sedachmatum caesaris Tartarorum filium», где встречается и формула «Sydachmatch Bexubowitz». Уже эта полиморфность традиции фиксирует сложность атрибуции фигуры и ее окружения [Му‘изз ал-Ансāб, 2006, с. 45; Григорьев, 2004, с. 106, 118; Утемиш-хаджи, 2017, с. 80; Абдулгаффар Кырыми, 2018, кн. 2, с. 72–73, 84, 86].

В «Му‘изз ал-Ансāб» среди детей Токтамыш-хана отмечен «Сайид Ахмад хан», что породило устойчивую гипотезу о происхождении Сайид-Ахмада от Токтамыша – напрямую или через одно поколение (как внука, сына Джалал ад-Дина, Джаббар-Берди либо Кебека). Однако внутри ряда джучидских генеалогий такая фигура не подтверждается. Важное уточнение принадлежит А. П. Григорьеву. По его чтению раздела «Му‘изз ал-Ансāб» у Карим-Берди имелся сын «Сейдахмед», названный «последним ханом из рода Токтамыша». Эта версия получает поддержку в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», где назван единственный сын Карим-Берди Сайид-Ахмад.

С другой стороны, Утемиш-хаджи в «Кара таварих» выводит Сайид-Ахмада от Джаббар-Берди. Наконец, Абдулгаффар Кырыми в «Умдет ал-ахбар» сообщает о сыне Джалал ад-Дина по имени «Сейид Ахмед», который в одной версии погибает рано, а в другой – становится ханом. Совпадение имен и вариативность сюжетов здесь не позволяют безусловно идентифицировать лицо. Однако сам факт «колебания» между ранней смертью и ханским статусом отражает конкуренцию традиций и, вероятно, наличие нескольких носителей имени.

Альтернативная линия атрибуции связана с гипотезой о происхождении Сайид-Ахмада от Бек-Суфи («Сеид-Ахмед Бексубович»). В этой логике «Betsub-ulana» (Бетсабул-улан) читается как указание на чингизидское происхождение (улан/оглан), а генеалогически Бек-Суфи выводится от Бек-Тута – потомка Тука-Тимура по линии Байана. При этом справедливо оговаривается, что прямое отождествление Бек-Суфи и «Бетсабула» проблематично. Дополнительно высказывается предположение о возможном искажении имени «Кебек-огул» в записи («Бетс (Бек)-абул»).

В совокупности источники позволяют говорить о высокой вероятности принадлежности Сайид-Ахмада к токтамышевской ветви Джучидов (через Карим-Берди или через Джаббар-Берди), тогда как «Бетсабул-уланская» трактовка отражает либо альтернативную генеалогическую традицию, либо позднейшую попытку объяснить латинизированное имя окружения хана. На данном этапе корректнее фиксировать обе гипотезы, оставляя вопрос открытым до привлечения дополнительных актов и нумизматических сведений.

2. Воцарение и литовский контекст: 1432–1436 гг.

Первые надежные упоминания Сайид-Ахмада в европейских хрониках относятся к 1432 г., когда он появляется на фоне гражданской войны в Великом княжестве Литовском между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстуовичем. После дворцового переворота Свидригайло, нуждавшийся в военной поддержке, оказался в положении изгнанника и привлек к себе группу степных союзников, среди которых находился Сайид-Ахмад. Разрыв Свидригайло с прежним союзником – ханом «Большой Орды» Улуг-Мухаммадом – стал фактором, открывшим Сайид-Ахмаду окно возможностей для борьбы за ханский престол.

Восшествие Сайид-Ахмада на власть в 1433 г. может быть сопоставлено с сообщением Утемиша-хаджи: конграт «Хайдар пошел и поднял ханом Сейид Ахмада... а Мухаммад хана прогнал», после чего Улуг-Мухаммад «хитростью взял... Казань и стал там ханом». Независимо от точности отдельных деталей, данное известие фиксирует роль степной знати (прежде всего конгратов) как «производителя» легитимности и показывает, что борьба за власть сопровождалась перераспределением улусов [Утемиш-хаджи, 2017, с. 80; Полехов, 2015, с. 259, 332–333].

Хайдар-бек, ставший беклербеком Сайид-Ахмада, предложил новый стратегический вектор – захват богатого крымского улуса. Реализация этого плана имела дальние последствия. Находившийся в Крыму наместник Хаджи-Гирей-оглан был вынужден бежать в Литву, где на протяжении ряда лет сохранял связи с литовской элитой. Уже в 1434 г. Сайид-Ахмад оказывает прямую военную по-

мощь Свидригайло, что показывает взаимообусловленность степной и литовской политических динамик.

Междоусобная война Сайид-Ахмада с Улуг-Мухаммадом продолжалась до 1436 г.; дальнейший уход Улуг-Мухаммада на север и его закрепление в Среднем Поволжье (впоследствии – формирование независимого центра в Казани) закрепили Сайид-Ахмада среди главных претендентов на гегемонию в западной части ордынского пространства.

3. «Седиахматова Орда» и борьба за гегемонию в западной части Улуса Джучи.

После вытеснения Улуг-Мухаммада ключевым соперником Сайид-Ахмада стал Кичи-Мухаммад, контролировавший «Большую Орду». В источниках фиксируется своеобразная «двоецентричность»: территория Сайид-Ахмада простиралась от левобережья Днепра до Приазовья и Дона, тогда как восточнее располагался центр Кичи-Мухаммада. Подобная конфигурация не являлась устойчивой политически, но представляла собой баланс сил, основанный на ресурсах кочевой мобилизации и контроле над транзитными маршрутами.

Наглядным проявлением этого баланса стала ситуация с «выходом» русских княжеств. В 1440-х гг. дань направлялась одновременно двум ханам – «Кичь-Махметю и к Сиди-Ахметю». Показательно, что и литовские князья, обладавшие русскими землями, также направляли выход Сайид-Ахмаду. Этот факт отражает прагматическую политику восточноевропейских государств, предпочитавших «диверсификацию» ордынских адресатов вместо прямого выбора единственного сюзерена [ПСРЛ, т. 23, с. 154–155; ПСРЛ, т. 25, с. 270–276; ПСРЛ, т. 27, с. 115–121; Флоря, 2001, с. 176–192].

В военном отношении «Седиахматова Орда» функционировала как мобильная полития, опиравшаяся на поддержку части родоплеменной знати (в тексте особо отмечаются роды ширин и барин) и использовавшая набеги как инструмент внешней политики – от демонстрации силы до принуждения к дипломатическому компромиссу.

4. Польша, Литва и Москва: дипломатия и война 1447–1454 гг.

Переломным моментом в международной обстановке стало воцарение Казимира IV Ягеллончика (1447), приведшее к новой унии

Польши и Литвы. Для степной стороны это означало усиление крупного конкурента в западном направлении. Реакцией Сайид-Ахмада стала политика сдерживания, поддержка литовской оппозиции (в лице Михаила, сына Сигизмунда Кейстуовича) и попытка навязать Казимиру переговоры о возврате «родовых земель» наследнику. Уже в 1448 г. хан выдвигает соответствующие требования, однако переговоры оказываются безрезультатными.

В конце 1440-х – начале 1450-х гг. в источниках фиксируются регулярные нападения ордынских сил на польские и литовские владения. В ответ Казимир IV и московский князь Василий II (Василий Темный) заключили соглашение о совместной обороне «вкраинных мест» от татарских вторжений. Таким образом, степная угроза выступила фактором межгосударственной координации двух восточноевропейских центров силы.

На дипломатическом уровне Казимир IV попытался использовать внутренние противоречия степной знати. Опираясь на поддержку ширинов и баринов, недовольных политикой Сайид-Ахмада, он выдвигает на ханство Хаджи-Гирея – крымского оглана, находившегося в Литве. Хроника Стрыйковского описывает церемонию возведения Хаджи-Гирея в Вильно и его отправку в Перекоп при участии маршалка Радзивилла. Хотя нарратив Стрыйковского требует критической проверки в деталях, он важен как свидетельство прямого вовлечения литовской элиты в создание крымского политического центра [Strykowski, 1846, t. 1, s. 156–157, 175, 212–213, 234–235; Гулевич, 2018, с. 177–187].

Тем не менее, Хаджи-Гирей сумел закрепиться лишь в Крыму, тогда как значительная часть территории западной территории Орды оставалась под контролем Сайид-Ахмада. Это показывает, что «крымский проект» Казимира не мог одномоментно разрушить власть ордынского центра. Скорее он создавал альтернативную легитимность и «точку сборки» крымских элит.

5. Походы на Северо-Восточную Русь и падение Сайид-Ахмада (1451–1455 гг.).

Военная активность Сайид-Ахмада в начале 1450-х гг. приобретает более широкую географию. Помимо набегов на Подолию и пограничные области Польши, источники отмечают переход к на-

падениям на северо-восточные русские земли. В 1451 г. крупный отряд под предводительством сына хана Мазовши и военачальника Едигера стремительно вторгся в русские земли и попытался осадить Москву, однако успеха не достиг. В 1454 г. состоялось новое вторжение под командованием «царевича Солтана». Московские летописи описывают переправу «Седиахметевых» татар через Оку ниже Коломны и последующее сражение, завершившееся поражением золотоордынцев [ПСРЛ, т. 25, с. 270–276; Селиверстов, 2020, с. 187–190, 245–255].

Неудача походов создала благоприятные условия для решительного удара со стороны Крыма. В 1455 г. Хаджи-Гирей напал на ставку-лагерь Сайид-Ахмада и разгромил его. Хан был вынужден искать убежище в Киеве, находившемся под контролем польско-литовских властей, однако уже в октябре 1455 г. был арестован и отправлен в Ковно, где впоследствии умер. Сообщение Абдулгаффар Кырыми о гибели Сайид-Ахмада в стране «кяфиров» согласуется с этим исходом и подчеркивает восприятие события в мусульманской традиции как смерти на чужбине [Абдулгаффар Кырыми, 2018, кн. 2, с. 84–86; Халим Гирай, 2004, с. 16, 18–19; Трепавлов, 2010, с. 45–56].

Таким образом, политическое поражение Сайид-Ахмада оказалось результатом совмещения внутренней слабости (истощение набеговой политики и утрата части поддержки знати) и внешнеполитического давления (крымский фактор при благоприятной позиции Польши и Литвы).

Генеалогическая проблема Сайид-Ахмада остается дискуссионной, однако сопоставление данных «Му'изз ал-Ансаб» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» с позднейшими нарративами делает наиболее вероятной его связь с токтамышевской ветвью Джучидов. В политическом плане поражение Сайид-Ахмада в 1455 г. и его смерть в Ковно символически фиксируют смену центров тяжести: усиление Крымского ханства и постепенную маргинализацию ордынского центра на Днепровско-Донском направлении.

Сайид-Ахмад-хан (Сайид-Ахмад II) выступает одним из ключевых акторов восточноевропейской политики середины XV в., чья деятельность выявляет реальные механизмы взаимодействия степных и оседлых государств. Источники позволяют реконструировать

ровать основные линии его политики, такие как участие в литовской династической войне, борьба за контроль над «западным» сегментом постордынского пространства, давление на Польшо-Литовское государство и Московию, а также попытки удержания Крыма.

В перспективе дальнейшее изучение требует привлечения корпусных публикаций актовых материалов Польши и Литвы, систематизации нумизматических данных и уточнения терминологии европейских хроник, что позволит точнее описать социальную базу «Седиахматовой Орды» и ее место в международной системе Восточной Европы XV века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар: Книга 2: Перевод. Казань, 2018.
2. Му‘изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Пер. с перс., коммент. Ш. Х. Вохидов; указатель У. А. Утепбергенова; общ. ред. А. К. Муминов // История Казахстана в персидских источниках. Т. III. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
3. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 23: Ермолинская летопись. Санкт-Петербург, 1910. V, 239 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. 463 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1962. 417 с.
6. *Утемиш-хаджи*. Кара таварих / Транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 272 с.
7. *Халим Гирай султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / Пер. А. Ильми. Симферополь, 2004.
8. *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkich Rusi Ma ciej Strykowskiego. Warszawa, 1846. Т. 1.
9. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

10. *Ваиари И.* Крымское ханство и Великая Орда (1440–1500 годы). Борьба за первенство // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. 2013. С. 12–13.

11. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. I.

12. *Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов: Нумизматический сборник. Вып. IV. Т. 3. – М.: Информэлектро, 2002. С. 9–55.

13. *Горский А. А.* Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 99.

14. *Горский А.* Москва и Орда. М., 2016.

15. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950.

16. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.

17. *Григорьев А. П.* «Муизз ал Ансаб» о потомках Токтамыша // Востокведение: Филологические исследования. Вып. 25. СПб., 2004. С. 106–118.

18. *Гулевич В. П.* Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 121–126.

19. *Гулевич В. П.* Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 181.

20. *Гулевич В. П.* От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1359–1502 гг. Казань, 2018.

21. *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 107–108.

22. *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 386.

23. *Зайончковский Ю. В.* Политическая карьера конгратского бека Хайдара по нумизматическим данным (середина 1420 – начало 1440-х гг.) // Тюркологические исследования. 2019. № 2(1). С. 65–71.

24. *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004.

25. Золотая Орда в мировой истории: коллективная монография / Отв. ред. И. М. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

26. *Марков А. Н.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.

27. *Миргалеев И. М., Пашаоглу Д. Д.* Обзор сочинения Абдулгаффара Кырьми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 45.

28. *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 381.

29. *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

30. *Пономарев А. Л.* Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 169–171, 182.

31. *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012.

32. *Пилипчук Я. В.* Отношения Великого княжества Литовского с татарскими ханствами (кон. XIV в. – сер. XV в.) // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 42–49.

33. *Сабитов Ж. М.* К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 43–46.

34. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

35. *Селиверстов Д. А.* Военное дело Московского великого княжества: очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020.

36. *Трепавлов В. В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

37. *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015.

38. *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 176–192.

39. *Хромов К. К.* Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в нижнеднепровском регионе // ВНУ. Сб. публ. Ч. 1: Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев, 2004. С. 41–44.

40. *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань, 2016.

41. *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. 1377–1499. Warszawa, 1930. Т. I.

42. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century). Leiden – Boston, 2011.

**«СУННИТСКИЙ ПОЯС»
ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ,
XVI-ый ВЕК: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

***ДОДХУДОЕВА ЛОЛА НАЗАРОВНА,**
доктор исторических наук, профессор,
независимый эксперт.
(Душанбе, Таджикистан)*

XVI век стал для всей Евразии эпохой политической турбулентности, временем сложения новых государственных образований, в формировании которых утверждение религиозной/конфессиональной идентичности становилось первоочередной задачей. В христианской/европейской ее части идеологию новых государств выражали появлявшиеся в это время новые церкви, жестко выступавшие против доминирования католицизма. В мусульманской части континента, не знавшей концепции «церковь», ключевым элементом социально-политического развития во все времена была община (фирка), ведомая «людьми веры» (ахл ад-дин).

Но было нечто общее в этом процессе грандиозной трансформации в двух столь разных частях континента. Каждый его участник отчаянно стремился найти свою собственную суверенную модель государства, опираясь на различные интерпретации сюжетов одних и тех же классических сакральных нарративов (Библия, Коран), одних и тех же персон сакральной антропологии (Иисус, Мухаммад, Авраам/Ибрахим и др.) в рамках собственной религиозной традиции. Сформированные на этой основе интерпретации в представлении каждой из новых религиозных групп или проходивших через трансформацию старых конфессий казались каждому актору наиболее правильным вариантом «единственно верной версии истинных религиозных догмы и практики». На этой основе и выстраивались модели государств.

Провозглашение шиизма государственной идеологией новой политики, Сафавидского государства (1502–1736), привело к расколу мусульманской части Евразии. В ответ на это сложился так

называемый «суннитский пояс» как союз политических, стремившихся отстоять превосходство суннитских ортодоксии и ортопраксии над шиитскими и на поле брани, и в идеологической сфере. В него вошли Османская и Могольская империи; появившееся на территории Мавераннахра ханство Шибанидов ветви Абу-л хайридов стало его третьим участником.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи детально рассмотреть перипетии дипломатико-интеллектуального развития на пространстве мусульманской Евразии в XVI в., попытаемся осветить лишь его референтные точки.

Представители династии Шибанидов – Абу-л хайридов, возводя свое происхождение к Шибану/Сибану, прямому потомку Чингиз-хана, считали закрепление своей власти в регионе, лишь на время отнятой нечингизидами – Тимуридами, актом свершившейся справедливости – восстановлением правления «золотого рода» Чингизидов. Мухаммад Шибани-хан (пр. 1500–1510)¹, основатель династии, утверждал: «По своему предназначению я – слуга Бога, по своему рождению я происхожу из рода Чингиза» [2, с. 58, сн. 8]. Брачные союзы Шибани-хана и его родных с представительницами рода Чагатая, которому отец передал в правление улус, охватывавший Мавераннахр с югом Хорезма, большую часть Семиречья и Восточный Туркестан почти до Турфана (включая Кашгарию), позволили Шибанидам, гордившимся своим происхождением от Шибана – внука Чингиз-хана от его сына Джучи, основателя Золотой Орды, объединить в своем генеалогическом древе две чингизидские ветви прямых потомков завоевателя мира – Шибана и Чагатая [3, с. 89–91]. Большую роль в этом играло не только кровное родство, но и факт завещания этих земель самим Чингиз-ханом вплоть «до потомков потомков» [4, с. 278].

С момента утверждения власти Шибанидов – Абу-л хайридов и до их падения главной задачей династии как единственной возможности достижения централизации управления оставалось преодоление раздробленности социального поля, вызванной неподконтрольностью действий племен и сепаратизмом удельных правителей. Со-

---

¹ Прямые наследники самого основателя государства Шибанидов в Мавераннахре Абу-л-Фатха Мухаммада Шибани-хана никогда и нигде не правили [1, с. 10].

гласно данным письменных источников, самым удачливым в реализации этой цели оказался Абд Аллах-хан II (пр. 1584–1598) из клана Искандаридов¹. Признавая способности хана как умелого политика и воина, все же не нужно забывать, что его клан пришел к власти в ханстве после периода так называемой «гражданской войны» (1550–1582 гг.), в результате жесточайшего передела собственности и тотального уничтожения непокорных племен в Мавераннахре и Балхе [6, с. 48 и далее]. Социально-политическая обстановка в ханстве после этого безусловно изменилась, существенно отличаясь от той, которую пытался преодолеть Мухаммад Шибани-хан более полувека назад сразу после вторжения в регион [7].

И даже несмотря на эти меры по преодолению центробежных тенденций, «созданию бюрократизированной империи ирано-исламского типа», согласно Р. Д. МакЧесни, «препятствовало следование социо-экономическим нормам Чингизидов», и одним из наиболее значимых признаков такого положения было отсутствие «административного аппарата имперской фискальной системы» [6, с. 48–49, 78]. Постоянное увеличение претендентов на обладание имевшимися ресурсами, на власть в кланах, племенах и во всем ханстве приводило к жесткой конкуренции, поддерживая практически непрерывную межклановую и внутриклановую борьбу. Военные кампании Абу-л хайридов на внешнем контуре ханства, дававшие возможность изменить вектор интересов активных игроков и проводить дистрибуцию военных трофеев, до некоторой степени сдерживали этот процесс, но все же не могли полностью подавить сопротивление власти верховного хана со стороны племен, отдель-

---

¹ В этом случае следует все же помнить о склонности авторов этих сочинений к преувеличению. Так, отдельные ученые пришли к выводу о том, что мастерски задуманные и исполненные исторические труды эпохи Тимуридов не могут считаться объективными, поскольку, отвечая целям пропаганды и являясь своеобразным пиар-продуктом, коммуникационной стратегией «управления репутацией», они создали эталонный имидж династии в заданном самими династами ключе [5]. В полной мере это утверждение можно отнести и к источникам эпохи Шибанидов. Эта специфика средневековых исторических источников создает определенную сложность в работе с их данными.

ных амиров и султанов. Фактически именно этот феномен привел к пресечению династии и утверждению власти Аштарханидов/Джанидов/Тукай-Тимуридов (1599–1753). Эта ветвь Чингизидов представляла потомков брата Шибана – Тукай-Тимура и была связана с Шибанидами по женской линии [8].

Начало сложения Османской империи относят к рубежу XIII–XIV вв., когда в Малой Азии на месте распавшегося под ударами монголов государства турок-сельджуков правитель небольшого владения, Осман (1281–1324), задался целью расширить свою территорию. Его прямые потомки, сын Орхан-бей (1324–1350), внук Мурад I (1360–1389) и правнук Баязид I (1389–1402) смогли осуществить этот план, в основном за счет экспансии на Балканы. Захват Константинополя, столицы Византийской империи, в 1453 г. Мехмедом II (пр. 1451–1481) навсегда закрепил в самосознании турков восприятие своего государства как империи и позволил укорениться в Европе.

«Золотым веком» в истории Османской империи считается XVI столетие, а 1518 год – важнейшим в идеологическом отношении. В тот год при завоевании Каира Селимом I (пр. 1512–1520) последний аббасидский халиф ал-Мутаваккил III² передал победителю титул и статус халифа вместе с его внешними атрибутами – мечом и мантией пророка Мухаммада, а также ключи от священных городов Мекки и Медины вместе с почетным титулом «Покровителя двух святынь», что закрепляло его власть над Хиджазом (Западной Аравией). Так, вплоть до реформ Ата Тюрка в начале XX в. османские султаны позиционировали себя как халифы, а свое государство – как халифат³.

Считается, что завоевания Селима I увеличили размеры Османской империи на 70%, на момент его смерти ее площадь составляла 1,494 млн. км². Его сын, султан Сулайман I Кануни, осуществил

---

² Мухаммад ал-Мутаваккил Алаллах III формально оставался халифом до своей смерти в Константинополе в 1543 г.

³ Даже отряд мамлюков, покоривший Йемен незадолго до этого, подчинился турецкому султану – халифу, а на подконтрольных османам территориях Индийского океана с того момента в пятничной хутбе упоминались имена османских халифов как духовных лидеров всемирной суннитской общины [9].

тринадцать военных кампаний, в результате которых к концу столетия османские владения были значительно увеличены. В письме к французскому королю Франциску I (февраль 1526 г.) он так позиционирует себя: «Я, султан султанов¹, повелитель повелителей, дарующий власть им во всем мире, тень Аллаха на земле, султан и падишах Белого² моря, Черного моря, Румелии и Анатолии... Дамаска, Алеппо, Каира, Мекки, Медины, Иерусалима, всей Аравии, Йемена и многих других стран...» [10, с. 86]. Развитие империи в это время достигло своего пика.

Экспансионистская политика, проводимая Османами в течение столетия, значительно изменила этнорелигиозный состав империи. Считается, что к концу жизни Сулеймана I население империи достигло 15 млн. человек [11, с. 206]. Управление столь значительным и пестрым по этнорелигиозному составу населением требовало усиления мер по упорядочению всех сфер государства (правовой, военной, финансовой, административной и т. д.), начатому еще его отцом. Сулейману I удалось достичь максимально высокой степени централизации системы управления с бюрократическим аппаратом, основанным на иерархии, формальных правилах и хорошей профессиональной подготовке чиновников.

После падения Византии и превращения Константинополя в столицу Османской империи в государстве сложился социально-политический институт миллетов. Миллеты объединяли людей по религиозной принадлежности. Действовали мусульманский, Рум-миллет (букв. «римский»), включавший православных (Константинопольский, Сирийский и Александрийский патриархаты), армянский, католический и иудейский миллеты. Они пользовались определенной автономией в реализации своих религиозно-политических и социальных запросов, однако представители миллетов немусульманской идентичности были ограничены в правах. Каждый миллет подчинялся своему пастырю, но верховенство султана-халифа на территории империи являлось непреложным правилом. Известно, что до завоевания Египта в Османской Турции количественно преобладали христиане [12, с. 355]. Одной из мер по ликвидации этой диспро-

¹ Сулейман I принял титул халиф в 1538 г.

² Средиземного моря.

порции являлась проводимая государством политика мобилизации мальчиков-христиан, особенно захваченных в плен во время завоеваний, в военные формирования, в том числе элитные войска (янычары) с обязательным обращением в ислам. Но и для других групп социально активных немусульман переход в ислам становился реальным социальным лифтом, уравнивая в правах с мусульманами.

Не менее пестрым оставался состав и государства Великих Моголов-Бабуридов, образованного в 1526 г. потомком Тимура Бабуром (пр. 1526–1530), проигравшим длительную борьбу за Мавераннахр, но сумевшим переломить сопротивление делийских правителей. Одержимый идеей воссоздать тимуридскую империю со столицей в Самарканде в борьбе в Шибанидами он вынужденно опирался на помощь Исмаила Сафави, и даже, по-видимому, принял шиизм. Однако эти маневры не принесли ему желанной победы, он вынужден был бежать в Кабул, а затем и в Индию. Тем не менее этот эпизод его жизни сказывался и позже, при выстраивании его потомками отношений с Сафавидами.

К 1529 г. владения Бабура включали Восточный Афганистан, Пенджаб и долину Ганга, до границ Бенгалии. Бабур считал, что только генеалогическое обоснование может быть основой притязаний на власть; возводивший свою родословную по отцовской линии к тимуридам, а по материнской – к чингизидам, он, по существу, не признавал Османов халифами. С родом Шибанидов, также восходивших к Чингиз-хану, его род связывали теснейшие матримониальные отношения представителей разных поколений [13, с. 24, 139 и др.]. В 1520-х гг. двум правителям – чингизидам удалось нормализовать свои отношения; в 1528 г. Бабур принял послов от Шибанидов с поздравлениями по случаю его победы и образования государства.

В великую империю государство, основанное Бабуром, превратилось в период правления его внука, Акбара I (пр. 1556–1605). Ему удалось пресечь сепаратистские тенденции и объединить государство, которое к моменту его смерти в 1605 г. охватывало большую часть Северной и Центральной Индии. Акбар провел широчайшую программу реформ, целью которой было создание централизованного государства.

Поскольку большую часть его населения составляли индуисты, особое внимание в его программе было отведено вопросу реализа-

ции их прав; в этом император видел гарантию стабильности в обществе¹. В результате осуществления реформ права индуистов были приравнены к правам мусульман², при этом прежде всего учитывались запросы наиболее авторитетных и богатых из них, многие из индуистских раджей получили высокие посты и в администрации, и в армии. Проведенные Акбаром реформы хорошо документированы. В сочинении придворного историка и биографа Акбара Абу-л Фазла б. Мубаррака Аллами (1551–1602) «Акбар нама» в разделе «Айн-и Акбари» («Акбарова администрация») в отдельных томах зафиксированы принципы и меры модернизации армии, налоговой системы, а также факты введения единой системы мер и весов, единого солнечного календаря и пр. В этом сочинении впервые закреплен топоним «Индостан» [16].

Акбар прошел глубокую внутреннюю трансформацию в своем развитии от истового суннита-ханафита³, не останавливавшегося перед эксгумацией тел шиитских духовных лиц, похороненных слишком близко от могил влиятельных лидеров суннитской общины⁴, и актов жесточайших притеснений представителей индуизма, до провозглашения в 1582 г. программы социально-политического

---

¹ В социальной сфере его реформы привели к кардинальному изменению и в отношении к межрелигиозным бракам. До Акбара браки между мусульманами и индуистами были практически невозможны, индуисты считали их унижительными для себя. Акбар же и сам женился на индуистке, и поощрял такие браки [14]. Акбар отменил смертную казнь для индуистов, принявших ислам, а впоследствии отказавшихся от него и вернувшихся в свою веру [15, с. 187].

² Так, в системе налогообложения были отменены налоги на немусульман, в частности подушная подать.

³ Отец Акбара был суннитом, мать – шииткой. В ранние годы его воспитанием занимались два шиитских интеллектуала, свободных от конфессиональных предрассудков. Считается, что именно они заложили в сознание будущего правителя зерна толерантности [17, с. 87].

⁴ В 1567 г. он, по совету известного суннитского шейха Абд ан-Наби, приказал эксгумировать тело Мир Муртаза Шарифи Ширази, захороненного в Дели недалеко от могилы Амира Хусрава, обосновывая эту акцию необходимостью борьбы с ересью [17, с. 86]. Притеснение шиитов продолжалось вплоть до 1570 г.

развития государства, в основу которой было положено разработанное им совместно с Абу-л Фазлом мистическое учение Дин-и иллахи. Оно представляло собой сочетание элементов индуизма, зороастризма, ислама и отчасти христианства и олицетворяло максимально возможную в средневековье форму этнорелигиозной толерантности [14]. Со временем он, как и его дед, стал также весьма скептически относиться к факту провозглашения Османов халифами, объявив себя «падишахом ислама» (конец 1570-х гг.), провозвестником новой исторической эры (с 1584 г.).

Согласно архивным документам, между шибанидскими и османскими правителями шла интенсивная переписка⁵. Самыми ранними свидетельствами обоюдного желания выступить против шиитов «единым фронтом» являются письма султана Селима и Убайдуллах-хана, в которых Селим указывал на добрые связи с Бухарой еще в правление своего отца, Байзида II, и необходимость помощи его армии со стороны бухарских войск в кампаниях против шиитов. Однако в этот момент Бабур, правивший в Афганистане, попытался вновь вторгнуться в Мавераннахр. Взвесив все риски от ухода большей части армии из Бухары, Убайдуллах-хан отказался от совместной военной кампании против Сафавидов. Так первое задокументированное желание шибанидов и османов оказалось невыполненным [18, с. 54]. В 1529 г. Убайдуллах-хану удалось захватить Герат и Мешхед, но для достижения главной цели – захвата Исфохана для открытия безопасной дороги в хаджж – ему требовалась поддержка. Он не получил ее ни от османов, которые в этот момент были заняты осадой Вены, ни от бухарских султанов. В 1530 г. шах Тахмасп отбил оба города. В 1532–1533 гг. Мешхед, Нишапур, Астрабад и Герат были вновь захвачены бухарцами, знавшими, что и османы планируют поход на Хорасан. Однако необходимость подавить мятежи в Мавераннахре в связи со смертью правящего хана и отстоять свое право на трон заставила Убайдуллах-хана вернуться. Воспользовавшись уходом бухарской армии Сафавиды с легкостью, вернули себе Хорасан. В этот момент армия Ибрахима-паши захватила

---

⁵ Взаимодействие османских султанов и шибанидских ханов в XVI в. подробным образом проанализировано в серии глубоких работ А.Д. Васильева на основе уникальных архивных документов [18, с. 19].

Табриз. Такие маневры, по мысли исследователей, свидетельствуют о хорошем знании Османами ситуации и планах и Шибанидов, и Сафавидов [18, с. 59].

Османы, занятые военными действиями в Европе и в Индийском океане, не всегда могли реально участвовать в военных кампаниях. Но они производили огнестрельное оружие, а их солдаты могли прицельно стрелять и обслуживать его. Османы широко использовали это технологическое преимущество, поставляя оружие, подчас вместе с обучающим военным контингентом, во многие страны мира. Так около 1550 г. в Бухару был направлен отряд янычар в 300 человек и группа воинов-пушкарей с пушками, а также мастера по литью пушек. Ко времени их прибытия предыдущий великий хан – Абдуллатиф, запрашивавший такую помощь, умер; разразилась очередная борьба за власть. Часть военного контингента, прибывшая в Бухару со своим вооружением, была вовлечена в междоусобицу, другая – отправилась восвояси. В 1555 г. Турция заключила мир с Ираном в Амасье, в связи с чем необходимость в совместных выступлениях против шиитов отпала [19, с. 39].

Приоритетность идеи совместной борьбы шибанидов и османов вновь обрела после длительного периода междоусобиц в Мавераннахре, в правление Абдуллах-хана. И для Мурада III, и для Абдуллах-хана II помимо вопроса о борьбе с шиизмом встал вопрос и о взятии Астрахани. Для турецкой стороны он рассматривался с позиций борьбы с Ираном, угроза со стороны Московского государства не представляла большой опасности, для бухарского хана важна была возможность предоставления дороги паломникам в хадж. К тому же, еще с 1570-х гг. Абдуллах-хан, имея тесные отношения с ханом Кучумом, распространявшим ислам в Сибири, очень зорко следил за продвижением России вглубь этого богатейшего региона и не желал его усиления [19, с. 40–42].

Практически в это же время Абдуллах-хан обменялся посольствами с Акбаром I. В своих посланиях Великий Могол отметил тщетность кампаний против шиитов, поскольку хотя шахи и несколько отступили от норм сунны и джамаа, но факт их происхождения от самого пророка достоин уважения. Он пояснил, что намеревается оказывать поддержку Ирану в борьбе с османами. Акбар

призвал Абдаллаха к образованию альтернативного союза и активному участию в нем.

Такое отношение к османам со стороны моголов было связано с явным соперничеством двух великих держав и явным недовольством моголов усилением влияния османов в регионе. Усиливало раздражение отсутствие выхода к морю, что облегчило бы транспортировку оружия в Индию. Она проходила через Бадахшан, где местные контрабандисты грабили повозки с драгоценным товаром; к тому же известно, что в целом ряде случаев моголы получали от турок оружие в некондиционном виде. Все это создавало у моголов ощущение «младшего» партнера.

В 1572 г. моголы аннексировали Гуджарат, впервые получив выход к морю. Акбару удалось установить деловые отношения с португальцами, которые с 1556 г. выстроили по западному побережью субконтинента форты и крепости и стали контролировать торговлю и навигацию в регионе. В подписанных документах оговаривались обязанности моголов не допускать условий, препятствующих деятельности португальцев, а португальцы обязывались предоставлять возможность транспортировки паломников в хаджж. Акбар попытался приобрести у португальцев компактные артиллерийские орудия, которые могли бы помочь в создании могольского флота вдоль побережья Гуджарата, но не достиг желаемого.

С 1577 по 1580 г. могольский правитель отправил в Мекку с паломниками большое количество достойных подарков. В этот период Акбар финансировал проезд в хаджж бедняков и вкладывал средства в создание дервишской обители суфийского ордена Кадирия в Хиджазе. Великий Могол попытался открыть в Мекке и Медине свое представительство, явно заинтересовав местных шарифов возможностью получения финансовой поддержки. Все это воспринималось османами как попытка уменьшить их влияние в важнейшей части мусульманского мира. В 1582 г. турки заставили моголов отказаться от этой идеи и покинуть священную землю. Отношения моголов с Хиджазом были подорваны, Акбар более не считал необходимым отправлять караваны в хаджж [20, с. 88]. Есть некоторые сведения о том, что Акбар попытался склонить португальцев к союзу против османов, но этот план не был осуществлен [21, с. 20–21].

Абдуллах-хан не поддержал предложения Акбара по созданию практически антиосманского блока. В то же время отметим, что не-

однократно зафиксированное в документах стремление правителей Мавераннахра сформировать антииранский блок с Индией не встретило поддержки у Великих Моголов [22, с. 35].

Бухарский хан не отказался от захвата крупных городов Хорасана, в своих посланиях в Стамбул он призывает султана продумать совместный план выступлений, мотивируя это религиозными мотивами. В письме 1585 г. хан пишет о том, что был очень занят борьбой со внутренней оппозицией, но теперь готов «стереть с лица земли проклятых еретиков» [19, с. 39]. В 1588 г. он берет Герат после девятимесячной осады и, окрыленный, планирует взять Мешхед. Но уже на пути к нему узнает о планах Акбара нападения на Бухару¹ и поворачивает назад. В 1589 г. Мешхед после осады берут войска его сына Абд ал-Мумина. Последний с гордостью описал свои действия в Мешхеде в послании Мураду III: жесточайшее уничтожение, фактически истребление, жителей, разграбление гробницы Тахмаспа, поругание его праха как мести за убийство своего предка – Мухаммада Шибани-хана и пр. С целью дальнейшего продвижения на землях Сафавидов Абд ал-Мумин просил поддержать организацию следующего похода.

Мурад III ревностно отнесся к успехам бухарцев в Хорасане и решил пойти на переговоры с сафавидами. Со своей стороны, шах Аббас также считал за лучшее сделать все, чтобы приостановить продвижение Шибанидов в Хорасане. В марте 1590 г. в Стамбуле он подписал мирный османо-сафавидский договор, по которому Табриз, Ширван, Грузия, Азербайджан и Луристан стали провинциями Турции. Отдельный пункт договора закрепил обязательство шиитских улама не оскорблять трех праведных халифов и не поносить их. Примечательно то, что Абдуллах-хана даже не предупредили о заключении этого договора. Через семь лет шах Аббас стал собирать войска, чтобы «заполучить голову его врага – бухарского правителя», полностью отбить Хорасан у Абдуллах-хана, а затем отбросить турок на запад [19, с. 45].

---

¹ Выдающийся казахский ученый Т. Бейсембиев верно отметил, что моголы считали себя преемниками Чагатая, имевшими все права претендовать на территорию бывшего улуса, попавшего в руки потомкам Джучи – Шибанидам и Аштарханидам. И никогда от этих планов не отказывались [22, с. 35].

В это время самым ярким врагом Абдуллах-хана выступил его сын, Абд ал-Мумин, который не хотел мириться с присвоенным ему отцом статусом «младшего хана». В разгар борьбы в 1598 г. Абдаллах-хан неожиданно умер. В 1599 г. был убит и Абд ал-Мумин, который при переходе власти жесточайшим образом обошелся с соратниками отца.

Шах Аббас вернул себе все земли. Посланник, привезший султану Мехмеду III весть об этом для наглядности, преподнес двадцать четыре ключа от разных городов Хорасана, отбитых шахом. Мехмед III поздравил шаха с победой.

Династия Аштарханидов/Токай-Тимуридов не имела такого военно-экономического потенциала, каким обладал Абдуллах-хан, да и тех амбициозных планов. Идея военно-политического союза шибанидов с османами потеряла свою актуальность, но не только для них.

Период войн турбулентного XVI века на просторах мусульманской части Евразии подошел к концу вместе со столетием. Острые территориальные споры на этом этапе были решены, границы появившихся государств в целом определены, поутихли и религиозные лозунги.

Известно, что если войны между османами и сафавидами 1514, 1533–1534, 1548–1549 и 1553–1554 годов имели религиозную окраску, то впоследствии военные кампании, по сути, решали проблемы политического и территориального характера. Первый цикл войн между Турцией и Ираном продолжался с 1578 по 1590 гг., второй начался с 1604 г. и завершился в 1639 г. Зухабским (или Касри-Ширинским) мирным договором [23]. По подсчетам О. Ф. Акимушкина, Шибанидами было проведено в Хорасане не менее двадцати одной военной операции разного характера [24, с. 380, прим. 4], осуществленных под лозунгом борьбы с шиизмом.

Как видим, военно-дипломатические отношения между этими тремя политиями, часто объединяемыми учеными в «суннитский пояс», в течение XVI в. носили весьма переменчивый характер, отчего организация выступления «единым фронтом» против шиитского Ирана была делом непростым. Сегодняшние исследования показывают, что отправной точкой событий, развернувшихся в этот период, явилась настоятельная необходимость выстраивания от-

дельных политий на фоне острейших территориальных претензий и вызовов, порожденных сложнейшими процессами взаимодействия религиозных и этнических групп, миграции огромных масс кочевых племен, адаптации к менявшейся в результате войн их (политий) демографической стратиграфии и пр. Все эти процессы в совокупности приводили к грандиозному перераспределению человеческого, материального и культурного капитала Евразии.

Свое влияние на эти процессы оказывали и геополитические амбиции и интересы правителей, которые могли и сами смениться, и поменять свои взгляды на прежние цели и потребности, наличие или отсутствие у игроков ценных ресурсов (природных или технологических) как конкурентного преимущества, и, наконец, изменения в отношении достигнутых договоренностей могли произойти под влиянием перемен во внутренней социополитической повестке государств. Последнее, учитывая своеобразие религиозно-этнической и социальной стратиграфии каждого из государственных образований, спорные пограничные вопросы и прочее, подчас становилось особенно значимым фактором, который мог привести к отказу от дипломатии и переходу к конфронтации.

Чрезвычайно важны были и особенности восприятия и позиционирования династами обоснования легитимности своей власти, поддержание «бренда» собственной легитимности, который определял идеологические программы династии-строителя государства. Они настоятельно требовали идеологического обоснования, которое в те времена могло быть выражено только посредством религиозного нарратива.

Культура конфликта, сформировавшаяся в тот период, породила огромный объем литературы. Практически во всех рукописных собраниях количество списков, созданных в XVI в., огромно и уступает лишь численности манускриптов, созданных в XIX столетии¹. Немало сохранилось и документальных источников этого времени – дипломатических писем, фетв, документов о праве и условиях владения и продажи движимым или недвижимым имуществом, различных васика и вакф-нама и пр.

---

¹ Приходится только горько сожалеть, что количество ученых, занимающихся их изучением, обратно пропорционально этому обилию.

В одно из самых ярких направлений выделилась литература протеста, вобравшая в себя нарративы, контрнарративы и контр-контрнарративы текстов соперничавших конфессий. Назовем пример трех трактатов такой полемической «цепочки». Один был написан суннитом-шафиитом, советником Мухаммада Шибани, известным как Фазлаллах ибн Рузбихан ал-Хунджи ал-Исфахани (1455–1521). «Китаб ибтал нахдж ал-батил ва ихмал кашф ал-атил» («Отказ от неверного пути пренебрежение бесполезным открытием») содержал критику сочинения шиитского теолога Хасана б. ал-Мухайяд б. Йусуф б. ал-Мутаххира ал-Хилли (1250–1325) «Нахдж ал-хак ва кашф ас-сидк» («Дорога правды и открытие истины»). В 1605 г. Нураллах ал-Хусайни аш-Шуштари в ответ на трактат Ибн Рузбихана написал свой контрнарратив «Ихкак ал-хакк ва изхак ал-батил» («Проверка истины и опровержение лжи»), в котором защищал ал-Хилли от полемических нападок суннита².

Авторы таких протестных произведений, как правило, решали триединую задачу кодификации = стандартизации = канонизации правовых и моральных норм, разработанных в их конфессии. Такие подходы были призваны, с одной стороны, показать соперничавшей конфессии всю мощь ортодоксии и ортопраксии «корректной» веры, с другой – не допустить внутреннего диссидентства, которое могло означать отход от тех границ «истинной веры», которые представлялись незыблемыми в понимании авторитетов конкретной конфессии [25, с. 187; выделено мною – Л. Д.]. Была еще одна причина развития этого феномена текстовой культуры в XVI в. Труды, представлявшие такое кодифицированное, стандартизированное знание основ правильной веры, помогали преодолеть существенный недостаток знаний о собственной вере в рядах новообращенных. Это особенно сказывалось в рядах племен, воспринявших свою исламскую идентичность как племенную, не успев познать глубин индивидуальной исламизации (Шибаниды). То же можно сказать и о юношах-пленных, вынужденно при-

---

² В 1610 г. был казнен по приказу могольского правителя Джахангира (пр. 1569–1627), отказавшегося от многих положений политики толерантности Акбара и не напрямую поддержавшего суннитов в ответ на их помощь в его восшествии на трон.

нявших ислам формально (Османы). В реалиях же религиозного многоголосия Индии такие работы давали возможность лучше познать особенности именно своей веры.

Если, согласно подсчетам, «из 1,7 миллиарда мусульман, живших в 2017 году, большинство происходили от людей, которые приняли ислам в период с 1300 по 1900 год, в основном в Китае, Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной и Западной Африке» [26], то, на наш взгляд, литература мусульманской части Евразии XVI столетия сыграла роль инструмента, способствовавшего переосмыслению своей исламской идентичности на более глубоком и, даже, предположу, индивидуальном уровне.

Признано, что сложившиеся в период предмодерна тренды и институции социально-политического, экономического, религиозно-правового развития задали вектор движения стран мира надолго вперед, продемонстрировав прямую зависимость программ и форм этого движения от пройденного ими исторического пути [27, с. 14].

Именно поэтому углубленное изучение проблем предмодерна и Европы, и Дар ул-ислама стало магистральным направлением сегодняшних историко-политологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Кляшторный С. Г., Султанов И. Т.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
2. *Kilic N.* Change in Political Culture: The Rise of Sheybani Khan // Cahiers d'Asie centrale. L'Heritage timouride Iran-Asie centrale – Inde. XVe–XVIIIe siecles. 1997. № 3/4. С. 57–68.
3. *Subtelny M. E.* Review: Babadjanov B., Muminov A. and Paul J., Schaibanidische Grabinschriften [Maria Eva Subtelny] Babadjanov Baxtiyor, Muminov Ashirbek and Paul Jürgen, Schaibanidische Grabinschriften, 2000.
4. *Дробышев Ю. И.* У истоков имперской идеологии средневековых монголов / Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 3. М., 2012. С. 274–314.
5. *Rogers J. M.* Centralisation and Timurid creativity // Oriente moderno. Nuova serie, Anno 15 (76), Nr. 2. La Civiltà Timuride come fenomeno internazionale. N 2 (Letteratura – Arte). P. 533–550.
6. *McChesney R. D.* Central Asia. Central Asia. In the 16th – 18th Centuries // Encyclopedia Iranica. Vol. V (2). P. 176–193. 1990. Updated 2018. <https://www.iranicaonline.org/articles/central-asia-vi/>

7. *Dodkhudoeva L., Francis Richard.* The Neochinghisids on the Throne of Transoxiana: Piety and Pragmatism // *Le Siècle des Shibanides en Asie Centrale. Pouvoir, Legitimite et Arts du Livre sous les Khans Shibanides (906–1007/1500–1599).* Storia, lingue e culture dei paesi asiatici e africani: ricerca scientifica, promozione e divulgazione. Istituto per l’Oriente C. A. Nallino, 2023. P. 55–120.

8. *Welsford Th.* Four Types of Loyalty in Early Modern Central Asia. The Tūqāy-Tīmūrīd Takeover of Greater Mā Warā al-Nahr, 1598–1605. Series: Brill’s Inner Asian Library. Vol. 27. Leiden: Brill, 2012.

9. *Peacock A. C. S.* The Ottoman Empire and the Indian Ocean. Oxford Research Encyclopedias. Asian History. Published online 28 March 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.31>

10. *Фадеева И. Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. М., 2001.

11. *Kinross P. B.* The Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire. New York: William Morrow, 1979.

12. *Melvin-Koushki M.* Early Modern Islamicate Empire: New Forms of Religiopolitical Legitimacy // *The Wiley-Blackwell History of Islam*, Malden, Mass. Wiley-Blackwell, 2018. С. 353–376.

13. *Захириддин Бабур.* Бабур-наме / Пер. М. Салье. Баку: Нагыл Еви, 2011.

14. *Chandra S.* History of Medieval India. New Delhi: Orient Longman, 2007.

15. *Chua A.* Day of Empire: How Hyperpowers Rise to Global Dominance – and Why They Fall. New York: Doubleday, 2007.

16. *Allami, Abu l-Fazl.* The Ain-i Akbari. Calcutta, 1993.

17. *Habib I.* Akbar and His India. New Delhi: Oxford University Press, 1997.

18. *Васильев А. Д.* Знамя и меч от Падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Институт востоковедения РАН, Пробел-2000, 2014.

19. *Васильев А. Д.* Взаимодействие Шейбанидов и Османских султанов в середине второй половине XVI в. (В контексте борьбы с сефевидским Ираном) // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» 6–8 июня 2019 года, г. Севастополь. Материалы конференции. Том 2. М.: Пробел-2000. 2019. С. 25–52.

20. *Farooqi S.* The Ottoman Empire and the World Around It. I. B. Tauris, 2006.

21. *Farooqi N. R.* Mughal-Ottoman relations: a study of political & diplomatic relations between Mughal India and the Ottoman Empire, 1556–1748. Vol. I. Madison, 1989.

22. *Beisembiev T. K.* Chingiz Khan’s Law in Eurasia and its Impact on Shamanism in the Commonwealth of Poland and Lithuania // *Central Asia Quarterly*, 1995. С. 31–35.

23. *Ates S. and Genç V.* Ottoman-Safavid Relations: A Religious or Political Rivalry». Oxford Research Encyclopaedia. Asian History. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727>. 013.769. Published online: 20 November 2024.

24. *Акимушкин О. Ф.* Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в. // Средневековый Иран. Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 368–382.

25. *Krstić T.* You Must Know Your Faith in Detail: Redefinition of the Role of Knowledge and Boundaries of Belief in Ottoman Catechisms (‘İlm-i hāls) // Historicizing Sunni Islam in the Ottoman Empire, c. 1450–c. 1750, Islamic history and civilization. Studies and texts. 177. Boston, Brill, 2020. P. 155–195.

26. *Bulliet R.* Religion and the State in Islam: From Medieval Caliphate to the Muslim Brotherhood // Occasional Paper Series, Center for Middle East Studies, University of Denver, 2, 2013.

27. *Заостровцев А.* Парадигма модернизации: как ее понимать? // Серия препринтов; М-68/18. Центр исследований модернизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

КАЛМЫЦКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

УЖЕНОВ ЕРНАР МУРАТОВИЧ,

ведущий научный сотрудник

*Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
ассоциированный профессор, кандидат исторических наук
(Алматы, Казахстан)*

ТАБЫНБАЕВА ЗАУРЕ СЫЗДЫКОВНА,

ведущий научный сотрудник

*Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
кандидат исторических наук
(Алматы, Казахстан)*

ШОТАНОВА ГАЛИЯ АЙТЖАНОВНА,

ведущий научный сотрудник.

*Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор.
(Алматы, Казахстан)*

Темой данного доклада является анализ малоизученного в отечественной исторической науке периода, начало которого приходится приблизительно на 1600 г. Весь XVII век являлся временем больших перемен в истории Великой степи. Всеобщая децентрализация сопровождалась постепенным угасанием осколков Золотой Орды и приходом новых народов. Быстрая смена недавно могущественных государств и новые угрозы заставили местные народы трансформироваться. Трансформации подверглась не только территория государств, но зачастую и сам образ жизни, военная тактика и стратегия, а также повседневная жизнь, что в итоге приводило к изменениям обычаев и традиций. Под влиянием военной опасности казахи были вынуждены перейти от относительно медленных кибиток, характеризующих предыдущую эпоху, к более мобильным юртам.

Катализатором этой опасности стало продвижение калмыков на запад в поисках новых мест для поселений. Слабость погруженных

в междоусобицы главных кочевых государств региона, Ногайской и Казахской орд, позволила калмыкам добиться немалых успехов. Относительная стойкость государственных институтов Казахской Орды позволила не только отстоять некоторые свои территории, но и впоследствии отвоевать потерянные. Более того, на определенных временных отрезках сами калмыки входили в состав Казахского ханства. Не последнюю роль сыграло в этом чингизидское происхождение казахских ханов, а также относительная многочисленность населения Степи. К примеру, даже после ряда поражений ногаев от калмыков последние с трудом добились вытеснения ногаев из степей Западного Казахстана только в середине XVII века.

Широкое расселение калмыков на территории Казахской степи хорошо известно благодаря историческим картам и письменным источникам. Казахско-калмыцкие отношения особенно хорошо представлены в русских источниках. Благодаря близости степи к границам Московского царства чиновники и Посольский приказ пристально следили за всеми изменениями в плане доминирования в Степи. Особое значение придавалось условиям временных или долгосрочных соглашений между казахами и калмыками. Относительная слабость военных гарнизонов в районе степного фронта, а также период Великой Смуты в самой Московской Руси заставляли пристально наблюдать за возможным союзом главных центров силы в степях.

Калмыки, будучи одним из главных акторов в центральноазиатских политических событиях XVII века, при общем движении на запад сохраняли относительную самостоятельность от друг друга. По сути, их наступление на Казахскую степь было миграцией отдельных племен и родов, сохранявших общую тенденцию к берегам Каспийского моря. Лишь слабость той же Ногайской Орды, а позже ее окончательная децентрализация позволили закрепиться в отдельных районах Казахстана, а затем и на бывших кочевках ногаев.

Историческая роль калмыков в складывании собственно казахского государства остается малоизученной и недооцененной, что мешает объективной реконструкции общей истории Казахстана.

История казахско-калмыцких отношений в период этой миграции неоднократно сменялась с ведения мирных договоров на военное противостояние, однако в целом калмыки придерживались собственно центральноазиатских традиций строительства госу-

дарственности, что, конечно же, облегчало решение скопившихся проблем относительно мирным путем. Наличие общих традиций и практически идентичных способов ведения хозяйства позволило обоим народам выстроить необходимые для мирного соседства коммуникации.

Миграционные процессы калмыков наглядно видно через политико-географические сведения из карт. Так, уже на карте Энтони Дженкинсона калмыки показаны как народ, населяющий территорию на севере от казахов, где-то в районе за Алтаем, проживающий в шатрах, а основой их хозяйства показано скотоводство, как и у казахов и ногаев. Локализация их за горным хребтом приблизительно на северо-восток от Казахской Орды, прямо указывает, что миграция калмыков ко времени создания карты, в 1562 году, либо еще не началась, либо находилась на стадии зарождения. Интересным представляется то, что казахи и калмыки отмечены изображением забивания скота, однако в плане верхней одежды казахи изображены очень похожими на жителей Самарканда, а калмыцкая верхняя одежда во многом схожа с одеяниями шаманов, что говорит о господстве среди калмыков непохожих на своих соседей верований. В правом верхнем углу можно обнаружить всадника, похожего по своей экипировке на казаха (указан схожий головной убор в виде тюрбана, а также сабля имеет ту же конфигурацию, как и у казахов), однако непонятно, что имел в виду автор карты и относился ли этот всадник к калмыкам.

Уже на следующей карте, 1570 г., казахи находятся на северо-востоке от Каспийского моря, а калмыки размещены намного севернее, чуть южнее Крайнего Севера. Эта карта интересна тем, что калмыки уже не имеют своих миниатюр, а просто указаны как одна из этнических групп. Их почти прямое расположение к северу от казахов, в отличие от прежней карты Э. Дженкинсона, может указывать на постепенное продвижение калмыков на запад. Такая тенденция сохранит свою динамику и далее. На карте 1630 г. калмыки расположены намного ближе к северу, причем одна из групп отмечена на берегу Северного Ледовитого океана, что, конечно же, отражает слабое знание европейцев о протяженности и масштабе внутренних областей Евразии. Но уже на карте 1635 г. калмыки однозначно фиксируются на территории междуречья Урала и Волги, по соседству с

Ногайской Ордой. Скорее всего написание Colmak, встречающееся на карте 1630 г., относилось либо к совершенно другой этнической группе, либо любой малоизвестный этнос относился в глазах европейцев той эпохи к калмыкам.

Интересно, что калмыки на территории Казахстана встречаются в источниках еще до сообщений русских воевод. Так, на карте 1595 г. Герарда Меркатора «Атлас, или Космографические размышления о сотворении мира и виде сотворенного» («Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura») уже достаточно четко фиксируются калмыки (Калмыцкие татары), также на территории Волго-Уральского междуречья, причем ногаи на этой карте фиксируются значительно западнее, чем раньше, – в междуречье Урала и Волги. Сами калмыки фиксируются лишь в верхнем течении Урала, что соответствует исторической реальности того периода. Вероятнее всего, какая-то из групп калмыков проникает раньше других далеко на запад, возможно, будучи связанной вассальной присягой одному из местных властителей. Движение же главных сил началось гораздо позже.

При этом сами казахи по-прежнему, судя по картам, занимают центральные и южные области Казахской степи. Такая локализация, по-видимому, связана с обострением отношений Казахского ханства с южными соседями. Смена династий, когда Аштарханиды сменили господство Шейбанидов, привела к сосредоточиванию казахских сил именно на юге. Такая концентрация сил привела не только к успешным боевым действиям хана Таукеля на юге, благодаря чему Ташкент на двести лет стал одной из столиц Казахского ханства, но и, как было выше упомянуто, к подчинению власти казахского правителя ряда соседних объединений. Так, согласно источникам, казахский хан именовал себя ханом казахов, кыргызов и калмыков. С этим связано интересное обстоятельство, во многом проливающее свет на переломный исторический период – время пребывания калмыков на территории Казахстана. После крупных успехов Таукель хану на время подчинилась какая-то группа калмыков. Причем если в 1594 г. посол Кулмагомет заявлял Ораз Мухаммеду, казахскому султану на службе русскому царю, что «...ныне дядя твой Тевкель (Таукель) царевич царь учинился на Казатцкой Орде, а брата своего Шахмагомета царевича посадил на калмаках» [2, с. 191], необходимо учитывать, что речь шла не о событиях сравнительно недавнего

прошлого, учитывая, что Тауекель стал ханом уже в 1582 г. (по другим сведениям – в 1583 г.). более того, русский царь отправляя свое посольство к казахскому хану Тауекелю, предлагает ему установить отношения и называет его ханом Казахской и Калмыкской орд [2, с. 202]. Учитывая, что согласно восточным источникам, Тауекель имел право называть себя ханом и кыргызов, почему тогда русский царь игнорирует кыргызский элемент в титулатуре казахского хана в своем обращении? Скорее всего это привычное наименование для русского царя иностранного правителя по включению в его состав других государственных объединений. На это отчасти указывает то, что и сам царь, перечисляя свою титулатуру, указывает на себя «всёя Русии самодержавца и многих государств государя». Маловероятно, что для русского царя существовал другой источник информации по владениям казахского хана, помимо указанного выше посла, Кулмагомета. Хотя кыргызы и входили в список титулатуры казахского хана, однако не были указаны именно термином «Орда», который обозначал и государственный институт, и государственное объединение, и, наконец, само государство.

Последнее упоминание о хане Тауекеле как правителе двух орд относится к 1600 г. [2, с. 214]. Тем не менее на карте «Тартария» («Tartaria») Йодокуса Хондиуса 1606 г. калмыки довольно прочно занимают верховья Урала и далее на восток от Мугоджар [20].

Уже в 1607 г. калмыцкие тайши Иченей, Далай багатур, Хо-Урлюк и Курсуган вместе со своим народом численностью до 120 тысяч присягнули русскому царю, получив взамен право на кочевание вверх по реке Иртыш, а также внешнюю защиту против ногаев и Казахской Орды. Вскоре война между калмыками и Казахской Ордой была в разгаре, и в 1609 г., оставив свои аулы на попечение гарнизона Тарского городка, калмыки обрушились на казахские аулы. Неурядицы, которые были в самом разгаре в Казахской Орде, привели к ряду поражений казахов, однако отказ некоторых калмыцких тайши от шертования московскому царю омрачил складывающийся союз и, более того, вынудил русского царя прибегнуть к угрозе выдворения калмыцких тайши со своих земель силой. Именно это обстоятельство вынуждает калмыков продвигаться на запад, что приводит к усилению противостояния с ногаями. Уже в том же в 1609 г. знатный ногайский бек Кара Келмамет в ответ на призыв

прибыть для исполнения воинской службы русскому царю заявил, что не может, так как противостоит калмыкам. В 1612 г. состоялся один из первых набегов калмыков на ногайские кочевья, правда, без серьезного урона: «а поизобилили немного» [2, с. 255]. Здесь же отмечается, что калмыки были весьма ослаблены, поскольку был обильный снегопад, приведший к падежу скота. Это первое появление калмыков в Волжско-Уральском междуречье совпало с междоусобицами в Ногайской Орде, где главный бий Иштерек постепенно теряет свой авторитет, вследствие чего в ногайской среде разгорелась гражданская война. Казахи в этот же период, по свидетельству очевидцев, перекочевывают на север, поскольку: «а живут они ныне зимнею порою под Сибирью» [2, с. 257]. Кроме того, вследствие откочевки ногаев на крымскую сторону зауральские степи опустели, помимо самого города Сарайчика [1, 259 с.]. Вообще можно отметить, что подчинение калмыков в 1608 г. власти русского царя было весьма условным. По мере укрепления своего положения они все меньше хотели подчиняться требованиям наместников Московского царства в сибирских городах. Кроме того, окруженные новыми соседями, которые также являлись во многом условно подданными Москвы, калмыки просто не могли не вступить с ними в конфронтацию. Показателен здесь пример, когда главный бек Ногайской Орды Иштерек в ответ на угрозы Москвы называет своими союзниками большую коалицию мусульманских союзников, хотя и не отвергает свою зависимость от русского правительства. Дело в том, что в этот период в самом Московском царстве начинается период Смуты, что резко ослабило возможности правительства в деле контроля за далекими окраинами своего государства.

Помимо западного продвижения, калмыки, по-видимому, установили протекторат над Старшим жузом и Кыргызской Ордой. Есим хан, будучи изгнан узурпатором Турсын-Мухаммед ханом, опирался на поддержку калмыков. Однако уже в 1620 г. Есим хан наносит поражение калмыкам [2, с. 276]. Общее ослабление калмыцкого объединения, вероятнее всего, связано с борьбой между влиятельными тайши и их междоусобицами. Временное укрепление Казахского ханства в правление Есим хана во многом связано с углубляющимся распадом Ногайской Орды, которая окончательно была дезорганизована и приходила в упадок. Некоторая часть ногаев, особенно которые традиционно кочевали в зауральских сте-

пях, уже тогда, по-видимому, признает власть казахского хана, что значительно усиливает военные возможности Казахской Орды. На основании письменных источников можно предположить и о складывании союза между Алтан-ханом, Казахской Ордой и ногаями. Этот союз заставил калмыков сконцентрироваться в кочевьях на берегах реки Обь. Интересно, что на «Новой карте Тартарии» (A Newe Mare of Tar») Джона Спида 1627 г. одна группа калмыков сосредоточена в верховьях Урала, а другая в районе Мугоджарских гор (илл. 1.). Кроме того, далее на восток от Мугоджар указана группа каракитай (вероятнее всего, одна из групп калмыков).

Илл. 1. Карта. «Новая карта Тартарии. A Newe Mare of Tar» Джона Спида от 1627 г.

В целом, мы можем наблюдать довольно широкое расселение калмыков на запад разными группами, независимыми друг от друга, что говорит о том, что верховной власти в калмыцком обществе

тогда не существовало. Сама численность воинских сил отдельных калмыцких тайши была, по-видимому, ограниченной. Чаще всего в источниках упоминается от 1 до 4 тысяч воинов [2, с. 278], и только при объединении нескольких тайши калмыки были способны проводить крупные операции, что также повлияло на центростремительные процессы в калмыцком обществе.

Карта Виллема Блау «Азия в новейшем изложении» («Asia noviter delineata») 1630 г. фиксирует небольшие изменения в расселении народов Центральной Азии (илл. 2). В частности, калмыки по-прежнему фиксируются на территории Волжско-Уральского междуречья, но казахи на этой карте отмечаются в районе Мугоджар, на месте бывшего расселения другой группы калмыков, что связано, по-видимому, с ее вытеснением далее на запад.

*Илл. 2. Карта. Blaeu, Willem Jansz (1571-1638). 3250.
Asia noviter delineata / auctore Guiljelmo Blaeuw. 1630.*

Ногаи помещены автором карты далее на запад, на правобережье Волги. В 1622 г. калмыки разгромили ногаев в битве недалеко от Сарайчика и далее углубились в сторону рек Сагиз и Кайнар. Это одно из первых упоминаний и письменных фиксаций калмыков на восток от реки Урал, хотя есть сведения о набегах калмыков на земли Ургенча в 1619 и 1620 гг. Поход был весьма успешен и, как всегда, совпал с местными междоусобицами. В 1625 г. калмыки решаются на зимовку на реке Эмба, что говорит о полной децентрализации в Ногайской Орде, которая раньше контролировала весь этот регион. Казахи же, увязшие в междоусобице между Есим ханом и Турсун ханом, не смогли этому препятствовать. Турсун хан, будучи бывшим вассалом бухарского хана Имамкули, стал претендовать на полную независимость и от своего имени пытался договориться с калмыками о беспрепятственной торговле с сибирскими городами. Начавшаяся междоусобица между калмыцкими тайши помешала этому, так что связи между ташкентским двором и калмыцкими тайши были весьма ограничены, хотя расстояние между ними было весьма недалекое – в 1626 г. калмыки фиксируются уже в песках Барсуки [2, с. 295]. Это продвижение во многом связано с тем, что остатки Ногайской Орды по частям продолжают подчиняться калмыкам, так именно в этом году им покоряется мурза Шайнек со своим улусом. Исходя из этого, следует понимать, что с приходом калмыков местные племена включались в структуру нового порядка.

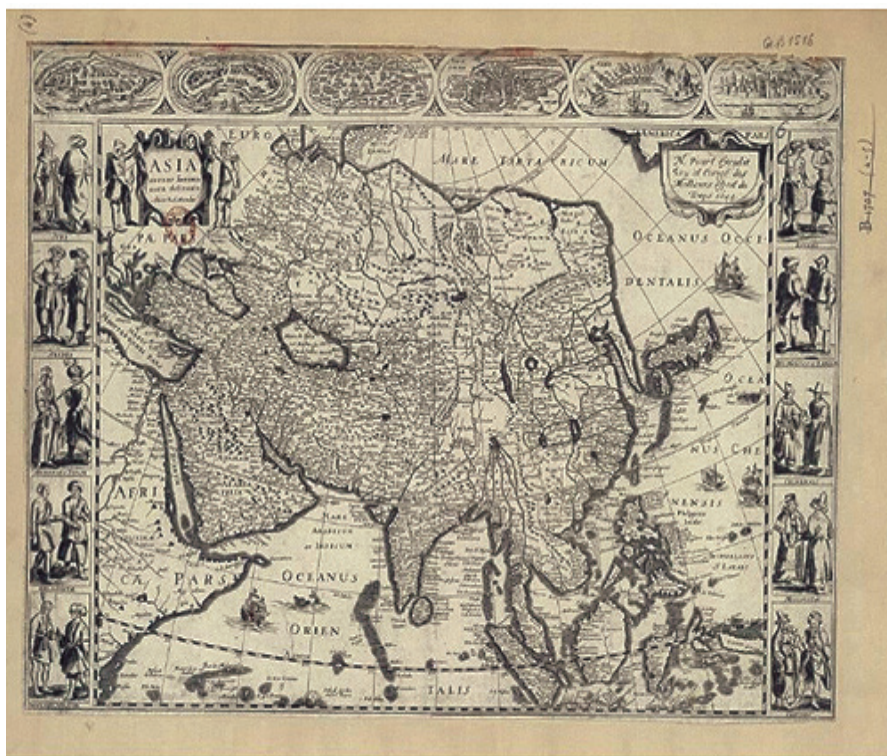
Полная децентрализация в Ногайской Орде не позволяла организовать эффективную защиту, что вынуждало ногаев все чаще прибегать к защите русского гарнизона Астрахани. К его защите прибегали и сами калмыки, вернее, та группа, которая кочевала на Эмбе, опасаясь нападения десятитысячного войска казахов. Помимо казахов, против калмыков выступали и ургенчские войска, которые время от времени преследовали совершавших набеги калмыков и алтыульцев. На карте Виллема Блау 1630 г. («Asia noviter delineata / auctore Guiljelmo Blaeuw») можно проследить, что казахи довольно прочно закрепились в центральных районах Казахстана, вытеснив оттуда кочевья калмыков (илл. 3).

Илл. 3. Карта. Blaeu, Willem Jansz (1571-1638). Cartographe. Tartaria sive Magni Chami Imperium / [G. et J. Blaeu]. 1635.

Карта Хенриха Хондиуса «Asia recens summa cura delineanta» 1644 г., в принципе, повторяет данные с карты 1630 г., где Ногайская Орда также находится в междуречье Волги и Урала, а калмыки расположены к востоку от реки Урал (илл. 4). Также карта отражает устойчивое закрепление калмыков в Нижнем Поволжье и постепенное вытеснение ногаев к западу. Эти визуальные свидетельства демонстрируют переход калмыков от кочевых миграций к относительной территориальной стабилизации, что в свою очередь способствовало формированию устойчивых политических институтов и внешнеполитических отношений с Россией, Бухарой и Джунгарией [21, pp. 79–83].

Казахи расположены восточнее относительно калмыков, по видимому, за Мугоджарами. Вторая горная гряда, окружающая казахов, скорее всего отражает знания европейцев того времени о горах Алтая.

Илл. 4. Карта. Hondius, Henricus (1597-1651). Auteur du texte. Asia recens summa cura delineanta / Auct. Jud. Hondio. 1644.

Сразу за ними отображены каракитай, предположительно, как указывалось выше, одна из групп калмыков или джунгар. Отрывочные сведения за 1654 г. дают представление о заселении территории большей части Северного Казахстана и бассейна реки Иртыш калмыцкими и мунгальскими (монгольскими) улусами. Чуть позже, в 1664 г., на карте Пьера Дюваля «Азия» («L'Asie» / par P. Duval) ногаи по-прежнему локализируются на западе, возле Волги, но гораздо выше, в пределах Южного Урала. Калмыки в то же время изображены восточнее реки Урал, расселившись вплоть до пределов узбеков. Казахи же, в свою очередь, локализованы севернее Туркестанского региона. Эта ситуация фиксирует очередное ослабление Казахского ханства, в первую очередь благодаря усилению Джунгарского государства. Этап длительных и разорительных войн с Джунгарией был

значительно позже, но уже тогда Джунгария представляла собой основную угрозу самому существованию Казахской Орды. Только консолидация казахов под правлением хана Тауке смогла предотвратить эту угрозу, правда, ненадолго. Карта Пьера Дюваля «Великий континент» («Le Grand Continent. Par P. Du-Val. Geographe Ordinaire du Roy (1684)») дает представление об окончательном захвате ногайских земель калмыками. Каракитаи по-прежнему локализируются на территории Южной Сибири и северных землях современного Казахстана. Сами казахи на карте не отмечены, однако общее название региона Туркестан присутствует. Как известно из источников того времени, Туркестан являлся ставкой казахского хана Тауке. В этот период, в 1697 г., казахи, по сведениям источников, во многом были сосредоточены на юге, вблизи своих городов [2, с. 381]. Семиречье, как следует из этого источника, уже было захвачено калмыками (джунгарами).

Илл 5. Карта «Российской империи» Генерального штаба 1792 года.

В целом, подводя итоги, калмыцкий народ на протяжении многих веков являлся соседним для казахов народом. Многолетние отношения включали в себя как противостояние, так и дружеские отношения. Изначально калмыки присутствовали на территории Казахстана только в военном плане, как организаторы походов, когда Ойратское государство пыталось взять под контроль города Средней Азии. Иначе ситуация складывается позднее, когда внутренние

процессы заставляют огромные массы кочевников мигрировать традиционно для кочевых народов путем – с востока на запад. Большие пространства для кочевания, выходы на центральноазиатские торговые магистрали, более мягкие и выгодные климатические условия обусловили направление миграции. Большим, а зачастую единственным препятствием для осуществления этих планов являлось Казахское государство. Однако гораздо позже исход торгов 1771 г. ознаменовал конец эпохи автономного существования калмыков и начало нового этапа – административного оформления и политического подчинения степей. Исходя из этого, можно говорить о том, что калмыки сыграли роль посредников между Востоком и Западом, а их история стала неотъемлемой частью имперской динамики Евразии. Для истории Казахстана миграции калмыков имели двоякое значение. С одной стороны, они усилили политическую роль Казахского ханства в XVII в., превратив его в ключевой фактор степного баланса. С другой – взаимодействие и противостояние с калмыками определили пространственную динамику этнополитических границ в Западном Казахстане и Прикаспии, подготовив почву для дальнейшего включения этих земель в сферу влияния Российской империи.

В этом контексте история калмыков в XVI–XVIII вв. предстает как связующее звено между эпохой постордынской раздробленности и эпохой имперской интеграции. Она демонстрирует, как народы степей, вынужденные подчиняться законам великих держав, одновременно сохраняли собственные культурные и духовные традиции, создавая тем самым особый евразийский феномен – «историческую память миграции», соединяющую пространство от Алтая до Волги и Илийской долины [21, pp. 98–101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доржиева Е. В. Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
2. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. В 10 т. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 721 с.
3. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: монография / М. М. Батмаев. 2-е изд., испр. и дополн. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.

4. Калмыки: исторический очерк / Сост. М. Новолетов. Санкт-Петербург: Изд. владельца Малодербет. улуса Нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 79 с.
5. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 285 с.
6. Кундакбаева Ж. Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 384 с.
7. Курланов А. З. Яицкие-уральские казаки. Повседневная жизнь и праздники. Т. 2. Историко-краеведческое издание, 2013. 672 с.
8. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
9. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док. / сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.
10. Торопицын И. В. Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Журнал фронтирных исследований (2016, № 2). С. 23–42.
11. Турсынов Е. Ж., Жаксылыков А. Ж., Жанабай и др. Жырау: статус, культура, мировоззрение. Семей, 2017. 325 с.
12. Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 374 с.
13. Mercator Gerard (1512–1594). Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Cartographie; auteur du texte. 1595.
14. A Newe Mape of Tartary, augmented by John Speede. 1627.
15. Asia noviter delineata / auctore Guiljelmo Blaeuw. 1630.
16. Tartaria sive Magni Chami Imperium / [G. et J. Blaeu]. 1635.
17. Asia recens summa cura delineata Auct. Henr. Hondio. Edita Amstelodami sumptibus Henrici Hondii. 1644.
18. L'Asie / par P. Du Val, Géographe Ordinaire du Roy. 1664.
19. Le Grand Continent, qui contient l'Europe, l'Asie, et l'Afrique / Par P. Du-Val, Geographe Ordinaire du Roy. 1684.
20. Tartaria / Auctore Jodoco Hondio. 1606.
21. Bulag Uradyn E. & Fuerwa Dorjraa. Torghuts' Westward Migration to the Volga Region: Oirats, Empire, and the Politics of Return. Cambridge: University of Cambridge Repository, 2022. 115 p.

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ: ИСТОЧНИКИ, КОНТЕКСТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ТАБЫНБАЕВА ЗАУРЕ СЫЗДЫКОВНА,

ведущий научный сотрудник

Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,

кандидат исторических наук

(Алматы, Казахстан)

Картография является одним из важнейших источников для изучения того, как люди разных эпох представляли себе окружающее пространство. В этом смысле карта выступает как исторический документ, который фиксирует взгляды своего времени и позволяет исследователю понять, каким виделся мир современникам, отражая уровень географических знаний, представления о границах государств, расселении народов, путях торговли, зонах политического влияния и культурных контактах. Важно учитывать, что каждая карта создавалась в определенных исторических и культурных условиях, поэтому содержит культурные и идеологические послания, которые трудно увидеть в других источниках [1, с. 171–172]. Более того на содержание карт оказывали влияние политические интересы, уровень научных знаний, цели и задачи заказчиков, а также сложившиеся в той или иной стране ранее традиции картографирования. Именно поэтому картографические материалы позволяют увидеть не только географические сведения о регионе, но и проследить эволюцию исторических представлений, а также политических и экономических интересов той среды, в которой они были созданы.

В этом контексте карта рассматривается как отражение реальности и как инструмент ее интерпретации и конструирования. Картографическое изображение фиксирует совокупность представлений, сформированных уровнем знаний, источниковой базой и интеллектуальными установками эпохи. Такой подход позволяет анализировать карты как форму пространственного дискурса, в котором географическая информация переплетается с политическими и культурными смыслами.

Условно карты можно группировать по тем регионам и государствам, где они были составлены, поскольку именно место их происхождения во многом определяет их содержание, стиль и научный уровень. Например, на европейском континенте в раннее Новое время сложился ряд государств, в которых картография получила особенно активное развитие. Здесь сформировались целые школы, занимавшиеся созданием, изучением, распространением и совершенствованием карт. Каждая из них по-своему подходила к отображению новых и малоизученных территорий, в том числе земель Казахского ханства. Несмотря на то, что регион представлял интерес с политической, экономической и религиозной точек зрения, для многих картографических школ он оставался удаленным и недостаточно изученным.

Различия в его изображении, как было отмечено ранее, были обусловлены рядом объективных причин. Прежде всего, на содержание карт влиял круг доступных источников, поскольку отдаленность региона ограничивала возможности получения точных и непосредственных сведений. Одни картографы опирались на сообщения путешественников, купцов, дипломатов, военных и миссионеров. Нередко в работе использовались более ранние карты и компиляции, что приводило к повторению неточностей и сохранению устаревших представлений. Кроме того, различались методы сбора и обработки информации, способы передачи пространственных данных, уровень точности измерений, а также принципы обозначения границ и этнических территорий. Все это существенно влияло на характер картографического изображения региона и объясняет существующие расхождения в его представлении в различных картографических традициях. В результате территория Казахского ханства в европейской картографической традиции изображалась неодинаково. Менялись ее границы, названия (от неясных очертаний и этнонимов типа *Tartaria* до довольно точных топонимических обозначений), административно-политическая структура и даже само понимание ее пространственного положения. Эти особенности делают картографические материалы важным, но требующим критического и сравнительного анализа источником.

Цель настоящей статьи – выявить особенности формирования картографического образа Евразии в целом, и Казахского ханства в

частности, в различных европейских школах, определить их источниковую базу и проанализировать влияние научных, практических и идеологических факторов на пространственные представления о регионе.

Исследование строится на сравнительно-историческом и источниковедческом подходе, предполагающем сопоставление карт различных национальных школ, выявление их источниковой базы, степени точности и особенностей пространственной интерпретации. Особое внимание уделяется тому, каким образом различия в информационных каналах и практических задачах картографирования влияли на формирование образа Казахского ханства.

Для анализа и написания данной статьи использованы материалы, выявленные в ходе реализации научного проекта по программе «Архив-2025» «Историко-культурное наследие Казахстана и Центральной Азии в собраниях зарубежных архивных фондов» под руководством профессора Абусейтовой М. Х. Проведенные в рамках проекта археографические экспедиции в Национальную библиотеку Франции, Британскую библиотеку, а также в национальные библиотеки Италии, Дании и Швеции позволили собрать уникальные картографические и письменные источники, отражающие представления европейских авторов о территориях Центральной Азии [2]. Также были использованы классические исторические исследования и новые отечественные публикации по картографии и источниковедению [3, 4]. Значительный вклад внесли работы казахстанских исследователей, в том числе анализ сводных каталогов картографических материалов по истории Казахстана [5–7].

Собранный корпус источников и материалов позволяет рассматривать картографические материалы не изолированно, а в рамках конкретных национальных и научных традиций, в которых они были созданы. Особое значение для формирования европейских представлений о Центральной Азии имели итальянская, голландская, английская, французская картографические традиции. В рамках этих школ создавались атласы и отдельные карты, что в свою очередь позволяет выявить особенности формирования географических представлений об Евразии и проследить, как менялись взгляды европейских авторов на территорию в зависимости от времени, источников информации и научной среды.

Несмотря на то, что в итальянской картографической традиции особое внимание уделялось прибрежным территориям, морским коммуникациям и портовым центрам, сухопутные пути также занимали важное место в отображении пространственных представлений. Они рассматривались как ключевые элементы, связывающие внутренние районы континентов с морскими торговыми системами. Отражение караванных дорог, транзитных направлений и узловых городов позволяло итальянским картографам формировать более целостное представление о структуре евразийского пространства.

Более того, включение сухопутных маршрутов в карты было направлено и на передачу актуальных сведений о торговых и дипломатических связях, и на соотнесение новых географических знаний с античной традицией – проявив тем самым методологический синтез различных источников. Сочетание данных античной географии, сведения арабских и персидских авторов, а также информация, полученная через торговые и дипломатические контакты, сохранила древние этнонимы и топонимы, выступавшие как маркеры исторической преемственности. В числе наиболее устойчивых обозначений встречаются такие названия, как Скифия, Сарматия, Тартария, которые в последующие периоды претерпевали смысловые и географические изменения.

Яркими представителями венецианской и римской школ позднего Средневековья и раннего Нового времени являются картографы Фра Мауро (Fra Mauro), Джакомо Гастальди (Giacomo Gastaldi) и Баттиста Аньезе (Battista Agnese).

Так, например, «Карта мира» Фра Мауро («Mappemonde de Fra Mauro») демонстрирует кооперацию различных научных традиций и представляет собой результат синтеза европейских, античных и восточных знаний, что стало важным этапом в развитии итальянской картографической школы и формировании новых представлений о пространстве Азии и Великой степи (илл. 1). Большая часть Азии в левой части карты изображена в соответствии с трудами известного путешественника Марко Поло. Однако изображение карты отражает влияние исламских картографов, отразившееся в пространственно ориентированном расположении. На карте вверху был отмечен юг, что отличало ее от карт Птолемея, где вверху был показан север, или от средневековых карт мира (*mappa mundi*), на которых обычно вверху был указан восток [8].

Территория Великой степи представлена преимущественно как зона расселения кочевых народов (Comania, Tartari deserti), без фиксированных государственных границ. При этом картограф выделяет ключевые городские центры, расположенные по периферии степного пространства и связанные с международными торговыми путями: Sarai, Bolgar, Urgench, Samarcanda, Buchara, отражая тем самым восприятие региона как транзитного пространства между крупными оседлыми цивилизациями. Отсутствие четких политических границ отражает не столько недостаток информации, сколько доминирование геоэкономической логики восприятия региона.

Илл. 1. «Карта мира» Фра Мауро. 1459 год. Библиотека Марциана

Как было отмечено ранее, карты итальянской школы лишь дали большой импульс изучению территории Евразии. В XVII в. голландская картографическая школа задала новые стандарты точности и типографической ясности для всей Европы относительно территории Великой степи. Голландской Ост-Индской компании требовались карты, пригодные для навигации, логистики и коммерческих расчетов. Методологически голландцы отличались от итальянцев тем, что поставили на первое место консолидацию разрозненных сведений в единый картографический продукт, пригодный для практики. Основываясь на сведениях из русских, персидских и османских источников, а также из отчетов купцов и дипломатов, карты голландских атласов часто снабжались подробными надписями (латинизированными топонимами), линейной графикой рек и условными обозначениями населенных пунктов и караванных путей. В отличие от итальянского гуманизма, голландская школа картографии демонстрировала прагматизм. Тем самым карта выступала преимущественно в качестве прикладного инструмента пространственной ориентации и управления, а ее интерпретационная культурно-историческая функция имела второстепенное значение. Яркими представителями данной школы являются Герард Меркатор, Абрахам Ортелиус и Виллем Блау, который вместе с сыновьями составил знаменитую династию голландских картографов, издававших множество карт и атласов, ставших визитной карточкой золотого века голландской картографии – XVII века.

О накоплении и систематизации географических сведений, а также о возросшем интересе к региону в контексте торговых связей и транзитных коммуникаций Евразии свидетельствует и тот факт, что на картах «Tartaria» (Тартария), опубликованных в атласах Блау, территория Казахского ханства обозначается как «Kazakh Tartaria» и получает пространственные очертания, зафиксировав тем самым в европейской картографии представление о ханстве как о политическом образовании, соседствующем с Бухарой, Сибирью и Китаем. Также Голландская школа способствовала кодификации названий, где латинизированные названия рек, городов начали входить в международный картографический обиход именно благодаря их атласам. Топонимы Туркестан, Яссы (Turkestan, Yesi, Iassu), Ташкент (Taskend, Taschande, Taschkant), Jaxartes (Сырдарья), Oxus (Амударья), Lacus Aral (Арал), Septem flumina (Жетысу) стали основой европейского картографического языка применительно к землям Казахского ханства.

Однако высокая степень систематизации сочеталась с зависимостью от вторичных источников, что приводило к воспроизведению одних и тех же географических схем. В результате формировался стандартизированный, но частично условный образ региона, который длительное время сохранялся в европейской картографической традиции.

В отличие от голландской традиции, английская картографическая школа XVI–XVII вв. отличалась большей точностью, так как опиралась на прямые источники, которые, в свою очередь, формировались в тесной связи с торговыми и разведывательными экспедициями, организованными Лондонской торговой компанией (Muscovy Company). Результаты наблюдений, прежде всего Антони Дженкинсона (Anthony Jenkinson), и созданные по их наблюдениям карты демонстрируют более точное и детализированное представление о территории Казахского ханства и его связях с соседними регионами, сочетая торговую практику с систематическим сбором географической информации (*илл. 2*). Степь перестала быть «белым пятном» и обрела очертания как политически активная территория. На картах Антони Дженкинсона и его последователей Ричарда Хаклюта (Richard Hakluyt), Джона Смита (John Smith) и других обозначены такие важные географические пункты, как Cassack Tartary (Казахская Татария), Nogay (Ногай), Buchar (Бухара), Samarcand (Самарканд), а также реки Iaik (Урал) и Syg (Сырдарья). Это обусловило сочетание высокой достоверности отдельных участков с общей схематичностью изображения степного пространства.

Однако вклад английской школы был двойственным. С одной стороны, ее сила заключалась в эмпиризме, где сведения купцов Московской компании о социально-экономической структуре степи, отношениях между ханствами, особенностями степной торговли и дипломатии, основанные не на мифах, а на опыте, создали новый тип картографической достоверности. С другой стороны, прослеживается определенная «скупость», проявленная ограниченным охватом наблюдений английских наблюдателей. Экспедиции имели прежде всего торгово-разведывательный характер, а не научный, поэтому на ранних английских картах нередко сохранялись географические неточности, такие как неправильное положение рек, избыточные размеры степных пространств и упрощенные этнические обозначения (Cassacks или Tatars без различия между народами) [9].

Илл. 2. Карта «Морское и сухопутное путешествие Антони Дженкинсона с Астрахани через Тартарию до Москвы». 1572 г. Британская библиотека

Позже же, в XVIII – первой половине XIX века английская картография стала носителем колониального взгляда на Центральную Азию. Для британцев, вовлеченных в «Большую игру» с Россией, Казахское ханство представляло буферную зону между российскими владениями в степях и Британской Индией. На английских картах, созданных в Лондоне, Оксфорде, а также в Индийском географическом обществе, усилилась геополитическая функция картографии, территория степей изображалась как часть Kirghiz Steppes или Kazakh Territories. Карты стали инструментом разведки и планирования. При этом они опирались на русские данные, но интерпретировали их с точки зрения британской геополитики. Карта превращается в «зеркало» соперничества, в котором география переплетается с политикой.

Французская картографическая школа существовала уже в XVI–XVII вв., но она развивалась эволюционно, проходя путь от заимствования итальянских и голландских методов к созданию собственной национальной школы при Гийом Сансон (Guillaume

Sanson) и Алексис-Юбер Жайо (Alexis-Hubert Jaillot). Они являлись центральными фигурами французской картографии конца XVII в., именно того переходного периода между «атласной» и «научной» картографией [10].

Уже к концу XVII в. Франция становится ведущим центром научной картографии Европы, и именно на этой основе появляется академическая школа XVIII в. Гийома Делиля, Жан-Батист д'Анвиля, которые впервые изображают Казахское ханство в конкретных политических границах, основанных на критическом сравнении источников, включая отчеты миссий, русских экспедиций и восточные хроники. Так, на картах Делиля впервые появляется более точная топонимика, где указаны области *Petit Horde* (Малая Орда), *Moyenne Horde* (Средняя Орда), *Grande Horde* (Старшая Орда). Благодаря работам данных картографов в европейской науке закрепился образ Казахского ханства как региона, играющего ключевую роль в понимании Азии как системы пространства между Востоком и Севером [11, с. 24].

Французская школа стала первым этапом научной критической картографии, где приоритет отдавался проверке и сопоставлению источников. В результате формируется принципиально новый тип пространственного представления – политико-географическая модель региона, в которой Казахское ханство выступает как структурированное территориальное образование, а не как часть неопределенной «Тартарии».

Сравнение различных школ показывает, что картографическое изображение Казахского ханства не было нейтральным. Различия между картографическими школами определялись, прежде всего, характером информационных источников. Итальянская традиция опиралась на гуманистическую компиляцию, голландская больше на коммерческую систематизацию сведений, английская – на практические наблюдения торговых миссий, французская – на академическую критическую обработку данных. Эти различия отражали не только уровень знаний, но и идеологию времени. Карта становилась пространством диалога между знанием и властью, между реальностью и ее представлением. Эти различия обусловили постепенную эволюцию картографического образа Казахского ханства от условного и обобщенного к более конкретному и политически структурированному.

Картографическое изображение Казахского ханства формировалось в результате взаимодействия научных знаний, практических интересов и геополитических установок различных европейских государств. Эволюция его образа неопределенной периферии «Тартарии» к самостоятельному политическому пространству отражает не только накопление географической информации, но и изменение места региона в системе международных экономических и политических отношений. Это позволяет рассматривать европейскую картографию не только как источник по исторической географии, но и как свидетельство формирования внешнего научного и политического дискурса о степном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Sarkytkan K., Amirbekova C.* History and Cartography: Medieval Islamic and Christian Cartography and the Clash of civilisations. *Journal of Oriental Studies*, 114(3). 2025. С. 76–90 // <https://doi.org/10.26577/JOS202511437> // <https://bulletin-orientalism.kaznu.kz/index.php/1-vostok/article/view/2277>

2. *Абусейтова М. Х., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С.* Коллекции британских хранилищ письменных рукописей, архивных материалов и карт по истории и культуре Великой степи // *SHYGYS*. № 1. 2019. С. 24–30; *Абусейтова М. Х., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С.* Архивные фонды библиотек и музеев Франции по истории и культуре Великой степи // *SHYGYS*. № 1. 2019. С. 30–35; *Абусейтова М. Х., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С.* Новые материалы по истории и культуре Великой степи в архивохранилищах Италии // *SHYGYS*. № 1. 2019. С. 42–48.

3. Первые английские путешественники в Казахской степи / Пер. с англ. Д. М. Костиной / Сост. И. В. Ерофеева. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 8. Алматы: Санат, 2006. 312 с.

4. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан / Пер. с франц. Х. К. Хамраева / Сост. Б. М. Сужиков. Т. 2. Алматы: Санат, 2006. 336 с.

5. Каталог карт по истории и культуре Великой степи (древность, средневековье, новое время) / *Абусейтова М. Х., Жугенбаева Г. С., Султангалиева Г. С., Ошан Ж., Жумагулов К. Т., Шаймарданова Н. Ж., Табынбаева З. С., Медерова Д. Е., Каримова З. К., Ужкенов Е., Белгожа Е. К., Оспанов Н., Хаким А., Карасова С.* Алматы: Шығыс пен Батыс, 2023. 244 с.

6. *Ксенжик Г. Н., Карин Е. Т.* Анализ сводного каталога картографических материалов XVII – начала XX веков по истории Казахстана / *Qazaq*

Historical Review. № 1(1). 2023. С. 6-21 // DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2023.1.6.21> / <https://qhr.kz/index.php/qhr/article/view/1>

7. Атлас Туран на старинных картах. Обзор пространства – пространство обзоров. Алматы – Москва: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 480 с.

8. FRA MAURO // https://www.lindahall.org/about/news/scientist-of-the-day/fra-mauro/?utm_source=chatgpt.com // https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Fra_Mauro_map_by_sector#

9. English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649, by Maria Salomon Arel Get access Arrow / Nancy S Kollmann // The English Historical Review. Volume 136. Issue 583. December 2021. P. 1638–1640 // <https://doi.org/10.1093/ehr/ceab262> <https://academic.oup.com/ehr/article-abstract/136/583/1638/6365900?redirectedFrom=fulltext>

10. The History of Cartography, Volume Three Cartography in the European Renaissance / Edited by David Woodward. 2007. 272 p. https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/H/bo3750407.html?utm_source=chatgpt.com

11. *Абусеитова М. Х.* История Великого Шелкового пути в письменных источниках, архивных документах, картах // Каталог карт по истории и культуре Великой степи (древность, средневековье, новое время). Алматы: Шығыс пен Батыс, 2023. 244 с.

ХVIII ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАНДЫҒЫ МЕН ЦИН ПАТШАЛЫҒЫ АРАЛЫҒЫНДАҒЫ САУДА ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ

БАҚЫТ ЕЖЕНХАНҰЛЫ,

*Нанкин университеті, Тарих мектебі,
тарих ғылымдарының докторы
(Нанкин, Қытай)*

Саяси байланыстармен салыстырғанда, ХVIII ғасырдың ортасы-ХІХ ғасырдың басындағы Қазақ-Цин экономикалық қарым-қатынастары әлдеқайда айқын әрі объективті сипаттарымен ерекшелінген. Әсіресе осы кезеңдегі екі ел арасындағы жүргізілген «жылқыға жібек» саудасы ежелден бері кележатқан Ұлы Жібек жолындағы осындай қарым-қатынастардың жалғасы ретінде Қазақ-Қытай қарым-қатынас тарихындағы ең маңызды мазмұндардың бірі болып тарихнамаға енгізілуі керек.

Қазақ хандығы мен Цин патшалығы ресми қарым-қатынас орнатқаннан кейін көп ұзамай-ақ, екі ел арасындағы сауда-саттық байланыс да орнатылып, аз жыл ішінде қарқынды түрде дамып кеткен. Бұның өзіндік себептері бар еді: Әлеуметтік болмысы біршама деңгейге жеткен кез келген Ортаазиялық көшпенді қауым секілді ХVIII ғасырдағы Қазақ хандығы үшін де өз экономикасының тірегі есептелетін малшаруашылығының өнімдерін сырт елге экспорттау өзекті мәселеге айналған еді және оны шешу үшін бұрынырақта қалыптасқан қазақ-орыс сауда қарым-қатынасы жеткіліксіз болды. Ал бұл уақытта Жоңғар хандығын жойып, Қашқарияны басып алған Цин патшалығы үшін батыстағы қорғанысын мықтап бекітумен қатар жаңадан ие болған аумақтардың экономикасын көтеру керек болатын. Міне, осындай жағдайлар ХVIII ғасырдың 50-60-шы жылдары екі ел арасында сауда қарым-қатынасының орнығуына себеп болып, бұл қарым-қатынас қытайдың тарихи әдебиетінде «жылқыға жібек саудасы» (绢马贸易) деп аталды.

Бейжіңдегі Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатында өз кезінде Ұлытаудағы Абылайдың ордасына елші болып қайтқан, кейін Цин патшасы Цяньлунның тағайындауымен Үрімжідегі Цин-Қазақ сауда

жәрмеңкесін ұйымдастыруға жауапты болған Нұсанның Цяньлунмен сұхбаттасқандағы ұсыныстарының мәнжу тіліндегі жазбаша нұсқасы сақталған. Осы құжаттағы мәліметтерге қарағанда, Абылай хан, Әбілпейіз сұлтан және Қабанбай батыр қатарлы ел көсемдері Цин патшалығына ұсыныс жасағанда келешектегі сауда орны Үліңгір және Қызылбаскөл сияқты жерлерде болса деп талап қойған. Алайда, Цин патшалығы бұл талапты қабылдамай, Үрімжіні сауда орны етіп таңдаған¹.

Тек қазақтарға арналған аталмыш сауда жәрмеңкелері әуелде Еренқабырғаның түбіндегі Үрімжі жерінде, кейін келе Іле (Құлжа) мен Тарбағатай (Шәуешек) жерлерінде ашылып, Қазақ хандығы мен Цин патшалығы арасындағы халықаралық сауда қарым-қатынасын жарты ғасырдай уақыт ішінде жандандырып тұрды.

Бұл сауданың Цин патшалығына берген пайдасы зор: біріншіден, Цин патшалығы қазақ жылқылары арқылы қазіргі Шыңжаң жеріндегі өздері келеңсіз деп есептейтін әртүрлі жағдайларды тыныштадырып, ондағы қорғанысты нығайтып алды, сондай-ақ сол өңірдегі тың игеру сынды экономикалық шараларын сәтті орындады; екіншіден, Цин патшалығы осы сауда қарым-қатынас арқылы бұрын өздеріне мүлде жат болып келген қазақ елін өздеріне жақындатып, белгілі деңгейде өздері мен Ресей арасында уақытша болса да «буферлік аймақ» болуына ықпалы болды. Ал бұл сауда қарым-қатынасының Қазақ қауымына қандай ықпал болды? Чуньюань Циши-и есімді мәнжу қаламгерінің XVIII ғасырдың екінші жартысында жазып қалдырған «Сиюй цзун чжи» атты кітабында²

¹ Бейжіңдегі Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатында сақталған бұл құжаттың толық мәтіні жарияланбаған. Дегенмен оның үзінділері мына еңбекте берілген: Линь Юнкуан, Ван Си, «Цин дай сибэй миңьцзу маоши» («Цин патшалық дәуіріндегі солтүстік-батыстағы ұлттардың сауда тарихы»), 134-136-бб., Бейжің: Орталық ұлттар баспасы, 1991 ж. (王熹、林永匡：《清代西北民族贸易史》，中央民族出版社，1991年).

² «Сиюй цзун чжи» («西域总志», «Сиюйдің жалпы ахуалы») — «И юй со тань» («异域琐谈», «Жат аймақтардың ұсақ-түйек істері жөніндегі әңгіме») деп те, «Сиюй вэнь цзянь лу» («西域闻见录», «Сиюйдағы көрген-білгендерім») деп те аталады. Біз бұл кітаптың 1977 жылы Тайваньның бас қаласы Тайпэйдің «Вэньхай» баспасынан (文海出版社) қайта басылып шыққан нұсқасын пайдаланып отырмыз.

Абылай басқарған қазақтар туралы былай деп баяндаған: «Қазақтар ... вандарының есімі Абылай. Оны қол астындағылардың барлығы «Абылай би» деп атайды. Жерлері кең, жан саны мол, малдары көп. Байларының жылқысы мен сиыры он мыңнан есептелінеді, қойларына сан жетпейді. Осы байлар бірнеше әйел алып, оларды жан-жақтағы жайылым жерлеріне орналастырып, өздері сол әйелдеріне ретімен барып қонып кетеді. Кедей аттыларының өзі неше жүз сиыр мен жылқы, неше мың қойға ие, киген-ішкендерінен қам жемейді. Ұлдары 16 жасқа тола салғанда еншілерін бөліп беріп, өз тіршілігін бастатқызады. Той-томалақ болғанда жейтін тағамдары жылқы, сиыр, түйе және қойдың еті, ішетіндері қымыз. Ағаш табақ, ағаш тостаған және ағаш қасық қолданады. Байлары мыс, қалайы ыдыстарды істетеді. Киімді көп қылып киіп алуды сән көреді, тіпті шілденің шіліңгірінде 8-9 қабат киім киіп алады. Олар қытайдың фарфорын, шайын, түрлі-түсті субу кездемесін және бетінде алтын талшықпен гүл салынған мақпалды ұнатады. Ал олар қолдарына тиген қымбат торғын-торқаларды соншалықты қадірлеп те кетпейді...»¹. Чуньюань Циши-и жазып кеткен бұл дерек, бір жағынан, сол кездегі қазақ малшаруашылығының дамып, сыртқы нарық ашу мәжбүрлі іс болып қалыптасқанын білдірсе, екінші жағынан, Қытаймен арадағы мемлекетара сауда қарым-қатынасы нәтижесінде қазақ бұқарасының тез арада қытайдың торғын-торқалары мен басқа да бұйымдарына қарық болғанын көрсетеді².

¹ Чуньюань Циши-и (椿园七十一), «Сиюй цзун чжи», 212-бет, Тайпэй, 1977.

² Цин патшалығы мен қазақтар арасындағы бұл сауда байланыстар туралы мына зерттеулерге қараңыз: 1. Сагучи 1963; Лин Юнжуан және Ван Си 1991; 2. Вон Цзиньмэй, Цин патшалығы мен қазақтардың Шыңжаңдағы сауда қатынастарына арналған зерттеулер (Тайвань Чжэнчжи университетінде қорғалған МА диссертация, қытай тілінде). Тайпэй, 1993 (翁静梅: «清廷与哈萨克在新疆贸易之研究»(台湾政治大学硕士论文), 台北, 1993年); 3. Millward, J.A. *Qing Silk-Horse Trade with the Qazaqs in Yili and Tarbaghatai, 1758-1853* // *Central and Inner Asian Studies* 7 (1992), pp. 1-42; 4. Millward, J.A., *Beyond the Pass—Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864*. Stanford, California, 1998; 5. Фань Цзиньмин, *Цин патшалық дәуіріндегі Цзянтань өлкесі мен Шыңжаң аймағының жібек саудасы* / Тянь Шу, Ли Циндин (құрастырған): «Солтүстік- Батыс

XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ-Цин қарым-қатынас тарихы тағы бір мазмұнмен, яғни қазақ қауымының Қашқарияға сауда ашу талпынысымен ерекшеленеді. Тіпті былай айтуға да болады: XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ хандығы мен Цин патшалығы аралығындағы сауда қарым-қатынастарының қырсырын түсіну үшін аталмыш талпыныстан туындаған тарихи оқиғаларға назар аударғанымыз абзал.

Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатының «Әскери істер басқармасында (Ұлы кеңесте) сақталған ұлықтардың мәнжу тілді мәлімдемелерінің көшірмесі» атты қорындағы сақтау нөмірі 2261-031 (микрофильм бойынша 082-0715) болып келетін, «Қашқардағы хебей-амбан Илетудың мәлімдемесі, мұнда қазақтың ханы Абылайдың Қашқарға елші жіберу арқылы сәлем айтып, сауда ашу туралы өтініш білдіргендігі айтылған» деп аталатын құжаттың қосымшасы ретінде 3 дана хат сақталып келген, олардың бірі – Абылай ханның атынан сол кездегі Қашқарды билейтін Цин ұлығы мен жергілікті әкімбекке шағатай тілінде жазған хаты еді. Абылай хан өзінің осы хатында қазақтар мен қашқарлық мұсылмандар арасында болған бір реткі саудада болған дау-дамайды айта келе, Цин билеушілеріне «сіздер бізге саудагерлеріңізді жіберіңіздер. Немесе, сіздер [құзырларыңдағы адамдарға айтып] бізге жол бергізіңіздер, біз [сіздердің жерлеріңізге] кіріп сауда жасасақ» деген нақты талап қояды³. Мұнда, қазақ қауымының Қашқарияға сауда жүргізуге бағытталған талпынысының болғандығын көрсетіп-ақ тұр. Ендеше, бұл талпыныс нақты қалай болған? Оған байланысты Цин билеушілері қандай көзқараста болып, қандай саясат қолданған?

өңірлерінің тарихына арналған зерттеулер» жинағының 3-саны, 155–178-бб.. Тяньцзин, 2005 (范金明:《清代江南与新疆地区的丝绸贸易》, 田澍, 李清凌 (编):《西北史研究》第三辑第155-178页, 天津古籍出版社, 2005年) (Бұдан әрі «Фань Цзиньмин 2005» деп қысқартылып алынбақ; 6. Perdue, P.C., *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Comridge: Harvard Univ. Press, 2005. Соңғы жылдары жарық көрген тиісті мәнжу мұрағат құжаттарының бір бөлігі қазақ тіліне аударылған, қараңыз: Еженханұлы 2009 (2); Еженханұлы 2012 (2).

³ Бұл хаттың аудармасы туралы қараңыз: Еженханұлы 2006 (1), 106–113-бб.

Соңғы ширек ғасыр ішінде жарық көрген мәнжу тілді Цин патшалық мұрағат құжаттарында сақталған мағлұматтарға қарағанда, қазақ қауымының Цин патшалығына қарасты Қашқарияға керуен жіберу әрекеттері Қазақ-Цин қарым-қатынасы ресми түрде орнатылғаннан кейін 5 жыл өткенде пайда бола бастаған. Циннің Қашқардағы ұлығы Юңгуйдің цяньлун жылнамасының 27-жылы кібісе 5-айының 10-күні, яғни 1762 жылғы 1 шілдеде жазған бір мәлімдемесіне қарағанда¹, сол жылы маусым айының соңында бір топ қазақ елшілері Қашқарға жеткен. Юңгуйдің айтуынша, бұл елшілер қазақтардың бірнеше басшыларының атынан Қашқарға барған, ол қазақтардың қонысы Ташкент пен бұрыттардың (қырғыздардың) қытай деп аталатын тайпасының арасында орналасқан²; Барған елшілердің басты мақсаты – қазақтардың Қашқар мен Яркент жерлеріне сауда керуенін жүргізудің мүмкіндігін қарастыру екен. Бұл сол кездегі Қашқария жерінде болған ерекше оқиғалардың бірі тәрізді. Өйткені, бұл оқиға XVIII ғасырдың соңында жазылған қос тілді, яғни қытай және мәнжу тілдеріндегі бір қолжазбаға³ енгізілген.

¹ Бұл құжат әуелі «Жинақ» (1) кітабына енгізілген (қараңыз: «Жинақ» (1), 618–620-бб., «Қашқардағы хебей-амбан Юңгуйдің мәлімдемесі, мұнда қазақтардың сауда ісіне байланысты елші жібергендігі айтылған» атты құжат; Құжаттың қазақ тіліне аудармасы біздің мына еңбегімізде жарияланған: Еженханұлы 2012 (1), 122–126-бб.). Сонан кейін, 2012 жылы шыққан ЦСМДХ кітап сериясының 56-томында бұл құжат өзгешелеу атпен қайта жарияланған (қараңыз: ЦСМДХ, 56-том, 388–391-бб.).

² Біздің түсінуімізше, мұндағы айтылған қазақ қауымы Ташкент пен Шу-Талас өңірінде орналасқан Ұлы жүздің, әсіресе үйсін тайпасының қазақтары болуға тиісті. Осы қауымның көсемі Төле би сонау 1758 жылы өз ұлы Жоланды елші етіп Бейжіңге жіберген. Ал Цин ұлығы Юңгуйдің 1762 жылы жазған аталмыш мәлімдемесіне қарағанда, осы жолғы Қашқарға жеткен қазақ елшілері өз елдерінің бұрынырақ Цин ордасына «Йоло» (мәтінде мәнжуше «Yolo» деп хатталған) есімді елшісін жібергендігін айтқан. Бұл жердегі айтылған «Йоло» – «Жолан» сөзінің қате жазылған түрі болса керек.

³ Бұл қолжазба өткен ғасырдың 90-жылдарының басында Қытай, Сычунь провинциясы, Мянъян қаласында табылған. 1992 жылы Жуань Миндао сынды қытай ғалымдары бұл қолжазбаға «Сиюй дили ту шо», яғни «Батыс өңірдің географиясының иллюстрациялық баяны» деген ат қойып, оны баспадан шығарған (қараңыз: Жуань Миндао (реттеген), Батыс

Тіпті, аталмыш қолжазбадағы қазақ туралы жалпы мәтіннің өзі осы жолғы қазақ елшілігі кезінде жиналған мағлұматтардың негізінде жазылған. Цин ұлықтары үшін қазақтардың Қашқар сынды жерлерде төбелерін көрсетуі ерекше оқиға болып есептелінетіндігі мына себептен болар: ол аталмыш өлкенің экономикасы мен қауіпсіздігі үшін ескертілуге тиісті жаңа фактордың пайда болғандығын білдіреді. Ал Қазақ қауымы Цин патшалығының өздеріне деген бастапқы ықыласын пайдаланып, Үрімжі сынды жерлерде әлдеқашан жүргізіле бастаған сауданы сонау Қашқарияға дейін ресми түрде созып апаруды ойластырған тәрізді. Цин ұлығы Юнгуйдің жоғарыдағы мәлімдемесіне қарағанда, Қашқарға жеткен әлгі қазақ елшілері өздерінің сонда барғандығын екі себеппен түсіндірген: а) Цин патшалығының Қашқарияда құрған билік жүйесі қазақ сынды сол өлкеге жақын тұратын халықтардың сонда барып аман-есен сауда жасап қайтуларына кепілдік береді; ә) Өздерін жіберген қазақ көсемдері осыған дейін Цин патшалық ордасына елшілерін жіберіп, «Ұлы Еженнің мейірімділігіне бөленіп» үлгірген. Қазақ елшілері осындай уәждерін айтып, өздерінің Қашқария жеріне сауда жүргізулеріне рұқсат беруді сұраған.

Жоғарыда айтылғандай, Қазақ-Цин қарым-қатынасы әуелі «өзара пайда көрсету» қағидасының негізінде басталған. Батысқа қарай жылжыған Цин патшалығы мен шығыстағы көне жұрттарына оралған қазақ қауымы 1757–1759 жылдар аралығында осы қағиданың шеңберінде жеткілікті түрде селбестік байланыстарды орнатқан. Осы кезеңде, «жоңғарларды тыныштандыруды» басты мақсат еткен Цин патшасы мен оның «батыс өлкеге» жіберген қолбасшылары ғасыр бойы шайқасып келген қазақтар мен жоңғарлардың қайшылығы мен жанжалдарын мейлінше пайдаланып, қазақ армиясының Жоңғария жерлеріне дейін еніп барып жоңғар қалмақтарын қуғындау әрекеттерін құптаған. Сонымен байланысты, олар әу баста қазақ қауымының шығысқа қарай көшу ісіне де соншалықты қарсылық көрсетпеген. Бұдан тыс, қазақ жылқысына қол жеткізуді өздерінің аталмыш өңірлердегі тіршіліктеріне аса маңызы бар екендігін түсін-

---

өңірдің географиясының иллюстрациялық баяны (қытай тілінде). Яньбянь университеті баспасы, 1992 (阮明道整理、刘景宪满文翻译:«西域地理图说», 延吉:延边大学出版社1992年).

ген Цин билеушілері алдымен Үрімжіде, сонан соң Құлжа жерінде «жылқыға жібек» сауда жәрмеңкелерін аша бастаған. Ал бұл шаралар Цин патшалығының Жоңғария мен Қашқария жерлеріндегі тың игеру, әскери жорық жасау және басқа да іс-шараларына қажетті қаржылық мәселелерін шешіп беруге, аталмыш өңірлерге бағытталған отаршылық саясатын іске асыруға мүмкіндік тудырған.

Қазақ билеушілері өздерінің Цин билігімен орнатқан қарым-қатынасын одан әрі пайдалану арқылы аталмыш қағида шеңберінде өз қауымына көбірек пайда әкелмек болған. Бұл да болса түсінікті жайт. Кез келген ортаазиялық билеушілері сияқты, қазақтың хан-сұлтандары да биліктерінің заңдылығын (легитимдігін) тек өздерінің төре тұқымынан екендігімен немесе батырлығымен ғана дәлелдей алмайды, ол үшін олар өзі бастап жүрген жұртқа тұрақты түрде нақты пайда әкелетін іс-әрекеттер жасап тұрулары керек. Ал Цин патшалығымен жақындасып, олармен сауда байланыстарын орнатқан шақта қазақ билеушілері мына жайттарды ескерген болса керек: Цин патшалығымен тату-тәтті қарым-қатынаста болу қазақ қауымының шығысқа қарай жылжуына азырақ кедергі болумен бірге екі ел арасындағы сауда-саттық істеріне де оң ықпалын тигізіп, сол сауда байланыстарына қауіпсіздік жағынан кепілдік бере алады. 1762 жылы (цяньлун жылнамасының 25-жылы) Қашқарға барған қазақ елшілерінің сондағы Цин ұлықтарына «біздің елшілеріміз Бейжіңге барып патшаның қамқорлығына ие болды» дегендігінің сыры да осында жатыр. 1762 жылдан кейінгі бір-екі жыл ішінде, әлгі тұңғыш елшілердің өкшелерін басып Қашқарияға барған бірнеше шағын сауда керуені сипатындағы қазақ миссиялары болған. Бұл миссиялардың барлығы Абылай хан, Қабанбай батыр сынды қазақтардың әйгілі хан-сұлтандары немесе қарадан шыққан ел көсемдерінің атынан жіберілген. Қашқарияға барған бұл топтардың қатарында Қазақ даласының оңтүстігіндегі Ұлы жүзден де, солтүстігіндегі Орта жүзден адамдар болған. Ал олардың барлығы аздап мал айдап барған¹. Бұл мынаны білдіреді: жер-жерден бар-

¹ Осы миссияларға қатысты мәліметтер мына мәнжу мұрағат құжаттар жинағында сақталған: 1. «Жинақ» (2), 248-254-бб.; 2. «Жинақ» (2), 265-267-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 142-3143-бб.) және «Жинақ» (2), 293-295-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 186-188-бб.); 3. «Жинақ» (2), 283-285-бб. (ЦСМАХ,

ған қазақ миссияларының барлығы Цин билеушілерінен сыр тарту мақсатында солардың құзырындағы Қашқария жерлеріне барған. Барғандардың барлығы өз иелері мен Цин патшасы арасында ресми түрде қарым-қатынас орнатқандығын айтып, Қашқариядағы Цин ұлықтарын иландыру арқылы қазақ қауымының сонда барып сауда жүргізулеріне жол аштырмақ болған.

Қашқарияда орналасқан Цин ұлықтары әуелі қазақтардың Цин патшалығының құзырындағы мұсылман қалаларына барғандығын қуана-қуана қабылдаған. Аталмыш қазақ елшілерінің кейбір орынсыз талаптары тойтарылғандығы² болмаса, барған қазақ елшілерінің барлығы Цин ұлықтары тарапынан жақсы қарсы алынған, олардың апарған малдарынан салық алынбай-ақ саудаға салынған. Бұл тиісінше мынаны білдіріп тұр: Қашқариядағы Цин ұлықтарының алғашында патшаларының Үрімжі мен Құлжа сынды жерлерде қазақтарға арнап базар ашқандағы ой-пиғылы мен сол саудадағы ұстанбақ болған саясаты хақында соншалықты айқын түсініктері болмаған; Олар қазақтардың Қашқарияға қарай жол тартқандығын жақсы нышан деп бағалап, қазақтардың «қалаларыңызға келіп сауда жүргізсек» деген талаптарын мақұл етіп, сол арқылы патшаларының «мейірімділігін» одан әрі дәріптемек болған. Сол себептен, олар келген қазақ елшілерін кері жолға салған соң барлығы өз патшалары Цяньлунға масайрана мәлімдеме жазып, өздерінің әлгі қазақ елшілерін қалай қарсы алғандарын және солардың өтініштерін патшаға жеткізуге уәде бергендерін хабарлап, патшаларының өздерін мадақтауынан үміттенген. Алайда, Цин патшасы Цяньлунның реакциясы мүлдем басқаша болып шықты.

Шындығына келгенде, Цин патшасы мен оның Әскери істер басқармасының (Ұлы кеңесінің) ұлықтары сонау Үрімжі мен Құлжа жерлерінде базар ашып қазақ саудагерлерін тарту жөнінде жоспар

63-том, 304-306-бб.); 4. «Жинақ» (2), 514-517-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 446-449-бб.).

² Мысалы, Инеш пен Қайдар сынды қазақ адамдары «біз құлдар мен мылтық сатып алсақ» деп талап қойған (қараңыз: «Жинақ» (2), 265-267-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 142-3143-бб.) және «Жинақ» (2), 293-295-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 186-188-бб.). Мұндай талапқа Цин ұлықтары рұқсат бере алмайтындығы анық.

құрған шақта-ақ қазақ жылқысына қол жеткізуді Циннің жаңадан бағындырып алған жерлеріндегі экономика, әскери және қаржы мәселелеріне қатысты стратегиялық маңызы бар іс ретінде қарастыра бастаған. Бұл істі сәтті атқарып шығу үшін Цин билігі әуелден бастап қазақ жылқысын қайткенде төмен бағамен қолға түсіруді ойластыра бастаған. Сөйтіп, аталмыш саудада монополия саясатын жүргізуді көздеген. Үрімжідегі сауда жәрмеңкесін¹ ашқан кезде Цин патшалық үкіметі саудаға салатын торғын-торқаларын сонау Цзяннань (江南), яғни Янцзи өзенінің оңтүстігіндегі Сучжоу, Янчжоу сынды жерлерден жоспарлы түрде өндіріп, үкіметтік керуен бекеттері арқылы тасымалдап, Үрімжіге жеткізетін². Сонымен бірге, қазақтармен саудаласатын «саудагерлер» де іс жүзінде Үрімжіде тұратын мәнжу-қытай әскерлері болатын. Осы себептен де, Цин үкіметі сауданың қалай жүргізіліп жатқандығын өз бақылауына алып, сауданың бағаларын, әсіресе өздерінің тасып әкелдірген торғын-торқалардың бағаларын өз пайдаларына қарай бекітуге ыңғайлы жағдай жасаған. Ал қазақтардың кенеттен Қашқарияда пайда болып, сонда мал айдап барып сауда жүргіземіз деген талабы Циннің өз ырқына қарай қалыптастыра бастаған сауда қатынасына әсерін тигізуі әбден мүмкін еді, өйткені, егер қазақтармен арадағы сауда Қашқария жеріне жайылып барса, онда қазақтар көбірек базар мен тауар талдау мүмкіндігіне ие болып, саудаға салынатын тауарлардың бағалары да тиісінше еркіндеу болады. Демек, қазақтардың Қашқарияға барып сауда жасауына рұқсат берген жағдайда Цин патшалығының қазақ-

¹ Үрімжі жеріндегі сауда жәрмеңкесі цянълун жылнамасының 23-жылы (1758) бастап, цянълун жылнамасының 30-жылына (1765 жылға) дейін жалғасқан. Ал қазақ саудагерлері Цин құзырындағы Құлжа жеріне тұңғыш рет цянълун жылнамасының 25-жылы, яғни 1760 жылы барған (қараңыз: ЦСМДХ, 48-том, 304–341-бб., Цин ұлығы Агуй сындылардың жазған мәлімдемесі). Дегенмен, Құлжа жеріндегі сауданың қарқыны содан бірнеше жыл кейін басталған, ал ондағы ең үлкен себеп – Үрімжідегі сауда қазақ қауымының сәлдебоз сынды кездемелерге деген сұранысын қамти алмаған және Қашқариядан шығатын сондай кездемелер Құлжа жеріне ағыла бастаған. Осы жағдайды байқаған Цин билігі дереу Құлжадағы сауда ісін де үкіметтің бақылауына алып, өздерінің монополия саясатын жүргізе бастаған (төмендегі мәтінге қараңыз).

² Лин Юнкуан және Ван Си 1991, 197-б.; Фань Цзиньмин 2005.

тармен арадағы сауда қатынастарында қолданып жүрген монополия саясатына соққы болатындығы сөзсіз еді. Сондықтан да, Цин патшасы Цяньлун Қашқарияда тұратын Юңгуй сынды ұлықтарынан келген әлгі мәлімдемелерді оқи салып дереу сол ұлықтарға бұйрық түсіреді. Цяньлун жылнамасының 28-жылы 5-айдың 26-күні, яғни 1763 жылғы 6 шілдеде жазылған бұл бұйрықта былай делінген:

«Осыдан бұрынырақ, қазақтар Іле мен Үрімжіде саудаласқанда, олардың жақсы деген аттарының өзі 3-4 сәрі күміс ақшаға тұратын, ал қарапайым аттары 2-3 сәрі күміске ғана бағаланатын. Ал қазақтар да, хуэйсылар³ да пайдақор ұсақ адамдар. Егер біз оларға хуэйсылардың жеріне барып сауда жасауларына рұқсат беретін болсақ, онда хуэйсылар пайда қуу үшін біздің Іле мен Үрімжіде бекіткен жылқы бағаларымызды көтеріп жібереді, қазақтар да жоғары баға үшін сол хуэйсылардың жеріне барады. Ондай жағдайда, біздің Іле мен Үрімжі жерлеріміздегі сауда тоқтап қалады ... Бұдан әрі, егер қазақтар жылқы айдап хуэйсылардың жеріне сауда жасап барса, сендер қатаң түрде хуэйсылардың олармен астыртын түрде сауда жасауларына тыйым салып, барлық жылқыларды үкімет тарапынан сатып алдыруларың керек. Сендер ондағы жылқының бағасын сөзсіз Іле мен Үрімжідегіден төмен ұстап, қазақтарға ешқандай пайда көрсетпеулерің керек»⁴.

Цяньлунның бұл бұйрығы Қашқариядағы Цин билеушілері үшін сонда барған қазақтарға қандай саясат қолдану керек екендігін және оны қалай істеу керек екендігін нақтылап көрсетіп отыр. Осы бұйрық түсірілгеннен кейін көп ұзамай, яғни 1764 жылы қаңтар айында (цяньлун жылнамасының 29-жылы 1-айда) Қабанбай батыр жіберген Айту есімді қазақ бастаған шағын сауда керуені Қашқарға жетеді. Сонда, Қашқардағы Цин ұлықтары өз патшаларының бұйрығында үйреткен айлакерлікпен әлгі қазақтардың сауда жасауына кедергі келтірген⁵. Содан кейінгі 1 жыл уақыт ішінде қалыптасқан Қашқария жерлеріне қатысты Цин патшалық мұрағат құжаттарында

³ Яғни Орта Азиядағы отырықшы мұсылмандар.

⁴ ЦСМДХ, 65-том, 35–36-бб., Қашқардағы ұлық Нашитунның цяньлун жылнамасының 28-жылы 9-айдың 25-күні, яғни 1763 жылғы 31 қаңтарда жазған мәлімдемесі.

⁵ «Жинақ» (2), 514-517-бб. (ЦСМАХ, 63-том, 446-449-бб.).

«қазақтар осында келді» деген мазмұндағы ешқандай мәлімет кездеспейді. Дегенмен, қазақтардың Қашқариядан уақытша көрінбей кеткені Цяньлунның аталмыш бұйрығының кесірінен емес, Қашқариядағы кезекті дүрбелеңнің әсерінен болған еді.

Асылы, XVII ғасырға дейінгі қазақ хан-сұлтандары мен Қашқария, Тұрпан сынды жерлерді билеп тұрған Шағатай ұрпақтары арасында саяси-құдандалық байланыстар болып тұрған, сондай-ақ бұрынғы Шағатай ұрпақтары билеген өңірлердегі этникалық өзгерістер қазақ этносына да өзіндік ықпал тигізген болатын¹. Демек, Қашқария – қазақ қауымы үшін мүлдем жат жер емес. XVIII ғасырдың екінші жартысындағы қазақ көсемдерінің естерінде Қашқарияға қатысты өз ата-бабаларының тіршіліктерінен қаншалықты елес бар екендігі бізге беймәлім, дегенмен, тиісті Цин патшалық дереккөздеріне қарағанда, мына жайт айқын: Қашқарияға қайта ену осы XVIII ғасырдың екінші жартысында өмір сүріп жатқан қазақ билеушілерінің саналарында бар екендігі даусыз – сонау 1757 жылғы жоңғарларға қарсы жорықтар жүргізген шақта, Абылай хан, Әбілпейіз сұлтан сынды қазақтың хан-сұлтандары қазақ армиясын бастап Қашқарияға дейін баруды жоспарлаған².

Дегенмен, 1759 жылғы Қашқарияда болған көтерілістен кейін Қашқарияның барлық жерлері Цин патшалығының тікелей билігінің астына алынады. Аталмыш көтерілісті бастаған қос қожа, яғни қожа Бұрхан ал-Дин мен Қожа-и Жаһанның ұрпақтары батыс жақтағы көрші өңірлерге қашып барады (бұлар келесі бір ғасыр бойы Цин

¹ Қараңыз: *Еженханұлы Б.* «Карталар мен жолжазба дереккөздерінде көрініс тапқан Цин патшалығының қазақ туралы алғашқы ұғымдары» // Қытай Қоғамдық ғылым академиясы, Этнология және антропология институты шығаратын «Этникалық-ұлттық зерттеулер» журналы, 2018 ж., 2-сан, 71-83-бб. (巴哈提. 依加汉: 《从地图和纪行史料看清朝对哈萨克的早期认识》, 载中国社会科学院民族学与人类学研究所主办: 《民族研究》 (Ethno-National Studies) 2018年第2期, 71-83页, 北京, 2018年).

² «Да Цин ли чао Гаозун (Цяньлун) чунь хуанди шилу», 555-цзюань, 17–19-бб., цяньлун жылнамасының 23-жылы 1-айдың «синь хай» күнге (1758 жылғы 3 наурызға) арнаған естелік. Сондай-ақ қараңыз: ПДЖФЛ(Чж), 49-цзюань, 9-бет. Бұл дереккөздің арғы қайнары мына мәнжу құжаты болып табылады: Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатының «Цзюньцзи чу маньвэнь луфу» құжаттар топтамасының ішіндегі мына нөмірлі құжат: 1677-017 (микрофильм бойынша 047-2347).

патшалығына қарсы іс-әрекет жасап, Циннің Қашқариядағы билігіне қауіп төндіреді). Ал 1765 жылға (цяньлун жылнамасының 30-жылы) келгенде, Цин билеушілерінің көрсеткен қорлығына шыдай алмаған Үштұрпан жеріндегі халық қайтадан көтеріліс жасайды.

Мұндай жағдайлардың әсері өзге Ортаазия халықтарына да тимей қоймайтындығы анық. Ортаазиялық билеушілерінің жан-жаққа хат жазып, Цин патшалығына қарсы одақ құру туралы үгіт-насихат жүргізеді. Сол үгіт-насихаттардың бір қыры ретінде олар қазақтарды Цин патшалығымен сауда жасамауға да шақырған. Осыған байланысты Ш.Ш. Уәлиханов былай деп жазады:

«Осымен бірге, ауғандықтар мұсылмандарды қытайларға қарсы тұруға қоздырмақ болған. Олар сондай-ақ хат жазу арқылы қырғыздарды³ Құлжа жеріне саудаға бармауға көндірмек болған ... 1764 жылы жазда, Ердана Абылайға хат жазып, Абылайды газаватқа қатысуға шақырған. Ол хатында мынаны мәлімдеген: аталмыш жорыққа қашқарлықтар көмек қолдарын созуға ант берген»⁴.

Алайда, қазақ қауымы мұндағы айтылған соғыс одағын құру туралы үгіт-насихатқа ғана емес, сауда жасамау туралы үндеуге де құлақ аспаған. 1764 жылдың көктемі мен 1765 жылдың күзіне дейінгі аралықта, қазақтар Қашқария жеріндегі саяси жағдайға байланысты сонда бармағанымен, олар Құлжа жеріне барып сондағы «жылқыға жібек» саудасына қатысуды бәрібір жалғастыра берген – бұған дәлел бола алатын мәнжу тілді мұрағат құжаттар жеткілікті⁵. Одан тыс, Үштұрпандағы аталмыш көтеріліс Цин патшалық тарапынан басып тасталғаннан кейін көп ұзамай-ақ қазақтар қайтадан Қашқария жеріне қызығушылық танытып⁶, сонда елші жібере бастаған.

³ Яғни қазақтарды.

⁴ Валиханов. Сочинение, Т. 3, С. 324.

⁵ Лин Юнкуан және Ван Си 1991, 197-б. Лин Юнкуан және Ван Си пайдаланған мәнжу құжаттары 2012 жылы шыққан ЦСМДХ кітап сериясының 66–67-томдарына енгізілген.

⁶ Қазақтардың Қашқарияға қызығушылық танытқандығын мына жайттардан білуге болады: 1766 жылы 23 сәуір күні (цяньлун жылнамасының 31-жылы 3-айдың 15-күні) және сол жылғы 18 мамыр күні (цяньлун жылнамасының 31-жылы 4-айдың 18-күні), Ұлы жүз үйсін қазақтарының сауда керуені екі мәрте Құлжа жеріне жеткен, және екі реткі барған қазақтар да Үштұрпандағы дүрбелеңнен кейінгі Қашқариядағы жағдайды сұраған (қараңыз: ЦСМДХ, 78-том, 373–375-бб.; 79-том, 103–106-бб.).

1765 жылы 10 қараша күні (цяньлун жылнамасының 30-жылы 9-айдың 27-күні), Орта жүз қазақтарының сұлтаны Әбілпейіздің атынан Қашқарға елші жетеді. Бұл жолғы елшілікпен байланысты қалыптасқан тарихи құжаттар арасынан бізге тек Қашқардағы Цин ұлығы Бокунның жазған бір мәлімдемесі жеткен. Бокунның осы мәлімдемесіне қарағанда, Әбілпейіз сұлтанның елші жіберуіндегі негізгі мақсат – Бокунға сәлем айтып тарту-таралғы жасау-мыс. Дегенмен, Бокун мына жайтты да айтып қалған: өзімен сұхбаттасқан кезде, қазақ елшісі Үштұрпанның тынышталғанын құттықтаумен бірге қазақ жұрты мен қырғыздардың татуласқандығын да баяндап берген¹. Демек, Әбілпейіздің сонау Шыңғыстау-Тарбағатай өңірінен елші жіберуіндегі мақсат тек шалғайдағы бейтаныс Цин ұлығына тарту-таралғы жасау үшін емес, оның көздегені тағы да сол қазақ қауымы үшін қауіпсіздігі қалпына келген Қашқарияға баратын сауда жолын ашу еді.

Алайда, Бокун сияқты Цин ұлықтары бұл жолы қазақ елшілерін ыстық ықыласпен қабылдай қойған жоқ. Осы жолғы қазақ елшілігіне қатысты Бокун де, тиісті өзге Цин ұлықтары да арт-артынан патшаларына мәлімдеме жазып, өздерінің қазақтарды жолатпайтындықтарын айтып жатты². Цин ұлықтарының бұл қылықтары әлгі цяньлун жылнамасының 28-жылы 9-айдағы патша бұйрығымен (жоғарыдағы мәтінге қараңыз) тікелей қатысты екендігі даусыз, өйткені, осы мәліметтердің барлығында Цяньлун айтқан «Іледегі үкімет тарапынан атқарылып жатқан сауда ісімізге кедергі келтірмеу керек» деген сөздер қайталанған. Сонымен бірге, енді ғана дүрбелеңнен шыққан Қашқариядағы аталмыш Цин ұлықтары өз жерлеріндегі қауіпсіздік мәселесіне де бұрынғыдан көбірек назар ауда-

¹ ЦСМДХ, 76-том, 158–160-бб., «Қашқардағы байта-и-ичихияра-амбан Бокунның мәлімдемесі, мұнда қазақ уаңы Әбілпейіздің елші жіберу арқылы тарту-таралғы жасап, Үштұрпанды қайта тыныштандырғандығымыз үшін бізді құттықтағандығы айтылғаны» атты құжат.

² ЦСМДХ, 77-том, 244-б., Үштұрпандағы Цин ұлығы Юңгуйдің цяньлун жылнамасының 30-жылы 12-айдың 5-күні, яғни 1766 жылы 15 қаңтарда жазған мәлімдемесі; ЦСМДХ, 77-том, 349–352-бб., Яркенттегі Цин ұлығы Елжиңенің цяньлун жылнамасының 30-жылы 12-айдың 22-күні, яғни 1766 жылғы 1 ақпан күні жазған мәлімдемесі.

рып, оны қазақтардың іс-әрекеттерімен байланыстырып қарастыра бастағандықтары байқалады³.

Осындай жағдайға байланысты, қазақтарды Қашқарияға жолатпау үшін Цин үкіметі ақыры бір саясатты ойлап табады. Бұл саясат Цин патшалығымен сауда жасаймыз деген ортаазиялық саудагерлердің сауда серіктестерін таңдау құқықтарын шектеумен ерекшеленеді. Осы саясат бойынша, қазақтар Қашқарияға барып сауда жасауларына мүлдем болмайды. Ал Орта Азиядағы отырықшы халықтарының Қазақ жеріне барып сауда жасауларына рұқсат беру-бермеу мәселесіне келгенде, Цин ұлықтары біраз уақытқа дейін бір байламға келе алмаған тәрізді. Сауда-саттық ісінің ортаазиялық отырықшы халықтарының өміріндегі маңызды орнын ескерген Цин ұлықтары әуеліде олардың жаппай Қазақ жеріне баруларына рұқсат бермек болған. Алайда, істің атқарылуы барысында Қашқариядан шыққан саудагерлерге қаншалықты еркіндік беру керек деген мәселе Цин ұлықтарын мазалай бастаған⁴. Сонымен бірге, Цин

---

³ Мәнжу құжаттарында мына бір жайт айтылады: Қашқариядағы Цин ұлықтары Үштұрпандағы көтеріліс туындаудан бұрын да, одан кейін де көрші өңірлерге тыңшыларын жіберіп, қазақтардың іс-әрекеттерін бақылатқызған (қараңыз: ЦСМДХ, 74-том, 186–189-бб., Қашқардағы Цин ұлығы Бокунның Үштұрпандағы Цин ұлығы Юңгуйдің цяньлун жылнамасының 30-жылы 6-айдың 5-күні, яғни 1766 жылғы 22 шілдеде жазған мәлімдемесі; ЦСМДХ, 83-том, 6–8-бб., Үштұрпандағы Цин ұлығы Юңгуйдің цяньлун жылнамасының 32-жылы 2-айдың 1-күні, яғни 1767 жылғы 28 ақпанда жазған мәлімдемесі).

⁴ Бұл жағдайды мына мұрағат құжаттардан оқып білуге болады: ЦСМДХ, 82-том, 303–304-бб., Іледегі (Құлжадағы) Цин ұлығы Агуйдің цяньлун жылнамасының 31-жылы 12-айдың 29-күні, яғни 1767 жылғы 26 қаңтарда жазған мәлімдемесі; ЦСМДХ, 83-том, 8–12-бб., 279–281-бб., 425–428-бб., Үштұрпандағы Цин ұлығы Юңгуйдің цяньлун жылнамасының 32-жылы 2-айдың 1-күні (1767 жылғы 28 ақпан), 4-айдың 8-күні (1767 жылы 5 мамыр) және 5-айдың 14-күні (1767 жылғы 10 маусым) жазған 3 мәлімдемесі; ЦСМДХ, 83-том, 12–17-бб., 86–90-бб., 149–153-бб., 425–428-бб., Қашқардағы Цин ұлығы Токтодың цяньлун жылнамасының 32-жылы 2-айдың 1-күні (1767 жылғы 28 ақпан), 2-айдың 17-күні (1767 жылғы 16 наурыз), 3-айдың 1-күні (1767 жылғы 30 наурыз) жазған 3 мәлімдемесі; ЦСМДХ, 85-том, 274–276-бб., Қашқардағы Цин ұлығы Токтодың цяньлун жылнамасының 32-жылы 9-айдың 2-күні (1767 жылғы 24 қазан) жазған мәлімдемесі.

билігінің түсінігі бойынша, сауда үшін Қазақ жеріне баратын қашқарлықтарға бақылау жасалғанымен, олар мен қазақтар арасындағы тікелей қарым-қатынас Циннің экономикалық монополия саясаты мен қауіпсіздік шараларына бәрібір нұқсан келтіруі ықтимал еді. Осыларды ескерген Цин билеушілері ақыры мына шешімге келеді: Цин патшалығына қарасты қашқарлықтар тек әндіжандықтармен, қоқандықтармен және бұрыттармен (қырғыздармен) саудаласуға болады; Әндіжандықтарға, қоқандықтарға және бұрыттарға Қазақ жеріне сауда жасап баруларына болады; Ал қазақтар тек Циннің құзырындағы Іле (Құлжа), Тарбағатай (Шәуешек) сынды жерлерге ғана мал айдап апарып сауда жасау керек¹.

Цин патшалығы тарапынан жасалған осы кедергілерге қарамастан, қазақтың хан-сұлтандары осыдан кейін де елшілерін жіберіп, Цин билеушілеріне Қашқариядағы базарды ресми түрде ашып беру жөніндегі талаптарын біраз уақытқа дейін жалғастырған. 1768 жылы (цяньлун жылнамасының 33-жылы) көктемде, Абылай хан осы іске байланысты Қашқарға тағы бір мәрте өз елшісін жібереді. Жоғарыдағы айтылған Әбілпейіз сұлтанның атынан 1765 жылы қарашада Қашқарға жеткен елшілікпен салыстырғанда, осы жолғы Абылай ханның атынан барған елшілік туралы біз анығырақ мағлұмат алып отырмыз, өйткені, Цин патшалық мұрағатында осы жолғы қазақ елшілігі туралы көбірек құжаттар қалыптасқан². Осы

¹ Қараңыз: жоғарыда аталған Цин ұлықтарының мәлімдемелері; сондай-ақ қараңыз: «Да Цин ли чао Гаозун (Цяньлун) чунь хуанди шилу», 780-цюань, 16–17-бб., цяньлун жылнамасының 32-жылы 3-айдың «сюй чэн» күнгі (яғни 1767 жылғы 2 сәуір күнгі) естелікте сақталған Цин патшасы Цяньлунның жарлығы; 787-цюань, 11–12-бб., цяньлун жылнамасының 32-жылы 6-айдың «цзя инь» күнгі естелікте сақталған Агуйдің мәлімдемесі.

² Мұнда мынадай құжаттарды атауға болады: 1. Қашқардағы Цин ұлығы Илетудің цяньлун жылнамасының 33-жылы 2-айдың 23-күні (1768 жылғы 30 мамыр) жазған мәлімдемесі (бұл құжат осы тараушаның басында көрсетілген); 2. Абылай ханның Қашқардағы Цин ұлықтарына шағатай (түркі) тілінде жазған хаты (осы тараушаның басында берілген); 3. Абылай ханның аталмыш хатының мәнжу тіліндегі аударма нұсқасы (жоғарыда аталған Цин ұлығы Илетудің мәлімдемесімен бірге сақталған); 4. Илетудің Абылай ханға жазған жауап хаты (бұл да Илетудің мәлімдемесімен бірге сақталған).

құжаттардың ішіндегі біз үшін ең құндысы – жоғарыда айтылған Абылай ханның Қашқардағы Цин ұлықтары мен жергілікті әкім-бектерге жазған хаты. Хаттың алдыңғы бөлігінде, Абылай хан әуелі «сендердің жерлерінде адамдар төбелеріне алтын көтеріп жүрсе де оларға ешкім тиіспейді екен» деген мадақтау сөздерді жазу арқылы Цин құзырындағы Қашқарияның тыныштығын мақтап, Цин билеушілерінің көңілдерін таппақ болған, және осылайша өзінің де осындай тыныштықтың игілігін көргісі келетіндігін астарлы түрде жеткізген. Сонан соң, Абылай хан өзіне қарасты жұрттың қашқарлық саудагер тарапынан алданған оқиғаны айтумен бірге Цин билеушілеріне «сауда жолын аштырып берсеңдер» деген талабын жеткізген.

Демек, Цин патшасының жоғарыдағы аталған бұйрығы мен сол бұйрықтың негізінде жасалынып жатқан кедергіге қарамастан, Абылай хан тағы бір мәрте Цин билеушілеріне «Қашқария базарын қазақтарға ашсаңдар» деген талап қойған. Қазақ көсемдерінің осындай қасарысуының басты себебі – көшпенділер мен отырықшы қауымы арасындағы мәлім деңгейдегі өзара экономикалық сұраныстың болғаны және сол сұраныстан туындаған көлемді коммерциялық пайданың тартымдылығында. Жоғарыда айтылғандай, Үрімжідегі базарды ашып, қазақтармен енді сауда жасай бастағанда, Цин үкіметі сол саудаға салатын тауарды, яғни торғын-торқаларды негізінен Янцзы өзенінің оңтүстігіндегі Суяжоу, Янчжоу сынды жерлерден ұйымдастырып әкелетін. Бұл тауарлар қазақ қауымының кездеме бұйымдарға деген сұранысын мәлім деңгейде қамтыған, алайда, қытайлардың өздері қадірлейтін кейбір тоқыма тауарлар көшпенді қазақтардың күнделікті сұранысымен соншалықты сәйкеседі деуге де келмейді³. Сондықтан да, қазақ қауымы мәнжу-қы-

³ Жоғарыда біз келтірген Чунюань Циши-и (椿園七十一) кітабындағы «қазақтар ... киімді көп қылып киіп алуды сән көреді, тіпті шілденің шіліңгірінде 8-9 қабат киім киіп алады. Олар қытайдың фарфорын, шайын, түрлі-түсті субу кездемесін және бетінде алтын талшықпен гүл салынған мақпалды ұнатады. Ал олар қолдарына тиген қымбат торғын-торқаларды соншалықты қадірлеп те кетпейді» деген сөздерге қарағанда, қытайларда сән-салтанаттың белгісі ретінде қадірленетін қымбат торғын-торқаларды қазекендер қабаттап алып аттың үстінде, топырақ-тікенің арасында болатын күнделікті тіршілікте киіп жүре беретін.

тайлармен сауда қатынасын орнатумен бірге оңтүстіктеріндегі отырықшы көршілерінен келетін, өздеріне әлдеқайда үйреншікті болған тауарларды емін-еркін алуға, тіпті сол үшін жаңа базар ашуға ынталы болған.

Қазақ қауымының оңтүстіктен келетін агро өнімдеріне зәру болатындығы мына бір тарихи деректен де білуге болады: 1772 жылы 3 қыркүйекте, Әбілпейіз сұлтанның атынан Шәуешектегі Цин ұлығы Илетуға шағатай тілінде жазылған бір дана хат¹ жетіп, онда «бізге күріш пен ұн керек болып тұр» делінген. Әбілпейіз сұлтанның Цин ұлығына осылай деуі оның аталмыш тауарларды Циннің құзырындағы жерден алсақ деген ниетінен шығып тұрғандығы анық. Ал сол кездегі Цин патшалығының Жоңғария жерлерінде атқарып жатқан тың игеру шараларының нәтижесі сондағы Цин патшалық әскерлері мен мигранттардың сұранысын қамдауға жетер-жетпестіктей ғана еді. Сондықтан, Әбілпейіз сұлтанның аталмыш тауарларды Цин құзырындағы Қашқария жерінен алмақ ниетте екендігі де белгілі. Демек, Абылай ханның 4 жыл бұрын қойған талабын Әбілпейіз сұлтан қайталап отыр.

Мұнда Үрімжі мен Құлжа жерлерінде өткізілген «жылқыға жібек» сауда ісіне байланысты қазақтар тарапынан жиі наразылық көрсетілетіндігін де айта кетуіміз керек. Қазақ саудагерлерінің наразылығы көбінесе Цин тарапынан берілетін торғын-торқалардың бағасы, түсі және сапасына байланысты айтылып жатады². Сауда кезіндегі жалпы қағида бойынша қазақтар өздері алмақ болған тауарлардың бағасын түсіруді мақсат етіп кейде осылай наразылық білдірулері де мүмкін. Дегенмен, осындай наразылықтың жиі айтылып, ұзақ уақытқа созылғандығы жоғарыда аталған Цин патшалығының монополия саясатының Қазақ-Цин сауда қатынасына келеңсіз жағдайлар тудырып тұрғандығын да көрсетіп тұр. Сол ке-

¹ Бұл хат Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатының «Цзюнь-цзи-чу маньвэнь луфу цзоучжэ» қорында сақтаулы, сақталу нөмірі: 2467-015.

² Мұндай наразылық аталмыш сауда қатынасы басталаған шақта-ақ пайда болған (бұл туралы қараңыз: «Жинақ» (1), 240–244-бб., Цин ұлығы Чеңгунжабтың цяньлун жылнамасының 24-жылы 6-айдың 19-күні, яғни 1758 жылғы 11 маусымда жазған мәлімдемесі. Құжаттың қазақ тіліне аудармасы біздің мына еңбегімізге енгізілген: Еженханұлы Б., 2009 (2), 59–61-бб.).

леңсіздік жағдайдың бір көрінісі – Цин үкіметі аталмыш саудаға салатын тауарларды ұйымдастырғанда қазақтардың нақты сұранысын анықтай алмаған және соған қарамастан өздерінің тауарларын қазақ саудагерлеріне тықпалауды әдетке айналдырған. 1773 жылы Әбілпейіз сұлтанның Құлжадағы Цин ұлығы Шухедеге шағатай тілінде жазған тағы бір дана хатының³ айтылған мына сөздер осының айқын дәлелі:

«Бізден сіздерге саудаға барған қазақтар: «Бізге қоқан-лоқы көрсетіп жатыр» деп келді. Олар: «Біздің сатпайтын малдарымызды зорлап сатқызып, өздерінің адам алмайтын маталарын зорлап бізге береді» деп келді».

Осы хатты тапсырып алған соң, Құлжадағы Цин ұлығы Шухеде цяньлун жылнамасының 38-жылы 7-айдың 7-күні, яғни 1773 жылғы 24 тамызда өз патшасына бір мәлімдеме жазады⁴. Осы мәлімдемеге қарағанда, қазақ жұрты Қашқариядан келетін ақ түсті және қызыл түсті маталарды өте ұнатады екен. Бұның себебі де түсінікті: осы екі түсті маталар сол кездегі қазақтардың күнделікті өміріне, әсіресе олардың некелесу және өлім-жітімге байланысты тіршіліктерінде жиі тұтынылатын. Мұсылман ретіндегі қазақтардың күнделікті киінетін кимешек-шылауыштары мен жейде-дамбалдары болсын, қаралы кезде пайданылатын кебіндері болсын, барлығы ақ түсті матадан тігіледі. Ал қазақ тіліндегі мына мәтел мен тұрақты сөз тіркесінен-ақ қызыл түсті матаның сол кездегі неке жасына келген бойжеткендер үшін қаншалықты қадірлі екендігін байқауға болады:

- Ананың көзі қызында, қыздың көзі қызылда;
- Оң жағын қызарту⁵.

Цин үкіметінің сонау Янцзы өзенінің оңтүстігінен тасып әкелген торғын-торқалары қазақ жұртының осындай күнделікті сұранысын қамти алмаған. Сондықтан да, қазақтардың Қашқария

---

³ Бұл хат Қытайдың Бірінші тарихи мұрағатының «Цзюнь-цзи-чу мань-вэнь луфу цзоучжэ» қорында сақтаулы, сақталу нөмірі: 03-0185-2544-026.

⁴ ЦСМДХ, 114-том, 253–262-бб., «Іледегі цзянцзбнь Шухеденің мәлімдемесі, мұнда қазақтың уаңы Әбілпейіздің сауда ісі және өздерінің бұрыттармен татуласқандығы туралы хат көтергендігі айтылған» атты құжат.

⁵ Мұндағы «қызыл» сөзі киіз үйдің оң жағында орналасқан жас жұбайлардың шымылдығын меңзейді.

сынды жерлердегі елдермен де сауда жасамақ ниетте болатындығы – табиғи құбылыс. Күшке сүйену арқылы қазақтардың сауда кеңістігін тарылтып, сол арқылы қазақ қауымын тек Цин патшалығының құзырындағы сауда кеңістігіне ғана тәуелді етіп қоймақ болған саясаттың өзіндік ықпалы болатындығына қарамастан, ортаазиялық халықтар арасында ежелден келе жатқан аталмыш сауда байланыстың түбегейлі жойылып кетпейтіндігі айдан анық. Бұны біз 1767 жылғы (цяньлун жылнамасының 32-жылындағы) қазақтардың сыртқа жіберген малдарына байланысты қалыптасқан бір топ мәнжу тілді құжаттарында сақталған мына мәліметтен білуімізге болады: осы жылы қазақ саудагерлері Цин патшалығының ашып берген сауда базарларына біршама мол мал айдап апарған¹. Соған қарамастан, дәл осы жылы оңтүстіктен Қазақ жеріне барған ортаазиялық саудагерлер қазақтардың қолдарынан аса мол мөлшерінде мал сатып алып, Қашқария мен соған көршілес өңірге айдап кеткен. Бір дерекке қарағанда, отырықшы қауымнан шыққан мұсылман саудагерлерінің сол жылғы қазақтардан алып қайтқан қойдың өзі 50 000 тұяққа жеткен². Демек, қазақтарға шектеу қою арқылы Цин патшалығы өзінің саудадағы монополиялық орнын сақтап қала алмайды. Қазақ жеріне баратын өзге елдердің саудагерлері қазақ жылқысын кедергісіз жаппай сатып алатын болса, Цин патшалығы ақыры жер сипап қалуы да мүмкін еді.

Осындай жағдайды ескерген Цин билігі жаңадан айлакерлік ойластыра бастайды. Цяньлун жылнамасының 38-жылынан (1773 жылдан) кейін, Цин үкіметі бұрынғы шектеу амалынан тыс тағы екі түрлі шараны қолға алады. Ол шаралар әлгі Орта Азияның отырықшы халықтарынан Қазақ жеріне апарылатын негізгі тауарларды, яғни боз-маталарды мұсылман саудагерлердің қолдарынан тартып алып, сол тауарларды Циннің ресми сауда айналым жүйесіне енгізуге бағытталған.

Бірінші шара Қашқариядан апарылатын маталардың түсіне қатысты болған. Құлжадағы Цин ұлығы Илетудің цяньлун жылна-

---

¹ Осы жылғы Цин патшалығымен тікелей жасалған сауда жәрмеңкелеріне апарылған қазақ малдарының саны туралы қараңыз: Лин Юнкуан және Ван Си 1991, 338–351-бб., 417–426-бб.

² ЦСМДХ, 84-том, 290–294-бб., Әскери істер басқармасынан (Ұлы кеңестен) жіберілген мәлім хат.

масының 38-жылы 8-айдың 25-күні, яғни 1773 жылғы 10 қазанда жазған бір мәлімдемесіне қарағанда, Цин үкіметі тарапынан сол жылға дейін әр жылы қазақтармен сауда жасау мақсатында Яркент, Қотан және Қашқар сынды қалалардан Құлжа жерінен тек қанық жасыл және сұр түсті боздардың өзіннен 3 300 топ тасымалдап тұрған екен. Қазақтардың ондай түстерге қарағанда қызыл түсті жақсы көретіндігін білген Цин билеушілері сол жылдан бастап қанық жасыл және сұр түстілерді тоқтатып, орнына қызыл түстілерді апаратын болған³.

Екінші шара – Цин үкіметіне тапсырылатын боз-маталардың санын арттырып, Қашқариядағы қалаларға бөліп берілетін міндеттерді күрт ұлғайту болған. Шындығын айтқанда, Үрімжіден кейін Құлжа мен Шәуешек жерлеріне ауыстырылған Қазақ-Цин сауда жәрмеңкелері Қашқариядан әкелінетін боз-маталардың арқасында гүлдене бастаған. Қашқариядан өндірілетін боз-маталарды Құлжа мен Шәуешек жерлеріне тасып апару арқылы өз үкіметтеріне үлкен пайда әкелетіндігін⁴ түсінген Цин ұлықтары цяньлун жылнамасының 38-жылы, яғни 1773 жылдан бастап аталмыш тауарлардың санын көбейткен және сол көбейтудің қарқынын цяньлун жылнамасының 57-жылына дейін, яғни 1792 жылға дейін жалғастырған⁵.

³ ЦСМДХ, 115-том, 209–212-бб.

⁴ Цин патшалығының қашқариялық тауарлар арқылы қазақтармен саудаласып, үлкен пайдаға ие болғандығы және ондағы саудаға салынған тауарлардың саны туралы қараңыз: Лин Юнкуан және Ван Си 1991, 384–406-бб. (әсіресе 405–406-бб.).

⁵ Бұған байланысты мына мәнжу құжаттарында нақты мәліметтер сақталған: ЦСМДХ, 116-том, 84–86-бб. және 336–337-бб., Яркенттегі Цин ұлығы Кичененің цяньлун жылнамасының 38-жылы 9-айдың 24-күні (1773 жылғы 8 қараша) және 38-жылы 10-айдың 19-күні (1773 жылғы 2 желтоқсан) жазған екі мәлімдемесі; ЦСМДХ, 153-том, 120–124-бб., Құлжадағы Цин ұлығы Илетудің цяньлун жылнамасының 47-жылы 10-айдың 7-күні (1782 жылғы 11 қараша) жазған мәлімдемесі; ЦСМДХ, 155-том, 81–83-том, Қашқардағы Цин ұлығы Аяңаның цяньлун жылнамасының 48-жылы 3-айдың 11-күні (1783 жылы 12 сәуір) жазған мәлімдемесі; ЦСМДХ, 165-том, 36–38-бб., 172-том, 409–411-бб. және 187-том, 435–439-бб., Қашқардағы Цин ұлығы Баочэнның цяньлун жылнамасының 49-жылы 8-айдың 25-күні (1784 жылғы 9 қазан), цяньлун жылнамасының 51-жылы 3-айдың 25-күні (1786 жылғы 23 сәуір), цяньлун жылнамасының 54-жылы 1-айдың 25-күні (1789 жылғы 19 ақпан) жазған 3 мәлімдемесі; 188-том, 252–253-бб., Қашқардағы Цин ұлығы Миңляңның цяньлун

Арт-артынан «кемелдендіріліп», жаңаланып тұрған Цин билігінің бұл саясаты қазақ қауымының өздері мен Цин патшалығы арасындағы сауда қатынасты ресми түрде Қашқарияға дейін жалғастыру жөніндегі жоспарларына ақыры тосқауыл болған. Дегенмен, бұл жерде мына бір жайтты ескеру керек: Қазақтарда Қоқан мен Өндіжан жерлері арқылы Қашқарияға сауда керуен жіберу дәстүрі болған. Осы бір бейресми түрде Қашқарияға адам жіберу дәстүрі кейінге дейін жалғасқан. Мысалы, Қашқариядағы Цин ұлығы Фуцзюньнің цзяцин жылнамасының 5-жылы кібісе 4-айының 22-күні, яғни 1800 жылғы 14 маусымда жазған бір мәлімдемесінде қазақ адамының қашқариялық саудагерлермен бірге Қашқар жеріне жеткендігін жазады¹.

Осылайша, Цин патшалығының қатаң шектеуінің кесірінен, қазақтар көбінесе тікелей өз адамдарын жібермей, ортаазиялық отырықшы халықтардан шыққан делдалдар арқылы Қашқариядағы сауда істерін жүргізіп отырған. Мәнжу құжаттарында мынадай жағдай айтылады: XVIII ғасырдың 80- және 90-жылдары кейбір қазақ төрелері өздерін ортаазиялық мұсылман саудагерлерінің («хуэйсы» саудагерлерінің) қорғаушысы немесе иелері етіп көрсетіп, Цин билеушілеріне наразылық немесе өтініштерін білдіріп тұрған. Мысалы, Сөк сұлтанның өзіне қарасты ортаазиялық саудагердің мүддесін қорғау мақсатында жіберген елшісі цянълун жылнамасының 49-жылы 9-айдың 20-күні (1784 жылғы 2 қараша) Құлжадағы Цин ұлығы Илетудің қабылдауында болса, Досәлі сұлтанның да сондай мақсатта жіберген елшісі цянълун жылнамасының 55-жылы 8-айдың 4-күні (1799 жылғы 12 қыркүйек) Құлжадағы Цин ұлығы Юнбаодың қабылдауында болған².

жылнамасының 54-жылы 4-айдың 15-күні (1789 жылғы 9 мамыр) жазған мәлімдемесі; 195-том, 157–163-бб., Цин патшалығының Қазына уәзірлігі (戶部) тарапынан цянълун жылнамасының 57-жылы 3-айда жазылған 3 дана мәлім хаты.

¹ ЦСМДХ, 210-том, 246–251-бб., «Қашқардағы хебей-амбан Фуцзюньнің мәлімдемесі, мұнда Қашқарға қарасты қарауылдан жасырын өткен қазақ пен хуэйсыландың анықталып, қылмыстық тергеуге алынғандығы айтылған» құжат.

² Қараңыз: ЦСМДХ, 165-том, 226–230-бб., Іле цзянцзюнь Илетудің мәлімдемесі; ЦСМДХ, 189-том, 180–184-бб., Іле цзянцзюнь міндетін атқарушы Юнбаоның мәлімдемесі.

Құлжадағы Цин ұлығы Баониң сындылардың цяньлун жылнамасының 53-жылы 10-айдың 20-күні, яғни 1788 жылғы 17 қарашада жазған бір мәлімдемесінде контрабанда ісімен ұсталған бір топ әндіжандық саудагерлердің тергеу жауабы сақталған. Сол жауаптарға қарағанда, Қашқариямен шекаралас жерлердегі саудагерлер Қазақ жері мен Қашқария арасындағы саудаларды жүргізгенде негізінен мынадай екі кезенді басып өтеді екен: Бірінші кезеңде, олар Қашқариядағы қалалардан көптеп боз-маталар мен азын-аулақ өзге тауарларды сатып алып, жергілікті әкімбектерден жолға шығуға берілетін рұқсат құжатты³ алып жолға аттанады да, Цин патшалық қарауыл бекеттеріне барғанда сол құжатты қарауыл әскерлеріне тапсырып, әрі қырғыздардың жеріне, сонан соң Қазақ жеріне барады⁴; Екінші кезеңде, олар асылы апарған тауарлары арқылы қазақтардан мал айырбастап алып, сол малдарды кері Қашқария жерлеріне апарып сату керек екен. Алайда, Қазақ жеріне келген саудагерлер көбірек пайда көру үшін, әлгі қазақтардан айырбастап алған малдары мен қазақтар алмай асып қалған өз тауарларын әрі Ресей жеріне апарып, сонда екінші айналымға салып, ондағы құны жоғарылау болып келетін тауарларды айырбастап алады екен. Баониң сындылардың мәлімдемесінде айтылған әлгі әндіжандық саудагерлер осылайша Қазақ жерінен Ресей жеріне барып саудаларын жалғастырып, сонан соң кері Қашқарияға оралған. Ал олардың Қашқарияға апармақ болған тауарларының ішінде Цин патшалығы тарапынан кіргізуге тыйым салынған орыстардан алынған қымбат терілер мен қару-жарақ бұйымдары бар болып шыққан. Аталмыш әндіжандық саудагерлер мен қазақ төрелерінің арасындағы қарым-қатынас біздің назарымызды аударады. Баониңнің тергеуінде болған сол саудагерлердің біразы өздерінің әуелі қазақ сұлтаны Әділ

³ Яғни Цин патшалық қарауыл бекеттерінен шыққан кезде тапсырып кететін куәлік құжат.

⁴ Бұл – негізгі маршрут. Дегенмен, басқа бағытта сапар шегетіндер де бар көрінеді. Мысалы, Цин ұлығы Баониңнің 1788 жылы 17 қарашада жазған осы мәлімдемесінде сақталған бір саудагердің тергеудегі жауабына қарағанда, ол әуелі сапар шегуге арналған рұқсат хатты Қашқардан Әндіжанға баратын жолдағы Циннің қарауыл бекетіне тапсырып, Әндіжанға барып тауарлар жинап алған соң әрі бұрыттар мен қазақтардың жерлеріне барған.

тұратын жерге барып, сол жерді негіз етіп сауда жүргізгендерін айтқан¹. Мұндай мәлімет Қашқардағы Цин ұлығы Фуцзюньнің цзяцин жылнамасының 5-жылы кібісе 4-айының 22-күні жазған мәлімдемесінде де айтылады². Әндіжандық саудагерлердің айтуына қарағанда, Әділ сұлтан тек барған саудагерлерге тұратын орын берумен шектелмеген. Ол оңтүстіктен келетін керуендерді өз жеріне тарту үшін қырғыздардың жеріне арнайы адам жіберетін.

Ортаазиялық мұсылман саудагерлерінің қорғаушысы болған аталмыш қазақ төрелері өз аталарының арманы мен жоспарын әлі де ұмыта қоймаған көрінеді. Жоғарда айтылған Әділ сұлтанның 1808 жылы (цяньлун жылнамасының 13-жылы) Қашқарға саудагерлерін жіберіп, оларды Цин ұлықтарымен кездестірудің³ сыры да осында. Әділ сұлтан да қазақтарға қажетті кездеме сатып алу үшін Қашқарға елшілерін жіберген, оның мақсаты да Қашқарияға баратын сауда жолын аштыру үшін Цин билеушілерінің тамырын басып көрмек болған. Ал Фань Цзяньфэн сындылар да алдыңғы буын

---

¹ ЦСМДХ, 182-том, 409–419-бб., Іле цзянцзюнь Баоинңның мәлімдемесі.

² ЦСМДХ, 210-том, 246–251-бб., «Қашқардағы хебей-амбан Фуцзюньнің мәлімдемесі, мұнда Қашқарға қарасты қарауылдан жасырын өткен қазақ пен хуэйсыландың анықталып, қылмыстық тергеуге алынғандығы айтылған» құжат.

³ Бұл оқиға туралы қытай тілдегі мына Цин дереккөзінде мәлімет сақталып келген: «Да Цин ли чао Жэньзун жуй (Цзяцин) хуанди шилу», 199-цзюань, 11–12-бб., цзяцин 13-жылы 7-айдың «цзя шэнь» күнші естелік. Соңғы жылдары жарық көрген мәнжу тіліндегі мына мұрағат құжаттары да осы оқиғамен тікелей қатысы бар: 1. Әділ сұлтанның шағатай тілінде жазған 1 хаты; 2. Қашқардағы Цин ұлығы Фань Цзяньфэнның патшасына (Цзяцин патшаға) жазған мәлімдемесі; 3. Цин патшалығының Әскери істер басқармасы (Ұлы кеңес) тарапынан жазылған 1 мәлімдеме; 4. Қашқардағы Цин ұлығы Фань Цзяньфэнның Әділ сұлтанға жазған жауап хаты (Фань Цзяньфэнның аталмыш мәлімдемесімен бірге сақталған); 5. Әділ сұлтан хатының мәнжу тіліндегі 2 түрлі аудармасы (оның біріншісі Қашқарда жасалса, екіншісі Цин патшалығының Әскери істер басқармасында жасалған. Екі құжат жоғарыда аталған 2 мәлімдемелермен бірге сақталған. Аударма нұсқалардың арасында шағын айырмашылық бар). Аталмыш құжаттарға байланысты біраз мәселелер біздің мына еңбегімізде талқыланған: Еженханұлы Б., 2020.

Цин ұлықтарының тіршілігін қайталаған: олар әуелі қазақтар апарған малдардың бағасын әдейі төмендету арқылы сатылмайтындай етіп, қазақтарды малдарымен бірге кері қайтуларына итермелеген. Сонымен бірге олар Әділ сұлтанға жазған жауап хатында «хуэйсы жерінде малдың бағасы төмен, сендерге де пайда жоқ», «саудагерлерің бұрыт жерінен өткенде малдарынан айырылып қалады» деген сылтауларын айтып, қазақтарды Қашқарияға жолатпауға талпынған. Ал Әділ сұлтанның Қашқарға елші жіберуі – қазақ хан-сұлтандарының ел билеушілері ретінде Қашқарияға баратын сауда жолын «ресми» түрде қазақ қауымына ашқызу мақсатында жасаған әрекеттерінің соңғысы болса керек. Тарихи дереккөздерде осыдан кейін қазақтың хан-сұлтандары тарапынан Қашқарияға елші немесе сауда керуен жіберілді деген мәлімет кездеспейді. Ал көп ұзамай Қазақ даласында түбегейлі саяси өзгерістер болып, қазақ халқы өздерінің егемендігінен айырылады да дербес халық ретінде көршілермен қарым-қатынас орнату мүмкіндігін жоғалтады.

XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ хандығы мен Цин патшалығы аралығындағы сауда қарым-қатынастары осындай шытырмалы жағдайда өрбіп, ақыры ғасырға жеткізбей-ақ тоқырауға ұшыраған. Сондай бола тұра, бұл сауда тарихының өзіндік мәні бар: біріншіден, ол Қазақ хандығы қалыптасқаннан кейінгі қазақтардың дербес ел ретінде Қытай елімен орнатқан тұңғыш тікелей экономикалық қарым-қатынастары; екіншіден, аталмыш қарым-қатынастың тікелей ұйымдастырушылары және бақылаушылары болып қазақ тарапынан Абылай хан, Әбілпейіз сұлтан және Қабанбай батыр сынды көсемдер болып, қытай тарапынан Цяньлун патшаның өзі мен оның шекара аймақтарындағы ұлықтары болғандықтан, бұл қарым-қатынас «мемлекетаралық» сипатына ие болған деп санауымызға болады; үшіншіден, бұл сауда – кеңістік жағынан сонау Оңтүстік Қытай жері мен Батыс Қазақстан жерін қамтыған, сауда көлемі жағынан да айтарлықтай нәтижеге қол жеткізілген. Осы тұрғыдан айтқанда, бұл сауда – ғасырлар бойы үзіліп келген Еуразия кеңістігіндегі Ұлы Жібек жолының жаңғырғандығы деуге де негіз бар. Өкініштісі, мұндай жаңғыру ұзаққа созылмады – бұл да заңды құбылыс, өйткені аталмыш жаңғыру пайда болған кеңістікте мемлекеттердің мүделері бір-біріне қайшы келген еді.

**ПИСЬМО (عرض نامه) ХАНА МЛАДШЕГО ЖУЗА
ЖАНТОРЕ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ**

1 ноября 1808 г.

(из собрания Российской государственной библиотеки)

ЗАЙЦЕВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ,
*заместитель Генерального директора
Государственного музея Востока, профессор,
доктор исторических наук
(Москва, Россия)*

16 октября 1797 г. в окрестностях Оренбурга на белой кошме был поднят ханом Младшего жуза младший сын хана Абулхайра – Айчувак [1, с. 14]. «Когда-то энергичный и воинственный султан Айчувак, прославившийся своей победой на реке Сагыз над калмыками, уходившими в Джунгарию в 1771 году, теперь представлял собою совершенную развалину. Он был стар, глух и физически неспособен управлять народом» [1, с. 14]. Между тем, по выражению старых историков Степи, это был «революционный» период ее истории, когда рушились старые порядки и нужны были новые, сильные лидеры, которые были способны положить предел самоуправству глав отдельных родов. Человек, который хотел взять власть в руки и вернуть былой порядок вещей, нашелся. Это был султан Каратай (сын Нурали и внук Абулхайра), обладавший, как считалось, «большим умом и суровым властным характером» [1, с. 9]. Интересы дяди и племянника столкнулись.

Каратай был, видимо, личностью, не склонной к компромиссам. В начале сентября 1805 г. Айчувак подал прошение о своей отставке, выбор российских властей остановился на его сыне – султানে Жанторе. Каратай этот выбор не принял, сказав: «Новый хан будет благополучен в сундуке, а не в степи». Жанторе был робок и Каратая, очевидно, боялся. Каратай, пользуясь нерешительностью Жанторе, сам объявил себя ханом. Его поддержали байулинцы и большая часть алимулинцев, то есть большая часть

Младшего жуза [2, с. 360, 438, 554]. Жетиру остались на стороне Жанторе и враждовали с байулы и алимулы [1, с. 46–47].

Для изучения этого интереснейшего периода казахской истории в нашем распоряжении есть прочная основа в виде опубликованных архивных документов, а также писем казахских ханов и султанов [3]. Однако публикуемое ниже письмо казахского хана Жанторе императору Александру I, кажется, еще не становилось предметом рассмотрения историков.

Письмо сохранилось в собрании Отдела рукописей РГБ (ф. 178, оп. 1, № 3839.2)¹. Из пометки «Подлинник найден в армянской книге библиотеки гр. Румянцева» можно сделать вывод о том, что оригинал первоначально находился среди книг библиотеки графа Н. П. Румянцева. Скорее всего, подлинник и перевод попали в руки графа благодаря его служебной деятельности: с 1808 по 1814 г. он занимал должность министра иностранных дел Российской империи.

В оригинале дата письма оказалась пропущена.

Текст

اول اولوغ ايمپراطور
 وفي الجملة مرحمتلو و عنايتلو پادشاه اعظم و كشوري كشله اى اعلم الكسانده ر
 پاولاويچ حضرتلرى نيك درگاه عليه لريغه جمله توبنجى لكم برلق
 عرض نامه
 جنكم منكا تابع كچك يوز قر عز قزاق حلقمز ينك مندين طلب ايده لمش انداع دورلو
 عرض و ايلتماس لرندين يالغوز براكوسنده ايتيم ايديوب آنلار نيك كوز لرندين
 آقزلمش قانلو ياش لرنه مقنع ايديوب راضى و حوشنود لققه ايروشدوررك
 هچ بريول ايلان كوچ قوتم يتمادى و بو حصوصده هچ براوزندان ياريادم
 طابمادوم شونكار بناء سزشهنشاهم اعظم حضرتلرم نيك درگاه عاليه لر آقز
 نكزدان جمله توبنجى لكم يزندان تزجوكوب كوز لرمزدان ياش
 آقزب رجا و ايلتماس ايدامزكم بزييم اطرفمزدين وكيل بر سلطان وتمم كچك
 يوز قر عز قزاق حلقمزدان اتفاق اسطرشينه لردان الم او على رو عندان بر كشى
 باى او على رو عندان بر كشى و يتى او على رو عندان بر كشى صايلانولمش وكيل لرمز

¹ Письмо написано на русской бумаге с литерами МУСТ и КК. Размер 19,9 x 32,8 см.

درگاه عليه لرنكز غه باروب عرض و ايلتماس لرمزنى ايرشورومك
 وقوعنده قالعانده موندا قلعه ى اورين بورحده هچ يول وسبب طابوب
 قابو وكيل لرمز طوقطا طولماس عوداعمل ايلان امر فرمان قلوب اذن
 وروحتت بيبلاك اليرى سزيناك بيبوك و اعلاى تحت پايونكز غه اول عرض
 لرمزنى ايروشدورما بيبونچه بو اورال سرحد بيبونده يورب ترك لك قلوب
 روزكار كاچورورحال ومجال مزقالمادى ديو ماه نوبابرنگ يومنده ۸۰۸۱ ايلده
 باقى سزايمپراطور اعضم حضرتلرم نيناك تابع كچك يوز
 قرعز قزاق يورط نيناك جانتوره حان آچوقاق حان او على
 اينانماق اوچون كندو اسم برلق اسم تولامش مهرنى
 امضا ايلادم
 بومنوال اوزره

Печать с легендой:

جان توره حان ابن آچوقاق حان
 بتلدى كچك يوز قرعز قزاق يورطنده

К оригиналу приложен современный ему русский перевод, который верно передает суть оригинала (с некоторыми незначительными сокращениями).

Перевод

Его Величеству государю императору Александру Павловичу
 Прощение

Подчиненный мне народ киргиз-кайсаков «Кучук-юз» обращался ко мне с различными просьбами, но я не мог исполнить ни одной из них и осушить кровавые слезы, текущие из их глаз. Ибо не хватало у меня совершенно сил и возможности доставить им удовлетворение и в этом случае я не нашел нигде помощи. Вследствие сего, со всей нашей покорностью повергаясь ниц перед высоким тронном Вашего Величества и лия слезы из очей наших, мы просим и надеемся: уполномоченный с нашей стороны один султан и от всего народа киргиз-кайсаков Кучук-юз выбранные по общему согласию из старшин: один из рода Элем-оглу, один из рода Бай-оглу и один из рода Яти-оглу наши уполномоченные поехали к Вашему Высокому двору для представления наших молений и просьб и при остановке их здесь в крепости Оренбург

не нашли возможности ехать дальше, ибо наши уполномоченные были задержаны. Благоволите дать приказание и распоряжение на дозволение ехать, покуда наши просьбы не будут представлены к подножию Вашего трона, мы не имеем средств и возможности проживать и существовать, кочуя в пределах Урала (Уральской области?).

Месяца ноября (без числа) дня 1808 года

Вашего Императорского Величества подданный земли (юрт) Киргиз-кайсаков «Кучук-юз» Джан-тюря хан сын Айчвак-хана. В удостоверение я приложил собственною рукою печать с моим именем.

Писана в земле (юрт) Киргиз-кайсаков «Кучук-юз»

М. В. Перевод немного сокращенный. Подлинник найден в армянской книге библиотеки гр. Румянцева.

Письмо подтверждает, что Жанторе действительно был неспособен контролировать ситуацию в кочевьях Младшего жуза. Хан, судя по тексту письма, предпринимал попытки спасти положение и даже отправил к русскому двору своих уполномоченных – султана и старшин жетиру, байулы и алимулы, однако они были в Оренбурге задержаны.

Судьба Жанторе сложилась трагически [1, с. 64]. Через год после написания публикуемого письма, в начале ноября 1809 г., он был убит. Вот как писали об этом его отец Айчувак и его сыновья императору Александру I: «К вечеру второго дня сего [созвездия] Стрельца, после полуночи, когда все находились в покое, сын бывшего хана Нурали Каратай-султан со своими двумя сыновьями и с одним своим младшим братом, два сына Орман-султана, председателя в настоящее время учрежденного в нашем йурте Дивана, сын Ишим-хана Кара-султан со своими двумя младшими братьями и султан по имени Тонали, собрав, не считая их самих, около 200 человек воров и разбойников, и тот злодей Каратай-султан совместно с находящимися при себе своими младшими братьями, тайным образом говорившись с указанным Орман-султаном и улучив удобное время, [напали] на ни в чем не повинного нашего сына Жанторе-хана и, нанос ему в двадцати восьми

местах чрезвычайно великие раны, убили его, исключительно из вражды и зависти. А двух его жен и одну дочь его увели, в виде пленниц, и, сняв с них всю одежду, совершенно оголив, срезав им волосы и совершив над ними всякого рода тяжкие бесчестия, оставили в далекой степной местности, где и нашли мы их после розысков. Помимо всего этого, они, совершенно разорив три его дома, полностью разграбили и увезли различного рода достойные ханского звания и ханского положения драгоценные камни и другие различного рода весьма ценные вещи. В особенности обесчестили и унизили они нас тем, что увезли дарованные вашим царским двором при возведении несчастного мученика нашего сына на ханское достоинство весьма ценную шубу, саблю, шапку и ваш указ-ферман на ханствование» [3, с. 459–460].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рязанов А. Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797–1838 гг.). Очерки национального движения Казакстана в 2-х частях (по материалам Центрального архива Казакстана). Кзыл-Орда, 1928.

2. *Темиргалиев Р. Тамга.* История казахских племен. Алматы, MELOMAN Publishing, 2023.

3. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в двух томах. Т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И. В. Ерофеева. Алматы: Abdi, 2014.

آقتر ب رجا و ایالتی ایما من کم بریم اطراف عزیزید و کیل بر سلا و تمام کجک
 یو و قر عز قزاق حاکم در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن
 بای او علی رو عذران بر کشته ویتی رو عذران بر کشته صایلا اولمشی و کیل لوز
 در شاه عالی لوزنگری بارون عمر ضاه ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن
 و قوعنده قالعاند و مذاقده ای او پید بود و در حدیج یول و سیه طابون
 قایق و کیل لوزنگری قنایطه لاه و اعمال ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن
 در رحمت پید و دل ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن

باقی پس از این امر اعظم حضرتان فرمودند تا بنام
 قزاق و قزاق و در وطنیک جانتور و خان آچو
 این ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن ایالتی که در آن
 بعد از این امر

Письмо (عرض نامه) хана Младшего жуза Жанторе императору Александру. 1 ноября 1808 г. из собрания Российской государственной библиотеки

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АБУЛХАИР ХАНА

ШОТАНОВА ГАЛИЯ АЙТЖАНОВНА,

ведущий научный сотрудник.

*Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор.*

(Алматы, Казахстан)

Перед современными отечественными исследователями стоит задача реконструкции объективного представления о прошлом. Применение новых методологических подходов к изучению истории казахской государственности открывает возможности для комплексного осмысления ключевых аспектов взаимоотношений казахского этноса с соседними народами и государствами на протяжении последних двух столетий. Особую актуальность приобретает переосмысление процессов, связанных с включением казахских территорий в состав Российской империи, что требует учета как внутренних факторов развития Казахского ханства, так и геополитических интересов России и других акторов в Казахстане. В современной историографии используются различные термины для обозначения этого процесса, такие как «присоединение», «инкорпорация», «колонизация», «колониальная экспансия», «протекторат», «вхождение», каждый из которых несет в себе определенную смысловую нагрузку и отражает различные этапы и аспекты казахско-российских взаимоотношений. Выбор того или иного термина детерминируется методологической позицией исследователя и трактовкой исторических событий. Задача заключается в том, чтобы, избегая упрощенных схем, представить многомерную картину сложного взаимодействия двух политических систем.

Одним из наиболее трагичных периодов в истории казахского народа стал период вхождения Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс детерминировался рядом взаимосвязанных факторов, оказавших определяющее воздействие на судь-

бу этноса и траекторию развития казахской государственности. Принятие подданства Абулхаиром, безусловно, явилось важным этапом, обусловленным кризисными явлениями, охватившими казахскую степь.

Вместе с тем, необходимо учитывать геополитический контекст и стратегические интересы Российской империи относительно еще самостоятельных соседних ханств. «Восточная идея» Петра I, уже годами ранее нацеленная на расширение российского влияния в Средней Азии, являлась долгосрочной программой, реализация которой оказывала непосредственное воздействие на казахские земли. Как отмечает историк Михаил Вяткин, события начала XVIII в. подготовили почву для продвижения России в казахские степи, которое стало возможным после подавления башкирского восстания в 30–40-х годах XVIII века (Вяткин, 1940: 3). Башкирское восстание, вызванное недовольством центральной властью и земельными притеснениями, представляло серьезную угрозу стабильности российских границ и требовало значительной концентрации военных усилий для своего подавления. После того как Российская империя подавила это восстание, она получила возможность активизировать внешнюю политику в восточном направлении, включая усиление своего влияния на казахские территории. Тем не менее сами восстания имели важное обратное влияние на эти территории: в ходе событий 1735–1740 и 1755 гг. десятки тысяч башкир переселились на земли Младшего и Среднего жузов. Это массовое перемещение демонстрирует тесную взаимосвязь народов и, по свидетельству современников, привело к существенному изменению демографической ситуации. Например, башкир Быбыгев Алюют, проживший одиннадцать лет среди казахов после восстания 1735–1740-х годов, на допросе заявлял, что «В Киргиз-Кайсацкой Орде имеется башкирцев много, например, третья доля против киргизиев», что подчеркивает значительное присутствие беженцев и социально-политическое влияние башкирского вопроса на Казахское ханство [Бижанова, 2006: 62].

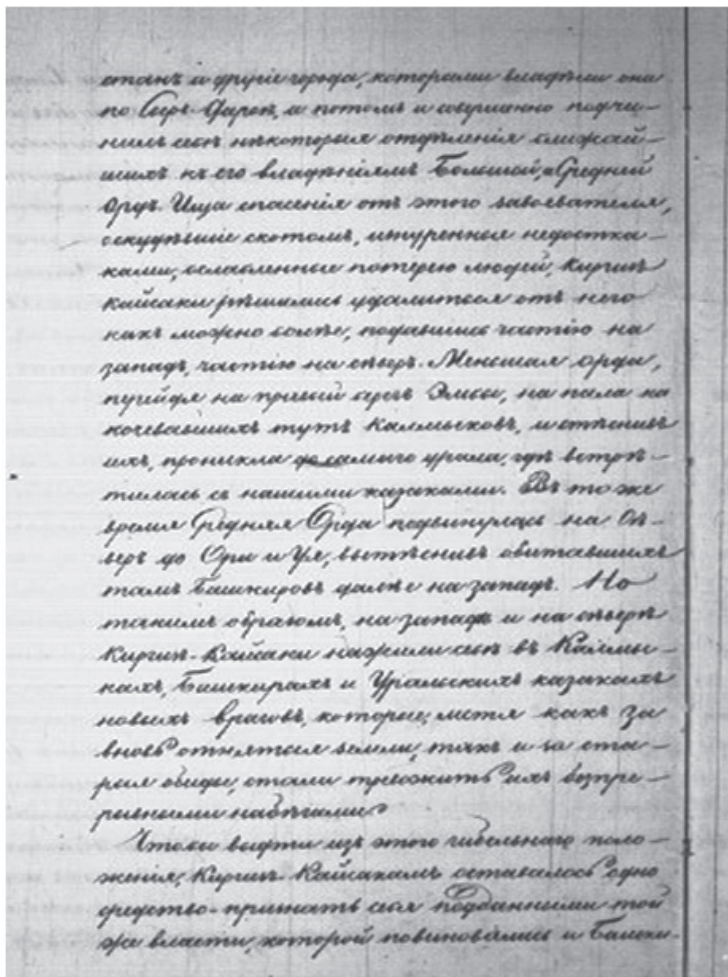
Политическая фрагментация казахской элиты стала важным фактором, определяющим развитие ситуации в регионе. Разоб-

ценность казахской знати создавала благоприятные условия для внешнего вмешательства и ослабляла способность ханства к консолидированной защите своих интересов. Российская империя активно использовала противоречия между различными группировками казахской знати для укрепления своих позиций в регионе. В этой связи следует согласиться с Михаилом Вяткиным, указывавшим на внутреннюю неоднородность казахской знати и ее разделение на различные группы [Вяткин, 1940: 4]. В Младшем жузе, к примеру, существовали две влиятельные династические линии, восходящие к Осеку и Жадигу, между которыми существовали определенные противоречия. Представители российской администрации, действуя по принципу «разделяй и властвуй», умело использовали эти противоречия в своих интересах.

В историографии утвердилось мнение о том, что принятие российского подданства было обусловлено необходимостью защиты от внешних угроз, в первую очередь со стороны Джунгарского ханства. Однако следует учитывать и другие факторы, в которых были заинтересованы и другие политические игроки. Для части казахской знати Абулхаир-хан представлял собой угрозу их политической независимости и стремлению к сохранению традиционного уклада жизни. В этих условиях российская ориентация казалась им способом ослабить ханскую власть и сохранить свои привилегии. Младший жуз, расположенный в непосредственной близости от российских границ и укрепленных крепостей, представлял собой важный плацдарм для дальнейшей российской политики по расширению своего земельного фонда. Наличие опорных пунктов и военного контингента позволяло империи оказывать влияние на внутривосточную ситуацию в Младшем жузе и контролировать кочевые маршруты.

Помимо джунгарской опасности, казахские племена испытывали давление со стороны калмыков, претендовавших на территорию между реками Уралом и Волгой, что создавало дополнительный очаг нестабильности в регионе. Миграция основной массы калмыков в Джунгарию в 1771 г. несколько ослабила напряженность, однако российское правительство продолжало укреплять свою оборонительную линию на границе с Казахстаном, оправдывая это необходимостью защиты от внешних угроз.

Действия российской администрации вызывали обеспокоенность у степных народов, видевших в строительстве стационарных поселений на границах кочевий угрозу своей свободе и традиционному образу жизни. Владимир Колесник отмечает, что для степняков главная опасность исходила именно от появления русских поселений на границах кочевий [Колесник, 2003: 143].

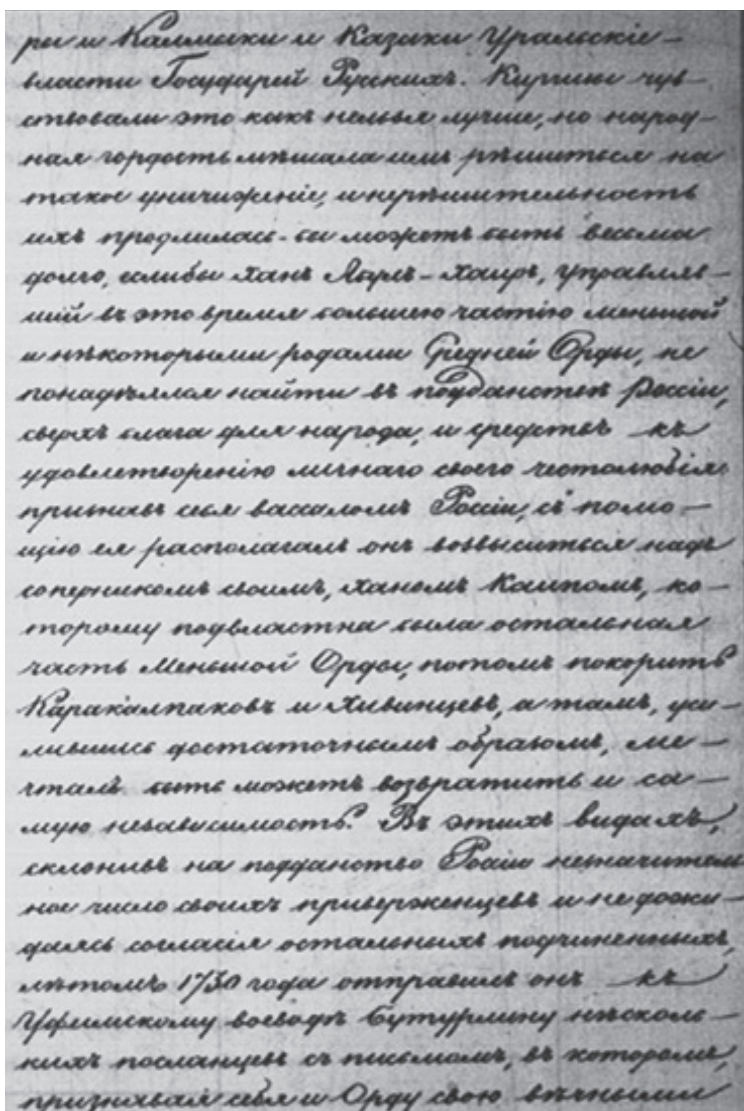

Фрагмент. Дело «Историческое обозрение событий в Зауральской степи Оренбургского воеводства и изменения управления ею со времени присоединения к России до настоящего времени».

Сооружение пограничных укреплений свидетельствовало о постепенной реализации российской политики в регионе, направленной на расширение сферы влияния и включение казахских территорий в состав империи. Российская администрация стремилась к распространению идей российской государственности в казахском обществе, что должно было способствовать интеграции региона в российское правовое и политическое пространство. Однако следует отметить, что казахи не считали себя подданными российского государства, воспринимая свои отношения с Россией как вассальные, основанные на взаимных обязательствах и сохранении определенной степени автономности. Постепенно российская политика привела к ликвидации остатков самостоятельности калмыков, башкир и казахов, что вызывало вооруженное сопротивление со стороны коренного населения. Казачество, формировавшееся на приграничных территориях, превращалось в главную силу колониальной экспансии и опору российской власти в регионе.

Историография вхождения казахских степей в состав Российской империи представляет собой обширный и многогранный комплекс исследований, отличающихся разнообразием методологических подходов и интерпретаций исторических событий. Политическая нестабильность и кризис в казахском обществе были обусловлены не только колониальной экспансией, но и внутренними факторами, отражающими кризис традиционного кочевого мира. Поэтому необходимо учитывать как внешние воздействия, так и внутреннюю динамику развития казахского общества.

Традиционно советская концепция «добровольного вхождения» в состав России представляла собой идеологический конструкт, призванный обосновать легитимность российской политики в Казахском ханстве. Эта концепция игнорировала сложные и противоречивые аспекты казахско-российских взаимоотношений и представляла политику царизма в идеализированном свете. Изучение проблемы принятия российского подданства нашло отражение в российской литературе конца XVIII – начала XIX вв., в которой события часто интерпретировались с позиций имперской идеологии.

ри и Камыские и Казанские Уралские —
 вности Государей Русских. Курские чув-
 ствовали это какъ немые мурши, но нароу-
 ная гордость итшала имъ ртшиться на
 такомъ унижении; и курши тшность
 ихъ предшлась. си можетъ быть весьма
 дого, елиби Ханъ Абул-Хаиръ, управив-
 ший въ это время самшю частью мшной
 и некоторыми родами Средней Орды, не
 понадымалъ ийти въ поданство России,
 сверхъ шана для народа, и средствъ къ
 удовлетворению шного своего потреби-
 лия въ вассаловъ России, съ помо-
 щью ея располагавъ онъ возвысился надъ
 соперниковъ своихъ, Хановъ Камыше, ко-
 торому поданства земля осталенная
 часть Мшной Орды, потшю покорить
 Каракалпаковъ и Хивинцевъ, а тшю, уси-
 лившись достаточною обороною, ме-
 тшю ктш можетъ возвратитъ и са-
 мую независимость. Въ этихъ видахъ,
 склонивъ на поданство России немалитш
 ной шше своихъ приверженцевъ и недооки-
 чаясь силами останенныхъ погршншихъ,
 итшю 1730 года отправилъ онъ къ
 Царшскому воеводъ Бутурлину итшю
 кшю посланцевъ съ письмами, въ которыхъ,
 призывавъ себя в Орду свою втшнши

Фрагмент. Данный фрагмент, представляет собой изложение российской администрации о политике Абулхаир-хана. Говорится, что хан правил Младшим и частью родов Среднего жуза. В нём зафиксирован факт того, что Абулхаир воспринимал «поданство» формальным, и не стремился к вассалитету. Так же упоминается о сохранении значительного влияния на каракалпаков и хивинцев. РГВИА.

Ф. 67. Оп. 1. Д. 57. Л. 4 об.

Ряд исследователей, в частности, Петр Рычков и Иван Крафт, объективно указывали на внешние угрозы как одну из причин обращения Абулхаир-хана к России за помощью. Рычков отмечал, что «Киргиз-кайсацкой Меньшей орды Абулхаир-хан претерпевал великие разорения и обиды, с одной стороны – от джунгарских калмык, ... а с другой стороны – от смежного им башкирского народа» [Рычков, 1762: 5; Крафт, 1898: 17]. Однако следует отметить, что даже эти авторы, будучи представителями российской администрации, рассматривали ситуацию в Казахстане через призму имперских интересов.

Со временем российские чиновники стали давать более прагматичную оценку личности Абулхаир-хана, признавая его политическую ловкость и способность к маневрированию в сложных условиях. Абулхаир-хан, безусловно, стремился к укреплению своей власти и расширению влияния, используя российскую поддержку в борьбе с политическими соперниками, в частности с Каип-ханом. Дореволюционные исследователи отмечали, что казахский народ, «изнуренный частыми потерями и стесненный со всех сторон враждующими соседями, был готов к любым жертвам ради сохранения мира и стабильности» [Вяткин, 1940: 178].

Историк М. Красовский также указывает на обострение конфликтов казахского хана с волжскими калмыками, башкирами, каракалпаками и хивинцами, что создавало дополнительное напряжение на границах ханства. Лев Мейер рассматривал события в Казахстане в контексте российской политики завоевания региона, выделяя период от принятия российского подданства Абулхаир-ханом до строительства первых русских укреплений в степи в 1845 году. Мейер трактовал события в Младшем жузе как борьбу за власть между различными претендентами на ханский престол, особо выделяя амбиции султана Каратая Нуралиева [Мейер, 1850].

Защищаясь от набегов восточных соседей, казахские правители сталкивались с растущим давлением со стороны России, что вынуждало их к осторожной и взвешенной политике. Принятие российского подданства тем или иным казахским владетелем, как правило, приводило к росту враждебных действий со стороны других казахских племен и родов, что дестабилизировало ситуа-

цию в регионе. Слабость пограничных войск и нехватка ресурсов для эффективного противодействия набегам снижали авторитет российской администрации, что вызывало ответные карательные меры со стороны пограничных (линейных или казачьих) войск.

Соседняя северная держава имела значительный опыт в проведении политики расширения своих владений за счёт чужих земель на обширных территориях Евразии. Этот опыт позволял ей эффективно устанавливать контроль над новыми приобретёнными регионами. Царская администрация проводила масштабную деятельность по строительству форпостов, редутов и военных крепостей на казахских землях, осуществляя постепенное продвижение на юг по Иртышу [Рычков, 1762: 329]. Активное военное проникновение вглубь казахских степей свидетельствовало о подготовке к аннексии казахских территорий.

Политический кризис в казахской степи, обусловленный внешними угрозами и внутренними противоречиями, создавал благоприятные условия для реализации имперских планов России. Внутренние конфликты оказывали большее влияние на политику казахских правителей. Нуждаясь в поддержке степной элиты, Абулхаир-хан попал под влияние царской администрации. Несмотря на риски, связанные с углублением разногласий с ней, он продолжал отстаивать права казахов на их исконные земли. Кроме того, международная обстановка в 30-х годах XVIII в. осложнилась в связи с активной политикой Российской империи, что привело к ряду изменений в политической жизни Казахского ханства. По мнению историка И. В. Ерофеевой, «Абулхаир не допускал мысли о потере самостоятельности ханства, его ослаблении и раздроблении, а целью видел укрепление ханства...» [Ерофеева, 2007: 67; РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 57. Л. 4 об.]. Данные мотивы еще раз подчеркивают всю сложность и неоднозначность данной исторической ситуации

Так, в документе из Государственного архива Оренбургской области «Дело о гибели Абулхаир-хана» сохранилось письмо, адресованное оренбургскому губернатору Ивану Неплюеву, написанное ханшой Бопай. В этом письме сообщается о том, что Абулхаир-хан был убит султаном Бараком. При этом в документе

подчеркивается, что Барак султан совершил это нападение, воспользовавшись сложной политической обстановкой и внешней угрозой, прежде всего со стороны калмыков. Трагическая гибель такого сильного правителя, как Абулхаир-хан, имела далеко идущие последствия, открыв для русского самодержавия возможность активного проникновения вглубь казахских степей.

Фрагмент. Дело о гибели Абулхаир-хана.

ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

Таким образом, изучение внешнеполитической ситуации в Западном Казахстане в период правления Абулхаир-хана показы-

вает ее исключительную сложность, обусловленную многовекторной внешней угрозой (джунгары, калмыки, волжские казаки) и внутренними междоусобицами. Решение хана о вступлении в подданство России, при всей его спорности, было, прежде всего, вынужденной необходимостью, продиктованной стремлением к сохранению народа и его земель в условиях геополитического кризиса.

В целом изучение этой темы имеет глубокую научную традицию. Фундаментальные труды, например, историков-классиков В. Я. Басина, Б. С. Сулейменова, К. Л. Есмагамбетова, а также вклад современных исследователей, таких как И. В. Ерофеева, заложили прочную основу для всестороннего и более глубокого изучения общей ситуации в Казахском ханстве в эпоху чингизидов, и в частности степной элиты в его западных регионах.

В заключение следует подчеркнуть, что именно деятельность Абулхаир-хана и его окружения стала переломным моментом в истории региона [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 30], определив вектор дальнейшей интеграции в российское пространство. Дальнейшее изучение архивных источников и переосмысление роли степных элит, балансировавших между независимой политикой и протекторатом, остается актуальной задачей для современной исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Бижанова М. Р.* Башкиро-казахское этнокультурное взаимодействие в XVIII – первой половине XIX вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.07 этнография, этнология, антропология. Уфа, 2006. 197 с.
2. *Вяткин М. П.* Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Изд.: АН СССР. Москва – Ленинград, 1940. 543 с.
3. *Ерофеева И. В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с. + 28 с. вкл.
4. *Красовский М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицером Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Т. 1. СПб., 1868. 242 с.

5. Крафт И. И. Сборник указаний о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 141 с.

6. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Москва, 2003. 286 с.

7. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.

8. Мейер Л. Материалы для геогр. и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1850. 96 с.

9. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Дело о гибели Абулхаир-хана.

10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 67. Оп. 1. Д. 57. Дело «Историческое обозрение событий в Зауральской степи Оренбургского ведомства и изменения управления ею со времени присоединения к России до настоящего времени».

11. Рычков П. П. Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762. 215 с.

12. Труды губернского статистического комитета. Вып. IV. Астрахань, 1875. 28 с.

13. Чернавский Н. Оренбургская Епархия в прошлом и настоящем. Вып. II. Оренбург, 1903. 97 с.

14. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах/ Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И. В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. Том I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства и высшего образования Республики Казахстан «Специфика казахско-русских взаимоотношений на Казахстанском Урале: взаимосвязь идеологии и практики в историческом аспекте» (регистрационный номер: АР 23487682).

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

ДИЛОРОМ АЛИМОВА,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Национального центра
археологии Академии наук Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)

У народов Центральной Азии общая история, значительно влияющая и на формирование общего настоящего и общего будущего. Последнее, конечно, зависит от динамики развития сотрудничества. И в этом немалая роль принадлежит историкам. Сегодня у ученых есть реальные исследовательские возможности для создания объективной истории народов региона и обобщающих работ, которые будут способствовать правильному пониманию масштабов и весомости вклада Центральной Азии в развитие не только локальной, восточной цивилизации, но и мировой, где ее место значительно. Это приведет и к пониманию современного геополитического значения региона в укреплении стабильности и добрососедства на всем протяжении его границ.

Научный потенциал центральноазиатских историков очень высок. Это определяется традициями национальных школ, изучавших особенности развития цивилизаций с древнейших времен, наличием богатейшего научного и культурного наследия в Центральной Азии, на которое имеют равноценное право претендовать все ее народы.

Мистификация и этнизация истории, приписывание одному народу, в ущерб другим, исключительности, вопреки историческим фактам и объективной реальности, не должны иметь место в методике исторических исследований. Разрыв единого культурно-исторического пространства, приведший к этим явлениям и появлению псевдонаучных трудов, основанных на этнической исключительности того или иного народа Центральной Азии, должен остаться в прошлом. Современные серьезные научные труды должны быть

нацелены на показ того, что Центральная Азия на всем протяжении истории была целостным историко-территориальным регионом, объединяющим народы общими природно-географическими условиями, идентичностью духовно-религиозных, культурных, языковых и бытовых традиций. Важную роль играли здесь и общие генетические процессы, которые в сложном переплетении объединяли тюрко-ираноязычное население. Поэтому неопределима и по-своему уникальна предпринятая ЮНЕСКО попытка издания шеститомной истории цивилизаций народов Центральной Азии. Своей деятельностью в этом направлении, основанной на идее общности исторических судеб народов региона на протяжении трех-четырёх тысячелетий, однозначно прослеживаемой в исторических источниках, и уникальности его историко-культурного наследия, ЮНЕСКО выполнило две задачи: первая – создание первой капитальной обобщенной работы по истории цивилизаций Центральной Азии и определение их места в мировой цивилизации, вторая – интеграция и консолидация ведущих обществоведов мировой науки.

Первая задача очень важна в современный период, учитывая состояние развития этнической идентичности и национальной идеи и тот факт, что наука нуждается в глубоком, разностороннем и свободном от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучении истории и динамики развития государственности.

Однако такой широкий охват проблем, исторических периодов и территориальные рамки, в которые входила не только собственно Центральная Азия, то есть в нашем понимании Средняя Азия и Казахстан, но и огромные части других азиатских территорий, не позволяли детализировать и выделить особенности внутреннего центральноазиатского региона. Авторы, привлеченные из республик Средней Азии и Казахстана, были весьма ограничены объемом своих глав и разделов. Более того, они не имели возможности обсудить свои разделы после редакционной правки.

Поэтому создание монографии по истории народов Центральной Азии – это актуальнейшая проблема, которая должна быть решена самими центральноазиатскими учеными при поддержке ЮНЕСКО. Объединение усилий ведущих историков-профессионалов региона с привлечением специалистов из России и других стран Европы, Азии и США – давно назревший шаг в консолидации ученых, ко-

торый я расцениваю не только как научную, но и как политическую победу. Подобная работа поставит заслон политически ангажированным, противоречащим научной объективности публикациям околонучных людей, работающих на дестабилизацию взаимоотношений народов Центральной Азии. Таким образом, эта научная работа, основанная на объективном изучении общего культурно-исторического наследия Средней Азии и Казахстана, будет одним из способов обеспечения нашей национальной безопасности.

В процессе работы, и это естественно, возникнет немало вопросов, многие из которых мы можем решить заранее. Одним из главных столпов концепции по созданию общего труда является терминология. И прежде всего это касается названия нашего региона. Как я уже говорила, в понятие «Центральная Азия» после бурных и длительных споров в период создания вышеотмеченного шеститомника было решено включать территории не только Средней Азии и Казахстана, но и части Индии, Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая, Монголии, России, в частности Алтайский край и др. Можем ли мы пользоваться этим термином, имея в виду только Среднюю Азию и Казахстан? Я думаю, можем, если учитывать, что наш регион – это центральная часть Центральной Азии.

При характеристике определенных этапов истории в последнее время употребляются выражения: домонгольский, послемонгольский периоды, постсоветский период и т. д. Мне кажется, что мы в состоянии дать каждому периоду свое четкое название. Не может монгольский период подразделяться на три этапа: «до», «в», и «после». Тем более что послемонгольский период – это создание мощного централизованного государства Амира Темура, которое было известно всему миру, и это время консолидации тюркских и ираноязычных народов на территории Центральной Азии. История ханств – это огромное поле для взаимодействия историков Центральной Азии. Проблемы их взаимоотношений, развитие дипломатических и торговых связей, противоречия и столкновения – эти направления ждут общих решений.

Это должно опираться на четко отработанную систему, отражающую принципы формирования государственно-территориальных и историко-культурных образований. Одним из стержневых аспектов исследования должен быть вопрос о государственности,

поскольку бурное развитие цивилизации на территории региона тесно взаимосвязано с развитием государственности. История государственности народов Центральной Азии на протяжении всей своей эволюции знала периоды расцвета и подъема: древний Большой Хорезм, государство Кангюй, Древнеферганское государство Давань, Тюркский Каганат, империя Амира Темура и др. Знала она и периоды упадка и регресса, господства иноземной государственности, при котором все же оставались и субстрактная основа, и корневой стержень, которые и были базой для дальнейшего развития цивилизации.

На мой взгляд, один из важнейших аспектов истории – это взаимоотношение кочевых и оседлых народов и симбиоз этих культур.

Возможно, на определенных отрезках истории происходило столкновение этих двух форм цивилизаций, но больше приходится говорить о взаимовлиянии, даже слиянии и сочетании двух культур на территории Центральной Азии. Их противопоставление или поиск приоритета – это безуспешная попытка определить уровень развития среднеазиатских народов относительно друг друга. Нет такой грани, потому что древняя история, культура, территория – общие для всех.

Мы все знаем, что в определенных регионах Центральной Азии отдают предпочтение изучению номадизма, оставляя вне зоны внимания очаги исторически оседлой культуры, а где-то, наоборот, стараются отстраниться от истории кочевых народов. Это совершенно необоснованный подход, поскольку вся история Центральной Азии – это симбиоз культур. Отсюда же вытекает и проблема урбанизации. Мы должны рассматривать урбанистическую культуру как феномен истории.

Нельзя не согласиться с тем, что «процесс урбанизации в сущности есть процесс становления материальных структур, которые являются основой существования некоей функциональной системы – социума. Следовательно, в общем облике региона проявляется структурная дифференциация социума и по типам преимущественного занятия определенных групп его населения, и по уровню иерархизации социума как единой системы».

Для подготовки общей истории народов Центральной Азии необходимо исследовать закономерности развития местной цивилиза-

ции, и самый правильный путь – это как можно больше внимания уделить проблеме культуры, потому что культура – это атрибут истории, ее проявление. Именно через нее выявляется взаимодействие народов. Вновь возвращаясь к примеру шеститомника «История цивилизаций Центральной Азии», отмечу одну примечательную особенность этого издания: 60% книги составляет история культуры народов региона. С этим вопросом связано и взаимодействие Запада и Востока. От этого невозможно дистанцироваться, потому что вся наша история – это взаимовлияние западной и восточной культур. Причем мы не можем расценивать это однозначно и односторонне. На определенных этапах истории Восток также влиял на Запад, как и Запад на Восток.

Одна из важных сторон нашего исследования – это история религии. Центральная Азия – уникальный регион межрелигиозного согласия, где традиционно мирно сосуществовали мировые религии на протяжении многих веков. Возможно, именно религиозная толерантность определила у населения Центральной Азии своеобразный менталитет добра, гостеприимства, терпимости и уважения к другим народам. Феномен толерантного ислама, его общеисторического наследия, гуманистических традиций исламской философии и искусства играл важную созидательную и общественно-консолидирующую роль в истории народов Центральной Азии.

Не могу не сказать и о проблемах освещения нашего не столь далекого прошлого – истории советского периода. За последние тридцать лет стал привычным нигилистический подход к ней, хотя продолжают жить и старые подходы, основанные на ее идеологизации. Как и в изучении любого другого вопроса, здесь необходим объективный анализ как негативных явлений, противоречий в развитии, репрессий, засилья моноидеологии, так и достижений, главной причиной которых был сам народ, его терпение и трудолюбие. Определенные части этой истории не разделены по национальному принципу, например, история коллективизации, депортации народов в 1930-е годы XX в.

События начала XX века – зарождение и развитие культурно-реформаторского движения, получившего название «джадидизм», затем движение автономизма в виде Туркестон Мухторияти и Алаш Орды – охватывали весь регион, а стремление соединить тради-

ционализм с началами западной демократии и достижениями общечеловеческой цивилизации было характерной чертой и джадидов, и казахских просветителей.

Написание совместной истории Центрально-Азиатского региона – это большая ответственность для ученых. Для этого надо преодолеть субъективизацию в масштабе каждой республики. Историки каждой из них работают в рамках своих территориальных границ, считая центром решения свою республику. Понятие единства исторического процесса в данном случае не работает. Это чревато культурным изоляционизмом и интеллектуальным провинциализмом. Однако это меньше всего касается древней и средневековой истории, где невозможно выделить истоки развития нынешних наций. Археологи всегда работают с мировыми аналогиями. И здесь, как мне кажется, меньше всего должно быть противоречий между учеными.

В целом, общенациональная история для Центральной Азии возможна. Вслед за созданием такого труда очередь за учебниками по общей истории. Это тоже возможно и нужно, поскольку только такой подход, основанный на научной интерпретации, сможет воспитать молодое поколение, отличающееся чувствами дружбы, добрососедства и уважения к своим собратьям из стран Центральной Азии.

**ВКЛАД НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
(На примере фундаментального издания ЮНЕСКО
«История цивилизации Центральной Азии»
1992-2005 гг.)**

ДОДХУДОЕВА ЛАРИСА НАЗАРОВНА,
*заведующая отделом этнологии
и исторической антропологии Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальной академии наук Таджикистана,
доктор исторических наук,
кандидат искусствоведения, профессор
(Душанбе, Таджикистан)*

Если мир станет единообразным, и все мы
начнем существовать как одна планетарная
культура, тогда мы утратим культурную
идентичность, которая нас сформировала

Клотер Ранай

Таджикские исследователи высоко ценят инициативу ЮНЕСКО, а также казахских коллег и прежде всего профессора М. Х. Абусеитовой, которые на протяжении последних лет активно выступают за развитие специалистами различных стран научной платформы «Восток – Запад» в различных ее формах. Более того, Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев указал, что в настоящее время весьма востребованной задачей является написание общей истории Центральной Азии на основе письменных источников разных народов мира.

Прежде чем остановиться на научно-критическом определении сущности феномена Восток – Запад, позволим себе напомнить, что данная научная платформа возникла еще в XX в., и на ее основе и было подготовлено фундаментальное издание ЮНЕСКО «История цивилизации Центральной Азии» (1992–2005) на английском языке [1]. Данное международное исследование занимает особое место в истории изучения региона, так как создавалось оно интер-

национальным коллективом ученых из разных стран и было связано с идеями обновления исторической науки.

На основе анализа имеющихся исследований по рассматриваемой проблеме и архивных данных можно заключить, что идея создания совместной эволюционной истории народов Средней (Центральной) Азии использовалась различными авторами без указания авторства академика Б. Г. Гафурова, который больше известен как автор истории таджикского народа.

В 40-е гг. XX в. осознание места и роли таджикского народа, чья идентичность отличается от идентичности тюркского этноса, привела академика Б. Г. Гафурова к мысли о невозможности растворения его собственной этнокультуры, интеллектуальной и религиозной исторической значимости в союзе с другими народами, о необходимости поиска таджиками и другими народами своего места не только в истории Центральной Азии, но и в контексте мировой цивилизации.

Имеется ряд архивных документов, которые свидетельствуют о том, что еще в 40-е гг. XX в. академик Б. Г. Гафуров ставил вопрос о написании истории Центральной (Средней) Азии [2]. Так, 14 июня 1947 г. Первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Б. Г. Гафуров отправил письмо секретарю ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову, в котором указал, что считает необходимым в конце 1947 г. собрать в Москве специальное совещание по истории народов Средней Азии и Казахстана, созыва которого он добивался уже в течение многих лет. По его мнению, «это совещание положило бы конец той путанице, которая существует в работах некоторых ученых по истории Средней Азии» [3].

Через два года, 3 октября 1949 г., Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Б. Гафуров направил из столицы Таджикистана Сталинабада (ныне Душанбе) записку и проект постановления о созыве совещания по истории народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана заведующему Сектором науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову по вопросу о состоянии изученности происхождения народов Центральной Азии и Азербайджана. Письмо заканчивается следующими словами: «Мы считаем, что необходимо созвать при Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совещание, где обсудить основные задачи по созданию истории народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджан».

жана и положить конец существующим беспринципным спорам, которые приносят сейчас огромный вред» [4].

Надо отметить, что после обращения Б. Г. Гафурова в 1949 г. появилась другая «Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову о проблемах истории народов Центральной Азии», которая была подготовлена В. Кружковым и Ю. Ждановым [5]. Она заканчивается предложением, которое идентично инициативе, выдвинутой самим Б. Г. Гафуровым, о встрече историков Средней Азии с целью совместного обсуждения накопившихся проблем и написания истории региона в январе 1950 г. На совещание следовало бы пригласить представителей Академии наук СССР, среднеазиатских республик и Азербайджана.

Удивительно, что на этом работа по борьбе с паниранизмом и пантюркизмом не закончилась. 13 октября 1950 г. последовала записка генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. А. Фадеева И. В. Сталину «О некоторых ошибках в Таджикистане в отношении к иранским и индийским классикам литературы, а также к классикам литературы Узбекистана и Азербайджана» [6]. Письмо заканчивается предложением о совместном написании истории народов Средней Азии, но при этом авторство Б. Г. Гафурова не указывается. Таким образом, идея академика о создании совместной эволюционной истории народов Средней Азии использовалась различными авторами без указания его авторства. Именно об этом свидетельствуют приведенные выше архивные документы.

Свой план по созданию эволюционной теории цивилизации Средней (Центральной) Азии, а именно так, в развитии, мыслил свое видение Б. Г. Гафуров, поэтапно ему удалось реализовать после того, как он стал директором Института востоковедения Российской академии наук в 1956 г. То, что эта проблема, судя по его письмам 1940-х гг., составляла важную основу научных и политических интересов академика, не вызывает никаких сомнений. Свидетельством тому может служить организация им ряда международных симпозиумов и конференций при поддержке ЮНЕСКО в пору его председательства в советском комитете ЮНЕСКО «Восток – Запад» (1957–1966 гг.).

В Советском Союзе уже в конце 1967 г. при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО был учрежден Комитет по изучению цивили-

лизаций Центральной Азии. Его научно-организационной базой стал Институт востоковедения Академии наук СССР во главе с Б. Г. Гафуровым. Неправительственная Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии (IASCCA) являлась важным консультативным органом ЮНЕСКО в имплементации программ по изучению культур Центральной Азии и, по сути, подвела к изданию фундаментального исследования «История цивилизаций Центральной Азии», которое увидело свет в 1992–2005 гг. О деятельности академика Б. Г. Гафурова на данном поприще достаточно подробно изложено в его совместном труде с Л. И. Мирошниковым «Изучение цивилизаций Центральной Азии (Опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО)» 1976 г. [7].

Именно ему принадлежит честь организации ряда своего рода эпохальных международных симпозиумов и конференций в пору его председательства в советском комитете проекта ЮНЕСКО «Восток – Запад» и в неправительственной Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (IASCCA). Важным проектом комитета «Восток – Запад» стали Дни Рудаки, которые по решению ЮНЕСКО были проведены в Таджикистане в 1958 г. Это был своего рода социальный заказ времени, требующий исторической правды в процессе формирования понятия о культурной идентичности таджикского народа [8].

В 1968 г., уже на посту председателя Комитета по изучению культур Центральной Азии, Б. Г. Гафуров реализовывает новый и весьма важный проект ЮНЕСКО «Культура и искусство Средней Азии в Кушанскую эпоху», который, по словам самого академика, позволил «глубже понять тот огромный вклад, которые внесли народы Индии, Афганистана, Ирана, Пакистана и советских республик Средней Азии в мировую цивилизацию, и правдиво рассказать широким массам о замечательных памятниках культуры этих народов» [9]. Проведение этого грандиозного международного события в Душанбе стало, по своей сути, введением богатого археологического наследия не только в контекст региональной культуры, но мировой цивилизации. В Самарканде в 1969 г. состоялся не менее важный международный симпозиум ЮНЕСКО по искусству эпохи Тимуридов, инициированный академиком Б. Г. Гафуровым и узбекским академиком И. М. Муминовым,

Таким образом, эволюционная теория академика Б. Г. Гафурова цивилизации Центральной Азии, выдвинутая им в 40-е гг. XX в., была воплощена в конце XX – начале XXI веков в исследовании ЮНЕСКО, над которым трудились представители различных стран. Возможен вопрос: почему выдающийся исследователь не пожелал ограничиться только историей таджикского народа, а пытался расширить рамки исследования Средней Азии и Казахстана (Центральной Азии). Нам представляется, что делалось это академиком Б. Г. Гафуровым последовательно с конкретной целью, чтобы достижения таджикского народа могли занять свое достойное место в цивилизации Центральной Азии, а не быть предметом пустых дебатов о его расовой принадлежности или же национальной сущности корифеев, создавших его великое культурное наследие. Осознание места и роли таджикского народа, чья идентичность отличается от идентичности тюркского этноса, привела академика Б. Г. Гафурова к мысли о невозможности растворения его собственной интеллектуальной, культурной и религиозной исторической значимости в союзе с другими народами, но и о необходимости поиска каждым народом своего места не только в истории Центральной Азии, но и в контексте мировой цивилизации.

В рекомендации сессии Международного комитета советников по проекту «Восток – Запад», проходившей в Париже в декабре 1965 г., были включены в проект «Программы и бюджет ЮНЕСКО на 1967–1968 гг.» в виде нового самостоятельного проекта «Изучение цивилизаций народов Центральной Азии», вероятно, внесенного самим академиком Б. Г. Гафуровым. Данный проект стал программным мероприятием ЮНЕСКО по итогам 14-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в конце 1966 г. Он ставил своей целью координацию междисциплинарных исследований собственных культур и продвижение региональной и международной кооперации ученых.

В подготовленном Секретариатом ЮНЕСКО «Информационном документе», содержавшем обоснование нового проекта и более подробную, чем в общей программе, информацию о нем, отмечалось, что проект ««Изучение цивилизаций народов Центральной Азии» по своей сущности является исследовательским и экспериментальным проектом. История народов Центральной Азии не

была в достаточной мере изучена и известна миру. Главным образом по этой причине проект был включен в настоящую программу ЮНЕСКО» [10].

Новый опытный экспериментальный проект по изучению культур Центральной Азии был рассчитан на четырехлетний период (1967–1970). Это был первый опыт практической организации сотрудничества ученых из стран данного региона. Экспериментом было и применение широкого междисциплинарного подхода к изучению культур народов региона. Как отмечается, на основании рекомендаций советских востоковедов, инициатором которых, без сомнения, выступил сам Б. Г. Гафуров, проект получил окончательное оформление своего названия и сыграл большую роль в «организации ранее никогда не имевшего места сотрудничества ученых стран Азии в целях изучения общего культурного наследия» [10, с. 92].

Важным результатом проведенной работы, имеющей значение и для последующего развития центральноазиатских исследований, явилось создание в 1967–1970 гг. в странах – участницах проекта центров по координации национальных и региональных исследований. В решении вопросов, связанных с осуществлением международного сотрудничества по проекту «Центральная Азия», принимали участие национальные комиссии по делам ЮНЕСКО.

Фундаментальное международное исследование ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии» в шести томах (1992–2005 гг.) занимает особое место в истории изучения региона, так как создавалось оно интернациональным коллективом ученых из разных стран и связано с идеями обновления исторической науки. Академик М. С. Асимов (М. С. Осими) был избран президентом Международного научного комитета данного издания и персонально редактировал четвертый том [11].

Проект представлял собой естественное продолжение пилотного проекта по изучению Центральной Азии, который был одобрен на 14-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1966 г. Главной целью данной акции, сформулированной в программе ЮНЕСКО, было ознакомление читателей с цивилизацией народов региона посредством изучения их археологии, истории, языков, литературы. На первоначальной стадии Центральную Азию представляли Афганистан, Индия, Иран, Пакистан, советская Средняя Азия. Позже границы макрорегиона были расширены, благодаря

чему в сфере изучения были включены также культуры Монголии и западных районов Китая. В этом контексте Центральная Азия должна была предстать как один из ключевых регионов мира, который с древности до настоящего времени населяли народы, создавшие особые, самобытные цивилизации. Эксперты предложили Секретариату свою методологию и средства подготовки многотомного издания и добивались того, чтобы эти научные книги были доступны широкому кругу читателей.

На базе этих рекомендаций было решено, что издание будет состоять из шести томов, хронологически представляющих полную историю цивилизаций Центральной Азии от ее зарождения до сегодняшнего дня. Поскольку история представляет собой непрерывную последовательность событий, было решено не придавать особого значения какой-либо конкретной дате. Включение же тех или иных событий в содержание томов должно было быть обосновано требованиями научного исследования.

Семь книг (четвертая состояла из двух частей) «Истории цивилизаций Центральной Азии» (1992–2005 гг.), которые подготовили 270 исследователей из разных стран, представлял новое по тем временам понимание истории и ее фактологического материала. Направление, в каком двигалась мировая историческая наука в 70–80-е гг. XX столетия, ее переориентация ярко отражены в названиях каждого тома и их подразделов. Титул каждого тома раскрывал основное его содержание: том I «Рассвет цивилизации: с древнейших времен до 700 г. до н. э.», том II «Развитие оседлых и кочевых цивилизаций: 700 г. до н. э. – 250 г. н. э.», том III «На перекрестке цивилизаций: 250–750 гг. н. э.», том IV «Эра достижений: от 750 г. н. э. до конца XV в. (в двух частях)», том V «Контрасты развития: от 1500 г. до середины XIX в.», том VI «На пути к современной цивилизации: с середины XIX века до конца XX века» (илл. 1.)

Все перечисленные выше заголовки отражают определенный культурный поворот в исторической науке, который в 80-е гг. XX в. привел к настоящему «взрыву» различных форм «культурных исследований», «политики идентичности» и «мультикультурализму». Именно культура оказалась в центре современных дискуссий, что было ответом на изменения в структуре экономических, социальных и политических институтов [12].

Именно на эти новые подходы, нетрадиционную интерпретацию фактологического материала указал генеральный директор ЮНЕСКО Федерик Майор в предисловии к первому тому [13]. В частности, он писал, что главной целью ЮНЕСКО является записанное в его уставе положение о том, что следует использовать все средства для целей взаимопонимания и более точного и более совершенного познания жизни народов. К сожалению, роль Центральной Азии в мировом историческом процессе долгое время не была достойно представлена, значение ее культуры часто искажалось, дискредитировалось или рассматривалось как второстепенное для цивилизации и доминирующих наций – тех, кто обычно и писал историю. Располагаясь на окраине основных мировых векторов, этот макрорегион долгое время воспринимался как периферия цивилизованного мира. По мнению Ф. Майора, представление Центральной Азии как региона кочевников ныне совершенно не уместно, поскольку культура оседлого населения и особенно городов оказала определяющее влияние на сложение здесь самобытных цивилизаций Центральной Азии.

Новые исследования, по его мнению, часто являющиеся результатом сотрудничества местных ученых и их западных коллег, позволят значительно расширить понимание читателем значения Центральной Азии и в то же время заставят его осознать, сколько еще исторического материала по ее культуре нужно исследовать.

По словам Генерального директора ЮНЕСКО, несмотря на значительный вклад Центральной Азии в формирование истории прошлого и настоящего, этот обширный регион, простирающийся от Каспийского моря до Монголии и Западного Китая, не был исследован как единое культурное целое во времени и пространстве. Поэтому многотомная «История цивилизаций Центральной Азии», опубликованная на английском языке, является первой попыткой представить исчерпывающую картину культур, которые процветали и исчезали в самом сердце Евразийского континента от зарождения цивилизации до наших дней. Основанная на богатом археологическом материале, написанная командой выдающихся специалистов, многие из которых являются представителями этого региона, эта «История» «прольет новый свет на сказочное культурное наследие земель, которые были сформированы движениями народов и различных цивилизаций в данном регионе мира».

По сути, в своем предисловии к 1 тому «Истории цивилизаций Центральной Азии» Ф. Майор указал на черты, присущие новому, в то время сформированному междисциплинарному подходу. А. В. Свешников определил его как перемещение культуры с периферии в центр внимания; осознание необходимости понять человека иной эпохи/культуры (как интеллектуалов, так и простых людей); стремление увидеть в историческом персонаже «живого человека» со своими чувствами, страстями и эмоциями, порой неосознанными; установка на изучение культурного бессознательного (близкого зарубежной «ментальности») [14].

Не менее важна мысль Ф. Майора о том, что универсальная история претерпевала в тот период фундаментальный пересмотр, поскольку память мира состоит не только из королей и героев, сражений и завоеваний, великих соборов и монументальных начинаний. В итоге в новом издании благодаря широкой перспективе исследования читатели получили глобальное понимание эволюции обществ, расцвета культур в Центральной Азии, ее обмена и взаимодействия с другими частями мира.

К тому времени труды признанных корифеев постмодернизма Ж. Деррида, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийара и других ознаменовали переход от макро- к микроистории. В центре внимания стали находиться уже не коллективные феномены, а маленькие группы и даже отдельные личности. Народы стран Африки, Южной Америки, Азии, освобожденные от колониальной зависимости, начали обосновывать свою этнокультурную идентификацию, представляя Западу собственные модели исторического развития, определяемые по расовому, религиозному, национальному, тендерному и прочим признакам. Все это породило плюралистическое видение исторической реальности.

Следует подчеркнуть, что особенностью человека эпохи постмодернизма стал человек – номад, некий неокочевник, который мог мигрировать, часто перемещаясь, чему способствовали современная технологическая оснащенность, различные возможности интернет-технологий. В связи с этим фокус исторической науки начал смещаться в сторону изучения кочевых обществ, свидетельством чему служит увеличение исторических исследований, посвященных номадам Центральной Азии.

Важное влияние оказала методологическая специфика исторических исследований французской исторической школы «Анналов», которая выступала как парадигма глобальной или тотальной истории. «Анналисты» стояли за расширение временных и пространственных рамок исторических исследований, чтобы они могли вместить все возможные формы существования и проявления человеческого фактора во времени, причем эти формы также рассматривались в тотальной перспективе. Иными словами, речь шла об истории, которая продолжала сохранять дух глобального видения, пытаясь все время «воссоздать целое» из подробностей истории повседневности [15].

Известные исследователи Центральной Азии пакистанец А. Х. Дани и советский археолог В. М. Массон в предисловии к первому тому не менее убедительно доказывают, что новые идеи и методы позволили ученым внести вклад в теорию мировой истории, рассматриваемой как сложный узор (pattern) [16, р. 18], связывающий общее с частным. Они видели близкое сходство разнообразных культур макрорегиона Центральной Азии, для которых были характерны глобальные тенденции, и одновременно значительные региональные различия между ними.

По их мнению, значение издания «Истории цивилизаций Центральной Азии» состоит в том, что оно заново представило истинное лицо макрорегиона, которое проникло в сознание людей и их видение своей судьбы. Таким образом, авторы пытались указать на некий сдвиг в традиционной исторической дисциплине и ставили своей целью расшифровку культурного кода чужих культур, их понятий и специфической логики.

Используя новые достижения современных историков, А. Х. Дани и В. М. Массон, вслед за Ф. Майором и М. С. Осими, подчеркивают, что в данной работе Центральная Азия рассматривается как целостное культурное понятие, ее эволюция происходила в ходе многовековой истории, а потому всякого рода разграничения не должны рассматриваться как жесткие границы ни сейчас, ни в будущем. Таким образом, они пытались использовать в своем исследовании те преобразования, которые произошли в исторической дисциплине, когда в развитых странах культура стала играть более значимую роль в эпоху постмодернизма. По их мнению, именно помещение

культуры макрорегиона в центр анализа призвано обеспечить лучшее понимание его цивилизаций [16, p. 20].

Проблема этнокультурной идентичности в формате данной научной платформы стала ключевой на сегодняшний день, что объясняется, прежде всего, глобализацией культурного пространства, массовыми миграциями и радикальными преобразованиями социальных и экономических систем, а также возрастанием роли средств массовой информации. В свою очередь межкультурная коммуникация позволяет постичь собственную этническую идентичность, осуществить ее репрезентацию с учетом того факта, что представители автохтонной культуры и других культур принимали эту идентичность [17].

В предисловии к шестому тому «Истории цивилизаций Центральной Азии» его главный редактор профессор К. Адл написал, что следует выразить благодарность академику Б. Г. Гафурову, президенту Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (IASCCA), который при содействии д-ра Л. И. Мирошникова в качестве докладчика этой ассоциации и в сотрудничестве с другими учеными действительно подготовили почву для запуска окончательного проекта публикации истории макрорегиона. Их революционные мероприятия были поддержаны профессором М. С. Асимовым, первым президентом Международного научного комитета, который взял на себя ответственность в 1980 г. и сохранил ее до своего таинственного убийства в 1996 году [18].

В настоящее время следует продолжить развивать идеи участников предыдущего проекта «Восток – Запад», которые были ими воплощены в фундаментальном труде ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии» (1992–2005). Именно эти задачи поставлены в представленной ныне на обсуждение Концепции научной платформы «Восток – Запад» 2025 г. Принимая во внимание утверждение профессора Восточно-Казахстанского университета А. С. Жанбосиновой, можно было бы сказать, что вновь «пришло время определять и выстраивать свою этноисторию и национальную идентичность в русле евразийской истории, общего евразийского пространства. Мы – разные, но мы похожи. У нас общая территория – Евразия и, соответственно, общие корни. Мы, историки, должны сказать «нет» политической конъюнктуре и «да» – исторической объективности [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. The multi-volume History of Civilizations of Central Asia. UNESCO, 1992-2005.

2. *Додхудоева Л.* Академик Б. Г. Гафуров – основоположник эволюционной теории цивилизации Центральной Азии // Академик Бабаджан Гафуров – выдающийся исследователь и пропагандист истории таджикского народа. Редакторы-составители: А. Раджабов, Б. Кабилова. Под редакцией: Ф. Рахими / Ответ. ред. Н. Убайдулло. Душанбе: Дониш, 2023. С. 394–409.

3. Письмо Первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Б. Г. Гафурова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову об освещении истории народов Центральной Азии// <https://www.facebook.com/groups/HistoryofKhujand/>

4. Письмо Первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Б. Г. Гафурова заведующему Сектором науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову по вопросу о состоянии изученности происхождения народов Центральной Азии и Азербайджана // Советская национальная политика: Идеология и практики. 1945–1953 / Рос. гос. архив социал. полит. истории, Рос. гос. архив новейшей истории, Гос. архив РФ, Герман. ист. ин-т в Москве, Отв. сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. (Серия «Документы советской истории»). № 31.

5. Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии. [Не позднее октября 1949 г.] // Советская национальная политика: Идеология и практики. 1945–1953 / Рос. гос. архив социал.-полит. истории, Рос. гос. архив новейшей истории, Гос. архив РФ, Герман. ист. ин-т в Москве, Отв. сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. (Серия «Документы советской истории»). №36.

6. Записка генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. А. Фадеева И. В. Сталину «О некоторых ошибках в Таджикистане в отношении к иранским и индийским классикам литературы, а также к классикам литературы Узбекистана и Азербайджана». 13 октября 1950 г. // Советская национальная политика: Идеология и практики. 1945–1953 / Рос. гос. архив социал.-полит. истории, Рос. гос. архив новейшей истории, Гос. архив РФ, Герман. ист. ин-т в Москве, Отв. сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – (Серия «Документы советской истории»). № 40.

7. *Гафуров Б. Г., Мирошников Л. И.* Изучение цивилизаций Центральной Азии (Опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО). М., 1976.

8. *Додхудоева Л.* Ключевые концепции академика Б. Гафурова в деле сохранения и популяризации этнокультуры таджиков // Бободжан Гафуров – выдающийся ученый и государственный деятель. Душанбе, 2020. С. 59-72.

9. *Гафуров Б.* Вступительное слово. Культура и искусство Средней Азии в Кушанскую эпоху. Каталог выставки. Ленинград. Душанбе, 1968. С. 3.

10. *Гафуров Б. Г., Мирошников Л. И.* Изучение цивилизаций Центральной Азии (Опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО). Москва, 1976. С. 79.

11. *Додхудоева Л.* Новое гуманитарное мышление и принцип равного достоинства всех культур Центральной Азии (на примере деятельности академиков Б. Гафурова и М. Осими) // Международный форум сближения культур Евразии «Вызовы планетарного сознания: культура и осознанная взаимозависимость». Алматы, 26 октября 2022. Сборник тезисов докладов. С. 89–90; *Nabib Borjian*, «'ĀṢEMI, Moḥammad» Encyclopædia Iranica, online edition, 2012, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/asemi-mohammad-tajik-educator> (accessed on 16 October 2012).

12. *Петренко О. В.* Социоисторический и культурно-антропологический поворот в Отечественной исторической науке: еще раз о том, как все начиналось // Сибирский филиал Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=327>.

13. *Mayor F.* Preface // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 1. Paris, 1992. P. 4–5.

14. *Свешников А. В.* Культурологические и структуралистские тенденции в отечественной гуманитарной мысли 1970-х гг. // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 607.

15. *Тучкова И. Л.* Методологические особенности исторических исследований французской школы «Анналов». <http://ea.donntu.edu.ua/tbitstream/123456789/1544/19/tuchkova.htm>

16. *Dani H. D., V. M. Masson.* Introduction // *History of civilizations of Central Asia*. Vol. 1. Paris, UNESCO. P. 18.

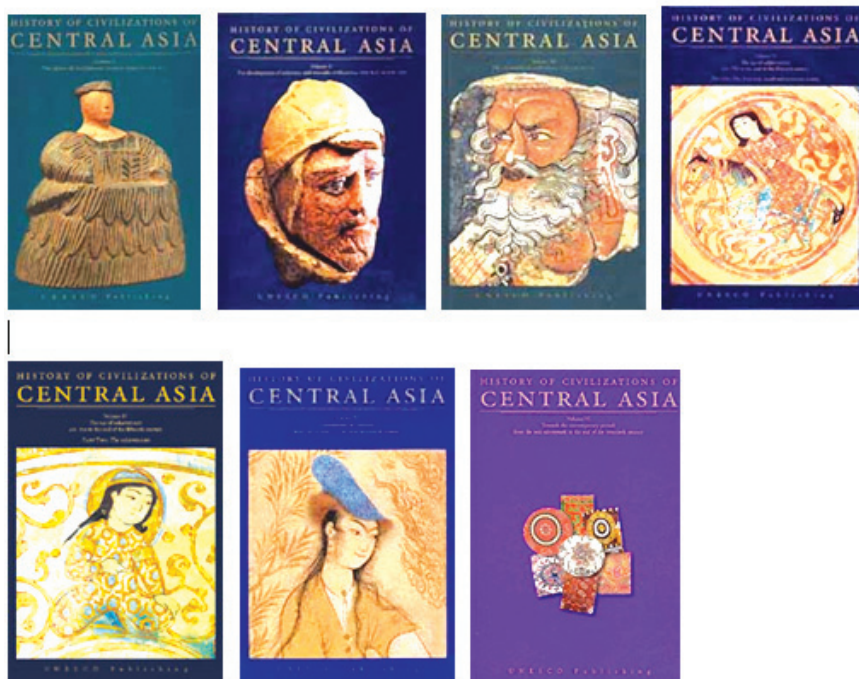
17. *Юань Цзяли, Лях В. И.* К вопросу о характеристике этнокультурной идентичности современного общества // *Культура и цивилизация*. 2022. Т. 12. № 1А. С. 214, 218.

18. *Adele C.* Introduction // *History of civilizations of Central Asia*. Vol. 6. Paris, UNESCO, 2005. P. 26.

19. *Жанбосинова А. С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // *Мир Большого Алтая*. 2015, № 12. С. 140.

The scientific platform «East-West» arose in the 20th century, on the basis of which the fundamental UNESCO publication «History of the Civilization of Central Asia» was prepared in English(1992-2005). This international study occupies a special place in the history of regional studies, as it was created by an international team of scientists from different countries and was associated with ideas for the renewal of historical science. Thus, the evolutionary theory of the Central Asian civilization put forward by Academician B.G. Gafurov in the 1940s was embodied in a UNESCO study at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries.

At present, it is necessary to continue to develop the ideas of the participants of the previous East-West project, which they embodied in UNESCO's fundamental publication. These are precisely the task set out in the Concept «East-West» Scientific Platform of the 2025, which is currently presented for discussion.

Илл. 1. Издание ЮНЕСКО «История цивилизации Центральной Азии» на английском языке (1992-2005 г.).

IRCI'S RESEARCH ON INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN CENTRAL ASIA: COLLECTION OF RESEARCH INFORMATION AND OTHER PROJECTS RELATED TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

YU LE & NOJIMA YOKO,
*International Research Centre for Intangible
Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region (IRCI)*

On behalf of the International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region (IRCI), we present an overview of our research activities in Central Asia. This presentation focuses on two interconnected strands: our systematic collection of research information on Intangible Cultural Heritage (ICH) and its safeguarding in Central Asia, and other projects involving case studies from Central Asia exploring ICH in the context of sustainable development. We believe this consolidated information provides a valuable foundation for the roundtable discussions to follow.

Systematic Collection of ICH Research Information in Central Asia

Summary and Outcomes of Collection in Central Asia. A core component of IRCI's long-term strategy is the accumulation and sharing of vital research information to support ICH safeguarding across the Asia-Pacific. Understanding existing literature and research is fundamental for identifying current situations, challenges, and future needs. To address this, IRCI has maintained and enriched its IRCI Research Database (<https://www.irci.jp/rdb/>) since 2013, with its methodologies for collecting information being evolved over time.

The project, *Sustainable Research Data Collection for ICH Safeguarding: Focusing on Central Asia and Small Island Developing States (SIDS) [1]* launched in 2022, represents the current phase of IRCI's collection of research information. This project shifted the focus of IRCI's institutional cooperation to Central Asia, aiming to establish a foundational understanding of the ICH research landscape, strengthen regional research capacity, and foster collaborative networks among institutions.

The collection mechanism relied on partnerships with experienced organizations in five Central Asian countries: the ICH National Committee in Kazakhstan, the Aigine Cultural Research Center in Kyrgyzstan, the Council for Cultural Heritage Networking and Communication in Mongolia, the Research Institute of Culture and Information in Tajikistan, and the Center for Promotion of Culture and Art of Uzbekistan ‘Umrboqiy Meros’ in Uzbekistan. These partners leveraged their national networks to identify, collect, and review research information.

The three-year activities from FY 2022 to 2024 involved: 1) compiling a bibliographic list of key publications; 2) gathering detailed data on approximately 150 significant research items per country; and 3) analyzing the collected information to produce final country reports. These reports were consolidated and published in a comprehensive project report in March 2025, featuring a regional analysis of all collected information from this sub-region and available digitally on IRCI’s website [2].

To ensure consistency and depth in the collection process, IRCI provided standardized Data Entry Sheets (Excel format) for the partners. The entry sheets captured not only basic bibliographic information but also specific details such as related ICH elements, concerned communities, ICH genres, and the publication’s relevance to safeguarding. Critically, given that much of the literature is in local languages, partners provided English summaries for each entry. This practice is essential for making Central Asian research perspectives accessible to a global audience, thereby enriching the international discourse on ICH.

Beyond collection, the project included capacity-building workshops organized by partners. For instance, in Kazakhstan, a workshop applied the project methodology to explore developing a national ICH database. In Uzbekistan, a workshop stimulated dialogue on the integrated safeguarding of tangible and intangible heritage.

The outcome of this concerted effort was a substantial expansion of the research information accessible in IRCI’s online database. From an initial baseline of 239 entries, the project added 713 new records, bringing the total for Central Asia in the IRCI Research Database to 950. Consequently, Central Asia’s share of the total database records (3,947) increased dramatically from 9% in FY 2020 to 24%.

The IRCI Research Database: A Platform for Knowledge Sharing.

This resource is the central platform hosting this collected information. It is designed as a dynamic public resource to facilitate access to critical ICH research, reveal regional trends, and connect scholarly work across the Asia-Pacific. In FY 2024, IRCI completed a major upgrade of the database, migrating to the open-source software Omeka S. This redesign introduced a more intuitive interface and significantly enhanced search functionality. Users can now perform complex queries using multiple filters (e.g. research focus, ICH genre, region) and advanced logical operators, moving beyond simple keyword searches. Future plans include adding features such as direct PDF downloads to further increase accessibility.

IRCI Research Database

ABOUT Bibliographic Resource Institutions Search IRCI

Bibliographic Resource

The screenshot shows the search interface of the IRCI Research Database. It includes a main search bar labeled 'Search with keyword' with a placeholder 'Enter keyword'. Below it is a 'COUNTRY' dropdown menu currently set to 'Not specified'. There are three separate dropdown menus for 'Data Collection Project', 'ICH Genre', and 'Relevance to ICH Safeguarding', all currently set to 'Not specified'. A 'Search by field' section contains a dropdown for 'All fields', a dropdown for 'contains', a keyword input field, and a '+ add new rules' button. A green 'Search' button is located at the bottom center of the interface.

IRCI Research Database (<https://www.irci.jp/rdb/>)

'Never Seen It Before': The Earliest Reports and Resulting Confusion about the Hagen Courting Dance

Author(s)	Niles Dox
Title	'Never Seen It Before': The Earliest Reports and Resulting Confusion about the Hagen Courting Dance
Publication Type	Book section/Chapter
Language	eng
Number of Pages	22
Location	Papua New Guinea
Relevance to ICH Safeguarding	documentation education awareness raising
ICH Genre	performing arts, music performing arts, dance social practices
Keywords	courting ceremonies patrols Mt. Hagen Western Highlands Province
Description	Hagen Courting as described by the first European visitors to the area, leading to subsequent confusion about performance practices.
Book/Journal Title	A Distinctive Voice in the Antipodes: Essays in Honour of Stephen A. Wild
Publisher	ANU Press
Place of Publication	Canberra
Date of Publication	2017
Pages	407–428
Access URL	https://orcas-files.anu.edu.au/downloads/orcas/in2451/roff/ich15.pdf
ISBN	8781760461119 9781760461126
Academic Field	Ethnomusicology
Community/Ethnic Group	Melpa
Contributor	Papua New Guinea National Cultural Commission
Active Contribution	Papua New Guinea, FY 2023
Data Collection Project	Sustainable Research Data Collection for ICH Safeguarding: Focusing on Central Asia and Developing States

[← Back to Search Results](#)
[Home](#)

A sample publication detail page from the IRCI Research Database

Synthesizing Findings and Looking Ahead through Sub-Regional Meeting. To conclude the project and chart a path forward, IRCI co-organized a sub-regional meeting in September 2025 with the International Information and Networking Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region (ICHCAP) and the UNESCO Office in Uzbekistan. During the meeting, partners presented the findings at the national level and engaged in a dedicated discussion on ICH research in Central Asia. Key emerging themes included the impact of tourism on ICH, the safeguarding of transboundary elements, and the threats to indigenous languages. Participants also proposed future collaborative actions, such as joint research on shared ICH, continuation of collecting research information, and further enhancements to the IRCI database. A second day of discussion focused on synergies between tangible and intangible heritage and strategies for their holistic safeguarding.

The sub-regional meeting underway in Tashkent, Uzbekistan on 25 September 2025.

Projects on ICH and Sustainable Development Involving Central Asia

Parallel to the above project, IRCI has been implementing research projects that examine ICH within the framework of sustainability and resilience, several of which involve case studies from Central Asia.

One project, *Research on ICH's Contribution to SDGs: Education and Community Development* (FY 2020–2021) [3], explored the linkage between SDG Targets 4.7 (education for sustainable development) and 11.4 (safeguarding cultural and natural heritage for sustainable cities and communities). It featured a case study from Kyrgyzstan, conducted by the Taalim-Forum Public Foundation, on the role of community museums. The study highlighted how safeguarding ICH related to yurts, associated crafts, and traditional hunting techniques-heritage intrinsically linked to nomadic traditions and the natural environment-can provide effective education for both cultural transmission and environmental sustainability.

Another initiative, *Research on ICH Safeguarding and Disaster Risk Management* (FY 2020–2023) [4], investigated the dual aspects of ICH in relation to disasters: the risks and threats disasters pose to ICH and the po-

tential contribution of traditional knowledge for disaster risk reduction. The Natural Centre for Cultural Heritage of Mongolia contributed insights from Inner Asia, identifying *dzud* (severe winter conditions) as a major hazard threatening nomadic heritage. Their work underscored that, while climate change intensifies such threats, traditional knowledge remains a crucial resource for community resilience. Their findings were used to advocate for the integration of ICH into national disaster management policies.

More recent work continues to focus on SDG Target 11.4, developing strategies for the holistic safeguarding of heritage by integrating tangible, intangible, cultural, and natural dimensions. While the project *Intangible Cultural Heritage for Sustainable Cities and Communities* (FY 2022–2024) [5] did not include a Central Asian case study, the Taalim-Forum from Kyrgyzstan participated in a symposium held under the project, further elaborating on the role of ICH in materializing nomadic culture-nature relationships.

Currently, IRCI is preparing to start a new project *Intangible Cultural Heritage and Ecosystems* that expands this exploration to include environmental conservation efforts like Biosphere Reserves and UNESCO Global Geoparks. In this regard, it should be noted that the UNESCO Beijing Office has made an open call for case studies promoting tangible-intangible synergies at the UNESCO designated sites in the Asia-Pacific region [6]. IRCI welcomes potential collaboration with Central Asian researchers through this call or directly for our new project, to better understand the unique synergies between tangible and intangible heritage in the sub-region.

Conclusion In summary, IRCI’s work in Central Asia encompasses both building a robust, accessible knowledge base on ICH research and investigating the critical role of ICH in sustainable development. The successful collection of nearly 1,000 research entries has significantly improved the visibility of Central Asian scholarship, while our thematic projects have highlighted the region’s valuable insights into ICH, resilience, and holistic safeguarding. We look forward to continued collaboration with our Central Asian partners to advance these shared goals. All related project reports are available on the IRCI website.

LIST OF REFERENCES:

1. Implemented from FY 2022 to 2024 in Central Asia. For more details on this project, see the IRCI website: https://www.irci.jp/research/research_data/1021_2/.

2. The project report is available online: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/03/Sustainable-Research-Data-Collection-for-ICH-Safeguarding-Project-Report-Part-I-FY-2024.pdf.

3. The project report is available online: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2022/04/Project_report_FY20202021_20220407_web-1.pdf.

4. The project report is available online: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/09/IRCI_Report_Research-on-ICH-Safeguarding-and-DRM-in-the-Asia-Pacific-Region_FY2020-23-1.pdf.

5. The project report is available online: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/05/IRCI_Intangible-Cultural-Heritage-and-Sustainable-Communities-in-the-Asia-Pacific-Region.pdf.

6. For more details, see the Call for Cases on the UNESCO website: <https://www.unesco.org/en/articles/call-cases-promoting-tangible-intangible-synergies-unesco-designated-sites>.

КЛЮЧЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА В ДИАЛОГЕ «ВОСТОК-ЗАПАД»

*ДУЙСЕН ГАЛЫМЖАН МУСТАХИМУЛЫ,
заместитель генерального директора
Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
доктор экономических наук, доцент
(г. Алматы, Казахстан)*

Казахстан более 30 лет является ответственным и миролюбивым участником мирового сообщества, важным элементом системы геополитических и –экономических координат евразийского континента и ключевым государством в регионе Центральной Азии (ЦА). В связи с этим Казахстану принадлежит роль лидера интеграционных инициатив в ЦА. Внешнюю политику Казахстана отличают многовекторность, прагматизм и проактивность, означающие равноправные и взаимовыгодные отношения и безопасность.

Современные глобальные трансформации, геополитические вызовы для Казахстана, возможность их синергетического сложения, неопределенность и длительность воздействия и другие факторы требуют создания научно обоснованной логически последовательной международной политики в целом. В связи с этим нами представлен анализ ключевых исследований Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова в диалоге «Восток-Запад». В рамках проведения фундаментальных научных исследований, программно-целевых и грантовых исследований заложены основы научно-методологической платформы внешней политики страны на среднесрочную перспективу. Разработка ключевых предложений в контексте научных исследований будет являться базисом для внешнеполитических инициатив Казахстана на ближайший период.

В рамках программы целевого финансирования (ПЦФ) «Многовекторность и безопасность внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии» были исследованы системные взаимосвязи обеспечения эффективной политической, экономической и национальной безопасности Казахстана и стран ЦА, определены конфигурации их многовекторной политики, выявлены риски, свя-

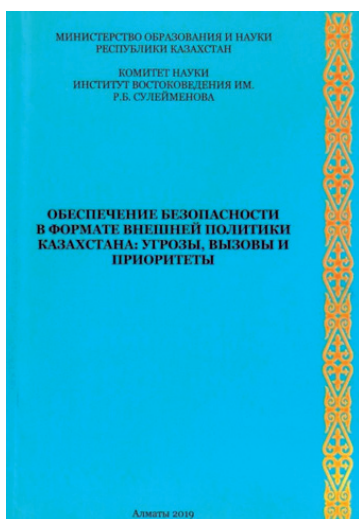
занные с изменениями геополитической ситуации на глобальном и региональном уровнях.

Результаты программы нашли отражение в различных публикациях, аналитических докладах, апробированы на конференциях различного масштаба. В таблице 1 представлены основные результаты программы «Многовекторность и безопасность внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии».

Таблица 1 – Основные результаты исследования по ПЦФ «Многовекторность и безопасность внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии»

Результаты проведенного исследования по годам		
2018	2019	2020
<p>Результаты: Выявлены возможности развития многовекторной и безопасной политики РК по отношению к странам ЦА. - опубликовано 26 научных статей, в т. Ч. 5 статей в изданиях, рекомендованных ККСОН МОН РК и 1 в <i>Scopus</i> и <i>Web of Science</i>, 30 докладов на международных конференциях, Круглых столах; - 5 зарубежных командировок; - выход в СМИ 28 материалов;</p>	<p>Результаты: Проведена оценка геополитических и экономических интересов стран-лидеров в ЦА. - опубликовано 44 научных работ, в т. ч. 6 статей в изданиях, рекомендованных ККСОН МОН РК и 2 статьи в <i>Scopus</i>, 1 брошюра, 2 учебника, 40 докладов на международных конференциях, Круглых столах; - 3 зарубежных командировки; - выход в СМИ 47 материалов;</p>	<p>Результаты: 1. Выработаны предложения по совершенствованию многовекторной и безопасной внешней политики РК и стран ЦА в условиях реального времени и глобальных вызовов. 2. Опубликовано 33 научные работы, в т. Ч. 1 монография, 1 Аналитическая записка, 1 сборник материалов конференции, 4 статьи в изданиях ККСОН МОН РК, 9 зарубежных статей, в т.ч. 3 статьи <i>Scopus</i>, осуществлено 10 интервью в СМИ. 3. Результаты проекта апробированы в 9 докладах на международных конференциях, Круглых столах. 4. Проведена международная научно-практическая онлайн конференция на тему «Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри» (20 августа 2020 г.)</p>

<p>- результаты программы были размещены на интернет сайтах и страницах социальных сетей исполнителей программы</p>	<p>- результаты программы были размещены на интернет сайтах и страницах социальных сетей исполнителей программы</p>	<p>с участием отечественных и зарубежных ученых-экспертов (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Россия, Великобритания, Иран). По итогам конференции принята резолюция. 5. Положительный отзыв на Научный доклад «Обеспечение безопасности в формате внешней политики Казахстана: угрозы, вызовы и приоритеты» - Академия КНБ РК. 6. Положительная рецензия на Аналитическую записку «Внешняя политика центрально-азиатских стран и новые глобальные трансформации» - РОФ «Қаһармандар».</p>
<p>За весь период реализации программы (2018-2020 гг.) опубликовано 103 научные работы, в т.ч. 1 монография, 1 брошюра, 1 Аналитическая записка, 1 сборник материалов конференции, 15 статей в изданиях, рекомендованных ККСОН МОН РК, 6 статей в журналах, индексируемых <i>Scopus u Web of Science</i>, 78 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях, 85 интервью, статей и комментариев в СМИ.</p>		
<p>ПРИМЕЧАНИЕ: составлено автором</p>		

В результате реализации программы были опубликованы следующие научные труды:

1) *Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А., Джалилов З.Г. Обеспечение безопасности в формате внешней политики Казахстана: угрозы, вызовы и приоритеты Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2019. - 92 с.*

В данной работе представлена концептуальная модель обеспечения без-

опасности внешней политики Казахстана с учетом угроз, вызовов и приоритетных направлений на кратко- и среднесрочную перспективу. Авторами дана характеристика основ и формирования системы обеспечения национальной экономической безопасности в условиях глобальных рисков. Проведен анализ угроз и вызовов национальной безопасности Казахстана, их типологизация в контексте геополитических процессов. Раскрыты научно-методологические подходы к обеспечению национальной безопасности, рассмотрены сущность и содержание основных видов безопасности. Выработаны основные рекомендации по разработке механизма обеспечения экономической безопасности РК.

Разработка данного механизма обусловлена необходимостью повышения государственного управления и регулирования во внешнеполитической и экономической сферах.

2) *Внешняя политика центрально-азиатских стран и новые глобальные трансформации. Аналитическое исследование / Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А., Джалилов З.Г. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. - 92 с.*

В аналитическом исследовании, выполненном в формате аналитической записки, рассмотрены основные проблемы внешнеполитической деятельности Казахстана и пути их решения в условиях реального времени. Авторами исследованы проблемы внешней политики Казахстана и стран ЦА в условиях глобальных трансформаций. Проведен анализ современного состояния развития стран ЦА в контексте геополитических процессов. Обоснованы научно-методологические подходы к формированию основ многовекторности и безопасности внешних политик в регионе, обуславливающие устойчивое развитие стран ЦА в условиях преодоления кризисных последствий.

3) *Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. – 288 с.*

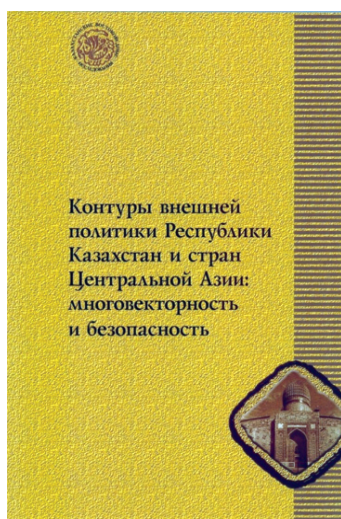

В научном издании представлены материалы Международной научно-практической конференции «Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри», состоявшейся 20 августа 2020 г. в г. Алматы.

В сборник включены доклады участников конференции, а также статьи и исследования ученых, экспертов в сфере внешней политики, экономики, социокультурных аспектов сотрудничества стран Центральной Азии.

Сборник представляет интерес для широкого круга читателей, может быть полезен специалистам органов государственного управления, а также преподавателям, магистрантам и докторантам социально-гуманитарного направления.

4) *Контурь внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии: многовекторность и безопасность: Коллективная монография / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. – 364 с.*

В монографии представлено видение внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии в формате многовекторности, безопасности, приоритетов в условиях угроз, вызовов на кратко- и среднесрочную перспективу.

Авторами дана характеристика основ системы обеспечения национальной экономической безопасности в условиях глобальных рисков. Проведен анализ угроз и вызовов национальной безопасности Казахстана, их типологизация в контексте геополитических процессов. Раскрыты научно-методологические подходы к обеспечению национальной безопасности, рассмотрены сущность и содержание основных видов безопасности. Проведен историко-ретроспективный, политологический и культурно-цивилизационный анализ многовекторности внешней политики стран Центральной Азии, а также социально-философский анализ региональных и социокультурных аспектов сотрудничества стран Центральной Азии. Рассмотрен религиозный фактор во внутренней и внешней политике стран Востока в новых геополитических условиях. Осуществлена оценка экономической многовекторности внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии.

Результаты исследований могут быть использованы при подготовке научных и аналитических материалов для органов государственного управления по регулированию внешнеполитической и экономической сфер, а также при разработке курсов по дисциплинам востоковедного, экономического и регионоведческого профилей.

В рамках программы целевого финансирования «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока» были разработаны методологические подходы и модели обеспечения эффективного научного сопровождения внешней политики Казахстана, к формированию коллективной безопасности и активизации межстранового сотрудничества со странами Востока. В таблице 2 показаны основные результаты исследования.

Таблица 2 – Основные результаты исследования по ПЦФ «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока»

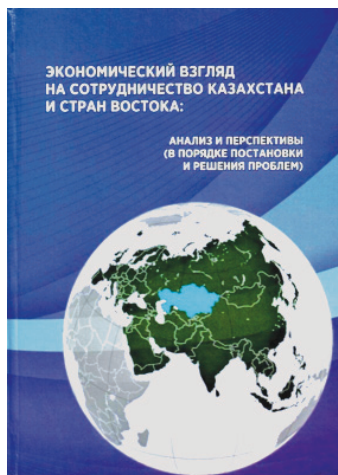
Результаты проведенного исследования по годам	
2021	2022
<p>Научные результаты апробированы в 25 научных публикациях, а также в выступлениях исполнителей проекта, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> - в отечественных изданиях 14 статей, из них 7 – в изданиях КОКСОН; - 2 статьи, в изданиях по базам Scopus и Web of Science; - в зарубежных изданиях 7 статей, из них 4 – в журналах РИНЦ; - 2 монографии (Экономический взгляд на сотрудничество Казахстана и стран Востока: анализ и перспективы (в порядке постановки и решения проблем). - Алматы: ИВ им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2021. – 208 с. и др.). <p>Результаты исследований представлены в 17 докладах на международных научно-практических конференциях, Круглых столах, семинарах.</p> <p>В рамках программы подписаны следующие Меморандумы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - о научном сотрудничестве и взаимодействии с Институтом экономики и организации промышленного производства и Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия), 14.10.2021 г.; - о научном сотрудничестве с Институтом научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН, Москва, Россия), 14 декабря 2021 г.; - о научном сотрудничестве с Институтом востоковедения РАН (Москва, Россия), 14 декабря 2021 г. 	<p>Научные результаты опубликованы в 28 научных работ, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> - в отечественных 13 статей, из них 11 статей в изданиях Комитета по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования МНВО РК; - 1 статьи в в изданиях по базам Scopus и Web of Science; - в зарубежных изданиях 14 статей, из них 2 статьи в журналах РИНЦ; - 1 монография (Новый Казахстан и страны Востока в меняющемся глобальном контексте / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, 2022. – 355 с.), 1 сборник конференции («Казахстан и страны Востока в меняющемся мире: проблемы безопасности и сотрудничества» / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, 2022. – 312 с.). <p>Результаты исследований представлены в 21 докладе на международных научно-практических конференциях, Круглых столах, семинарах.</p> <p>Проведена Международная научно-практическая конференция</p>

<p>- о взаимопонимании и сотрудничестве с Международным центром изучения исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) при Организации исламского сотрудничества (Стамбул, Турция), 8 декабря 2021 г.</p>	<p>на тему «Казахстан и страны Востока в меняющемся мире: проблемы безопасности и сотрудничества» (29 июня 2022 г.). На конференцию было представлено 34 доклада, в т.ч. на пленарное заседание 14 докладов. В мероприятии приняли участие представители Азербайджана, России, Кыргызстана, Узбекистана. По итогам был издан сборник материалов конференции.</p>
<p>За весь период реализации программы (2021-2022 гг.) опубликовано 53 научные работы, в т. ч. в отечественных изданиях 27 статей, из них 18 статей в изданиях Комитета по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования МНВО РК, 3 статьи в Scopus и Web of Science. В зарубежных изданиях 21 статья, из них 6 статей в РИНЦ, 4 монографии, 1 сборник конференции. Результаты исследований представлены в 38 докладах на международных научно-практических конференциях, Круглых столах, семинарах.</p>	
<p><i>ПРИМЕЧАНИЕ:</i> составлено автором</p>	

Результатами реализации программы явились следующие опубликованные научные труды:

1) *Экономический взгляд на сотрудничество Казахстана и стран Востока: анализ и перспективы (в порядке постановки и решения проблем) / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2021 г. – 208 с.*

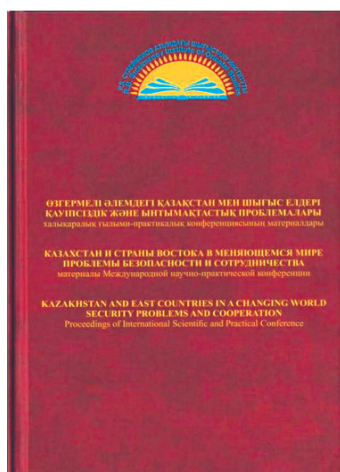
В данной работе в порядке постановки проблемы представлены авторские подходы к разработке и формированию научно-методологических основ сотруд-

ничества и безопасности Казахстана и стран Востока. Авторами обоснованы возможности решения поставленных задач обеспечения экономического сотрудничества и построения архитектуры региональной безопасности для Казахстана и стран Востока. В связи с этим проведен анализ возможных контуров и формата взаимодействия в страновом и региональном масштабах в свете происходящих перемен, рисков и внешних шоков. Выявлена необходимость оценки роли Казахстана в обеспечении глобальной и региональной безопасности с учетом значимости и имиджа страны в структуре международных отношений, складывающихся в восточном направлении внешнеполитического курса Казахстана.

Научное издание представляет интерес для исследователей, экспертов и специалистов в области государственного управления и регулирования внешнеполитической деятельности странового и регионального уровней, докторантов, магистрантов, обучающихся в формате востоковедного, экономического и регионоведческого направлений.

2) «Өзгермелі әлемдегі Қазақстан мен Шығыс елдері: қауіпсіздік және ынтымақтастық проблемалары» Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдар жинағы. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, 2022. – 312 с.

В научном издании представлены материалы Международной научно-практической конференции «Казахстан и страны Востока в меняющемся мире: проблемы безопасности и сотрудничества», состоявшейся 29 июня 2022 г. в г. Алматы. Конференция организована в рамках реализации программы целевого финансирования МОН РК «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока» (2021-2022 гг.).

В сборник включены доклады участников конференции, а также статьи и исследования ученых, экспертов в области внешней политики, международной экономики, историко-культурных аспектов сотрудничества Казахстана и стран Востока.

Сборник представляет интерес для широкого круга читателей, может быть полезен специалистам органов государственного управления, международных организаций, а также преподавателям, магистрантам и докторантам социально-гуманитарного направления.

3) *Новый Казахстан и страны Востока в меняющемся глобальном контексте / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, 2022. – 294 с.*

В монографии проведена оценка перспектив взаимодействия и сотрудничества Республики Казахстан и стран Востока в контексте геостратегических сдвигов в условиях глобальной и региональной нестабильности. Выявлены предпосылки смещения полюсов развития мирового сообщества в направлении восточного континента. Авторами рассмотрены новые контуры и будущий формат Нового Казахстана в условиях меняющегося глобального контекста и внутренних противоречий страны, а также возможности создания основ архитектуры региональной безопасности Казахстана и стран Востока. Проведен анализ глобальных трансформаций и их последствий на внешнеполитическое и –экономическое развитие рассматриваемых стран. Обоснованы основные треки экономизации внешних политик стран-агентов на основе использования матричного анализа их взаимодействия и сотрудничества. Приведены авторское видение, алгоритма и разработки моделей процессов внешнеэкономического взаимодействия и сотрудничества РК и стран Востока в новой реальности на перспективу.

Книга адресована научным работникам, экспертам и специалистам в сфере государственного управления и регулирования в области внешнеполитической и -экономической деятельности, а также обучающимся в данном направлении по программам поствузовского образования.

В рамках реализации фундаментального научного исследования (ФНИ) «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях» были обоснованы различные теоретические и методологические подходы к исследованию на системной основе направлений развития ведущих стран Востока. В таблице 3 отражены ключевые результаты исследования.

Таблица 3 – Основные результаты исследования по ФНИ «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях»

Результаты проведенного исследования по годам		
2023	2024	2025
<p>Результаты:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обоснованы теоретические и методологические подходы к исследованию на системной основе направлений развития ведущих стран Востока; - изучены и проанализированы основные труды по вопросам взаимосвязи стран Востока и Казахстана в области историко-культурного наследия; - осуществлен анализ политики КНР в том числе и перспектив расширения 	<p>Результаты:</p> <ul style="list-style-type: none"> - исследованы межэтнические, межконфессиональные и межкультурные аспекты взаимодействия Казахстана со странами Востока; - осуществлен анализ экономической политики государств Центральной Азии в отношении Казахстана с учетом обеспечения безопасности стран региона; - проведен анализ политических и гуманитарных связей КНР, 	<p>Результаты:</p> <p>Основные результаты исследования:</p> <ul style="list-style-type: none"> - разработаны предложения по культурно-гуманитарному взаимодействию между Казахстаном и ведущими странами Востока с учетом перспектив политики «мягкой силы» (Soft power); - выявлены глобальные проблемы в ведущих странах Востока (экологический, продовольственный, водный и др. кризисы) и систематизированы

<p>экономических связей в рамках инициативы «Один пояс, один путь»;</p> <p>- проведен анализ хода экономического и культурно-гуманитарного взаимодействия между Казахстаном и странами Востока (КНР, Ближний Восток, Турция, Центральной Азии и др.).</p> <p>За отчетный период опубликовано 14 научных работ, в т. ч. в отечественных 9 статей, из них 5 статей в изданиях КОКНВО МНВО РК. В зарубежных изданиях 5 статей. Результаты исследований представлены в 40 докладах на международных и республиканских научно-практических конференциях, Круглых столах, семинарах.</p>	<p>Японии, Южной Кореи, Турции с Казахстаном;</p> <p>- осуществлен анализ концепции и перспектив развития сообщество единой судьбы Китай – Центральная Азия.</p> <p>За отчетный период опубликовано 30 научных работ, в т. ч. в отечественных 27 статей, из них 15 статей в изданиях КОКНВО. В зарубежных изданиях 3 статьи, в том числе в Scopus – 1 статья. Результаты исследований представлены в 23 докладах на международных и республиканских научно-практических конференциях, Круглых столах, семинарах. Публикации и выступления в СМИ – 19.</p>	<p>методов их решения;</p> <p>- выработаны рекомендации по стратегическим направлениям политического и экономического взаимодействия Казахстана со странами Востока;</p> <p>- опубликовано 8 научных статей в изданиях рекомендованных КОКНВО;</p> <p>- опубликована 1 научная статья в журналах входящих в список базы Скопус;</p> <p>- проведена 1 международная научно-теоретическая конференция;</p> <p>- издана коллективная монография по теме фундаментального научного исследования.</p>
<p>За весь период реализации ФНИ (2023-2025 гг.) опубликовано 54 научные работы, в т.ч. 1 монография, 1 сборник материалов конференции, 28 статей в изданиях, рекомендованных КОКНВО МНВО РК, 2 статьи в журналах, индексируемых Scopus и Web of Science, 23 статьи в отечественных и зарубежных научных изданиях, 19 интервью, статей и комментариев в СМИ.</p>		
<p><i>ПРИМЕЧАНИЕ:</i> составлено автором</p>		

В целом, Институт востоковедения выполняет исследования в рамках реализации законов, Посланий и государственных программ Республики Казахстан. Исследования современных ключевых аспектов внешней политики Казахстана показали значительный потенциал отечественного востоковедения по осуществлению стратегических задач развития государства и позиционированию страны на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А., Джалилов З.Г. Обеспечение безопасности в формате внешней политики Казахстана: угрозы, вызовы и приоритеты Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2019. – 92 с.
2. Внешняя политика центрально-азиатских стран и новые глобальные трансформации. Аналитическое исследование / Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А., Джалилов З.Г. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. - 92 с.
3. Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. – 288 с.
4. Контуры внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии: многовекторность и безопасность: Коллективная монография / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. – 364 с.
5. Экономический взгляд на сотрудничество Казахстана и стран Востока: анализ и перспективы (в порядке постановки и решения проблем) / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2021. – 208 с.
6. «Өзгермелі әлемдегі Қазақстан мен Шығыс елдері: қауіпсіздік және ынтымақтастық проблемалары» Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдар жинағы. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, 2022. – 312 с.
7. Новый Казахстан и страны Востока в меняющемся глобальном контексте / Под ред. Дуйсена Г.М. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, 2022. – 294 с.
8. Послания Президента Республики Казахстан К.К. Токаева народу Казахстана: «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» от 1 сентября 2022 г.; «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 г.
9. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» от 30 июля 2024 года № 611.
10. Закон Республики Казахстан «О науке и технологической политике» от 1 июля 2024 г. № 103-VIII ЗРК.
11. Концепции развития высшего образования и науки Республики Казахстан на 2023-2029 года от 28 марта 2023 г. № 248.
12. Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы от 6 марта 2020 г. № 280 и др.

**Международный симпозиум «Внешняя политика
Казахского ханства: Новые находки и академическая оценка
документов и артефактов по внешней политике Казахского
ханства в XV-XVII веках, находящиеся в зарубежных музейных
и архивных коллекциях» и Круглый стол по концепции
Международного научного комитета «Восток-Запад».
16-17 октября 2025 года Астана, Республика Казахстан**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

Приветствие Генерального секретаря Национальной Комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО <i>Жанар Есентаевны Шайменовой</i> (Астана, Казахстан)	3
Приветствие Советника по культуре регионального офиса ЮНЕСКО стран Центральной Азии в Алматы <i>Филитпа Деланжа</i> (Алматы, Казахстан)	5
Приветствие Председателя Комитета культуры Министерства культуры и информации Республики Казахстан <i>Дакенова Ерлана Ергазыулы</i> (Астана, Казахстан)	7
Приветствие Генерального директора Исследовательского Центра ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию в странах Азии и Тихого океана <i>Дайсукэ Мачида</i> (Осака, Япония)	8
Приветствие Генерального директора Исследовательского Центра ЮНЕСКО по нематериальному наследию в странах Центральной и Западной Азии <i>Атузы Момени</i> (Тегеран, Исламская Республика Иран)	10
Приветствие Профессора Высшей школы исследований социальных наук, доктора исторических наук <i>Винсент Фурнье</i> (Париж, Франция)	12

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

<i>М.Х. Абусеитова</i> . Новые архивные материалы и визуальные артефакты по истории внешней политики Казахского ханства XV-XVII веков	17
<i>Н. Базылхан</i> . Қазақ хандығы: «қазақ» этнополитоним, хандық билік рәміздері мен ру-тайпа таңбалары туралы (этноархеологиялық және архив деректері негізінде)	34

<i>А.К. Кушкумбаев.</i> Сайид-Ахмад II в восточноевропейской политике XV века: генеалогия, власть и межгосударственные отношения (1430–1455 гг.)	74
<i>Л.Н. Додхудоева.</i> «Суннитский пояс» Евразии в эпоху турбулентности, XVI-ый век: военно-дипломатический аспект	84
<i>Е.М. Ужкенов, З.С. Табынбаева, Г. А. Шотанова.</i> Калмыцкий фактор в истории казахской степи	101
<i>З.С. Табынбаева.</i> Казахское ханство в исторической картографии: источники, контексты, интерпретации	115
<i>Б. Еженханұлы.</i> XVIII ғасырдың екінші жартысындағы Қазақ хандығы мен Цин патшалығы аралығындағы сауда қарым-қатнастары	126
<i>И.В. Зайцев.</i> Письмо (عرض نامه) хана Младшего жуза Жанторе императору Александру 1 ноября 1808 г. из собрания Российской государственной библиотеки	150
<i>Г. А. Шотанова.</i> Внешнеполитическое положение казахов Младшего жуза в период правления Абулхаир-хана	156
<i>Д.А. Алимова.</i> История Центральной Азии: узловыe вопросы научной интеграции и исследовательских подходов	167
<i>Л.Н. Додхудоева.</i> Вклад народов Центральной Азии в общее наследие человечества (на примере фундаментального издания Юнеско «История цивилизации Центральной Азии» 1992-2005 гг.)	173
<i>Yu Le & Nojima Yoko.</i> IRCI'S Research on Intangible Cultural Heritage in Central Asia: Collection of Research Information and Other Projects Related to Sustainable Development	187
<i>Г.М. Дуйсен.</i> Ключевые исследования по внешней политики Казахстана в диалоге «Восток-Запад»	194

«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА:
новые находки и академическая оценка документов
и артефактов по внешней политике Казахского ханства
в XV-XVII веках, находящихся в зарубежных
музейных и архивных коллекциях»

Редактор *В. Корешкова*
Дизайнер *К. Карпун*
Компьютерная верстка *Н. Садыкова*

Формат 60×90 ¹/₁₆. Условно п.л. 13,5.

ISBN 978-601-12-7893-5

9|786011|278935|

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
